Всероссийский научный журнал

ВОПРОСЫ ПРАВА

№ 3
(июль-сентябрь)
2026 г.

Учредитель: Грудцына Л.Ю., доктор юридических наук, профессор, эксперт РАН
Издатель: Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
Основан в 2012 году.
Выходит один раз в 3 месяца.
Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации. ISSN 2949-0871.
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-49170 от 23 марта 2012 г.)
С 2013 г. журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.
С 2015 г. журнал является площадкой для публикации материалов участников международных научно-практических конференций и круглых столов, научных статей магистрантов, аспирантов и адъ-юнктов из России, стран СНГ и зарубежных государств.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

ВОПРОСЫ ПРАВА

Всероссийский научный журнал

Ежеквартальный научно-правовой журнал, посвящённый актуальным вопросам теории и истории права и государства, а также проблемам конституционного (государственного) права и законодательства в России и мире, теоретико-правовым исследованиям.

Председатель редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Главный редактор: Виноградова Елена Валерьевна

Первый заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Корректор: Козлова Вера Евгеньевна

Компьютерная верстка: Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн, web: Ерцев Роман Александрович

Офис редакции: г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Этаж 2. Офис В 218.

WhatsApp: +7-926-125-33-23.

Официальный сайт: https://v-prava.ru

E-mail: editor@law-books.ru

Почтовый адрес редакции (для корреспонденции): 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, 28-57.

При использовании опубликованных материалов ссылка на Всероссийский научный журнал «Вопросы права» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении.
Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

Специальность: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
- МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
- ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
- ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ
- ПРАВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО
- ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ
- ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА
- ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА
- ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС

Специальность: 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

- ПОЛИТИКА И ПРАВО
- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО
- ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ
- ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КОНСТИТУЦИИ
- МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО
- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
- ИННОВАЦИИ

JOURNAL HEADINGS

Specialty: 5.1.1. - Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

- HUMAN RIGHTS
- METHODOLOGY AND HISTORY OF LEGAL SCIENCE
- HISTORY OF THE STATE AND RIGHTS OF FOREIGN COUNTRIES
- HISTORY OF THE RUSSIAN STATE AND LAW
- LEGAL FORMATION AND LEGAL CREATION
- PROBLEMS OF LEGAL UNDERSTANDING
- PROBLEMS OF THE THEORY OF LAW
- INTERPRETATION OF LAW
- PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Specialty: 5.1.2. - Public law (public law) sciences (legal sciences)

- POLICY AND LAW
- CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
- POLICY AND SECURITY
- THEORY AND HISTORY OF THE CONSTITUTION
- MUNICIPAL LAW
- JUSTICE AND JURISPRUDENCE
- INNOVATIONS

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ
научных статей, направленных в редакцию Всероссийского научного журнала «Вопросы права»

1. Рецензируемое научное издание – Всероссийский научный журнал «Вопросы права» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию мате риалов, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Все ре цензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых мате риалов, докторами или кандидатами юридических наук, и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой научной статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции рецензируемого научного издания в течение пяти лет.
2. Редакция Всероссийского научного журнала «Вопросы права» направ ляет авторам представленных материалов копии рецензий и/или мотивированный от каз, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию Всероссийского научного журнала «Вопросы права» соответствующего запроса.
3. Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уро вень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность. При анализе представ ленных материалов, рецензентом уделяется внимание следующим вопросам: а) общий анализ научного уровня, терминологии, структуры статьи, актуальности темы;
б) оценка подготовленности статьи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи;
в) научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики;
г) место рецензируемой работы среди других работ на подобную тему: что нового в ней или чем она отличается от них, не дублирует ли содержание рукописи работы других авторов или ранее напечатанные работы данного автора);
д) допущенные автором неточности, ошибки, нарушение правил цитирования.
1. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала уста навливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать две недели с момента поступления рукописи к рецензенту.
2. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.
3. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:
а) рекомендовать принять рукопись к публикации;
б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;
в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);
г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).
4. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных ру брик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ:

Ари Палениус – проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)
Арройо Эна Росьо Карнеро – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо.
Безерра Феликс Валуа Гуара – Juris Doctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.
Велиев Исахан Вейсал оглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Деян Вучетич - доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)
Джун Гуан – проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)
Дуран Роберто Альваро Гусман – Juris Doctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии.
Ким Эшли – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.
Лаи Дешенг – проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)
Марек Вочозка – проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)
Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)
Она Гражина Ракаускиене – проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)
Пол Брэнд – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)
Пол Дэвис – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)
Предраг Димитриевич – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)
Тепман Леонид Наумович – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)
Чирич Александр – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

INTERNATIONAL COUNCIL:

Ari Palenius – prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)
Arroyo Ena Rosyo Karnero – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo.
Bezerra Felix Valois Goira – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins.
Veliyev Isakhan Veysal Oglou – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)
Dejan Vuchetich – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)
Jun Guan – prof., Deputy. Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)
Durán Roberto Alvaro Guzman – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia.
Kim Ashley – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.
Lai Desheng – prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)
Marek Vochozka – prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)
Nematov Akmal Raufdzhonovich – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)
Ona Grazyna Rakauskiene – prof., University. Mykolas Romeris (Lithuania)
Paul Brend – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)
Paul Davies – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)
Predrag Dimitriyevich – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)
Tepman Leonid Naumovich – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)
Chirich Alexander – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель: **С.А. Иванова** – доктор юридических наук, профессор,
заместитель первого проректора по учебной и методической работе,
профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
эксперт РАН, Почетный адвокат России

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Междуна-родного союза (содружества) адвокатов

В.Н. Жуков – доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

И.А. Конюхова – доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия

А.В. Рагулин – доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем орга-низации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

Б.С. Эбзеев – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России

Н.Д. Эриашвили – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокура-туры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управ-ления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD:

Chairman: **S.A. Ivanova** — Doctor of Law, Professor, Deputy First Vice-Rector
for Academic and Methodological Work, Professor of the Department of Finance University
under the Government of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences,
Honorary Lawyer of Russia

A.P. Haloganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.N. Zhukov - Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

I.A. Konyukhova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Professor, Department of Constitutional Law, Russian Academy of Justice

A.V. Ragulin - Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Problem Research Center organization and activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers

B.V. Sangadzhiev - Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the Legal Institute of RUDN University

B.S. Ebzeev - Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (inresignation), member of the CEC of Russia

N.D. Eriashvili - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: *Виноградова Елена Валерьевна*, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права РАН

Первый заместитель главного редактора: *Шайхуллин Марат Селирович*, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России», руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

Специальность: 5.1.1 — Теоретико-исторические правовые науки

А.А. Дорская - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

В.О. Миронов - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного права и управления таможенной деятельностью ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» (ВлГУ).

Д.А. Пашенцев - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, главный научный сотрудник отдела теории права и межотраслевых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор Московского городского педагогического университета и Университета Правительства Москвы, руководитель центра развития просветительской деятельности для сельских территорий Российского государственного университета народного хозяйства имени В.И. Вернадского.

В.Е. Усанов - доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, президент Союза экспертов в области управления «Международная академия менеджмента».

М.С. Шайхуллин - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России», руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

Специальность: 5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

О.Н. Булаков - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета

Е.В. Виноградова - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права РАН

Л.Ю. Грудцына - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», профессор кафедры патентного права и правовой охраны средств индивидуализации ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Почетный адвокат России, эксперт РАН.

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Почетный работник сферы образования РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Б.В. Сангаджиев - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-chief: *Vinogradova Elena Valerievna,* Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher of the Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
First Deputy Editor-in-Chief: *Shaikhullin Marat Selirovich,* Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Federal State Educational Institution of
Higher Education "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia",
Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems.

Specialty: 5.1.1 - Theoretical and historical legal sciences

A.A. Dorskaya - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen.

V.O. Mironov - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Management of Customs Activities of the Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs (VlSU).

D.A. Pashentsev - Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Theory of Law and Intersectoral Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Moscow City Pedagogical University and the University of the Government of Moscow, head of the center for the development of educational activities for rural areas of the Russian State University of National Economy named after V.I. Vernadsky.

V.E. Usanov - Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, President of the Union of Experts in the Field of Management "International Academy of Management".

M.S. Shaikhullin - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law.

Specialty: 5.1.2 - Public legal (state legal) sciences

O.N. Bulakov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University for the Humanities

E.V. Vinogradova - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Professor of the Department of Patent Law and Legal Protection of Means of Individualization of the Russian State Academy of Intellectual Property, Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences.

V.V. Komarova - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)", Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

B.V. Sangadzhiev - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation".

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Данилин И.Н. * Влияние форм собственности на отраслевую специализацию регионов 13
Сат М.М. * Изменения в нормативно-правовых актах Российской Федерации как государства-члена ВТО (влияние на отечественные производства) 19
Руднева С.В. * Стратегический аудит в эпоху структурной трансформации: новые индикаторы финансовой безопасности для импортозамещающих производств 23
Турова А.В., Коростелев Д.Д., Ценева А.В. * Избрание юрисдикции КНР для совершения трансграничных сделок в контексте продления санкций США против РФ 28

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Кузнецова Д.Е., Ерохина Е.В. * Принцип равенства прав супругов в семье 33
Мамкина М.Ю. * Лишение родительских прав: основания, процедура и перспективы восстановления 37

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Добродомова Д.А. * Искусственный интеллект в выявлении коррупционных рисков: перспективы внедрения в деятельность подразделений экономической безопасности 41
Попова У.П. * Финансовые риски и угрозы экономической безопасности в условиях импортозамещения и параллельного импорта 46

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Алфимова Д.В. * Конституционно-правовые гарантии защиты прав граждан при взаимодействии с органами ЗАГС 51

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Белова Л.М. * Правовое регулирование экономики в РФ: современное состояние и траектории развития 58

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Соловьёва Д.О. * К вопросу о формах участия прокурора в гражданском судопроизводстве: проблемы теории и практики 63
Зюбина Е.В. * Судебная защита цифровых прав в условиях цифровизации общества 66
Перонко С.В. * Проблемные аспекты судебного разбирательства по делам об убийствах и пути их разрешения 70
Иванов М.Р. * Время потерянное и обретенное: основные проблемы и перспективы применения ст. 99 ГПК РФ в качестве способа противодействия процессуальным злоупотреблениям 73

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Путренко А.Н., Баштовой С.В., Приходько О.А. * Актуальные проблемы применения правовых норм о реституции 81
Сахацкая А.С. * Приобретательная давность: проблемы применения 88
Аджиэмирова Ш.С. * Юридическая природа общественного контроля за деятельностью полиции: проблемы нормативной определённости и реализации 93
Шеметова А.Д. * Физическая активность беременных: врач рекомендовал, тренер одобрил - кто в ответе за вред? 96

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Кумецкая А.С., Моисеенко М.И. * Особенности гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними 102
Никитина М.Ю. * Анализ типичных способов незаконного отчуждения жилой недвижимости 108

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Лобызенкова В.А. * Тактические аспекты допроса женщин подозреваемых и обвиняемых при расследовании преступлений террористической направленности 113
Бабкина М.А., Тарасов А.В. * Криминалистическая характеристика захвата заложников: содержание, структура и значение для методики расследования 118
Николенко В.А. * Проблемы разграничения административной коррупции и уголовных преступлений: практика переквалификации ст. 19.28 КоАП РФ и ст. 204 УК РФ 125

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Прокопенко М.В., Галанов К.А., Журавлев М.И., Савелов Г.А., Калач Г.П. * Административно-правовой статус военнослужащего в Российской Федерации: современные вызовы и перспективы развития 128
Синёв И.И. * Административный надзор как способ профилактики семейно-бытового насилия 133
Алфимова Д.В. * Принципы административного судопроизводства в контексте споров о регистрации актов гражданского состояния 137

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

Ян Т. * Психолого-педагогические условия развития предпринимательской деятельности студентов в образовательном процессе китайского вуза структура и содержание 142
Девяткина А.П. * Деятельностный подход к формированию культуры безопасного поведения студентов в образовательной среде вуза 148
Кочетова А.С. * Развитие эмоционального интеллекта студентов как условия эффективного лидерства в вузовской среде 153
Шайхелисламов С.Р. * Педагогические условия воспитания гражданственности и патриотизма подростков в рамках дополнительного образования 158

CONTENT:

POLITICS AND LAW

Danilin I.N. * The influence of ownership forms on the sectoral specialization of regions 13
Sat M.M. * Changes in the regulatory legal acts of the Russian Federation as a WTO member state (impact on domestic production 19
Rudneva S.V. * Strategic audit in the era of structural transformation: new financial security indicators for import-substituting industristries 23
Turova A.V., Korostelev D.D., Tseneva A.V. * The selection of jurisdiction by China in cross-border transactions within the framework of the expanding US sanctions against Russia 28

HUMAN RIGHTS

Kuznetsova D.E., Erokhina E.V. * The principle of equal rights of spouses in the family 28
Mamkina M.Yu. * Deprivation of parental rights: grounds, procedure and prospects for restoration 32

NATIONAL SECURITY

Dobrodomova D.A. * Artificial intelligence in identifying corruption risks: prospects for implementation in the activities of economic security units 36
Popova U.P. * Financial risks and threats to economic security in the contex of import substitution and parallel imports 41

CONSTITUTIONAL (STATE) LAW

Alfimova D.V. * Constitutional and legal guarantees for the protection of citizens' rights in interaction with civil registry authorities 46

LAW AND ECONOMICS

Belova L.M. * Legal regulation of the economy in the Russian Federation: current state and development trajectories 53

JUSTICE AND JUDICIAL PRACTICE

Soloveva D.O. * On the forms of participation of the prosecutor in civil trial: problems of theory and practice 58
Zyubina E.V. * Judicial protection of digital rights in the context of digitalization of society 61
Peronko S.V. * Problematic Aspects of Trial in Murder Cases and Ways to Resolve Them 65
Ivanov M.R. * Time lost and found: main problems and prospects of applying article 99 of the civil procedure code of the Russian Federation as a way to counter procedural abuse 68

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Putrenko A.N., Bashtovoy S.V., Prikhodko O.A. * Actual problems of the application of legal norms on restitution 76
Sakhatskaya A.S. * Statute of Limitations: Application Issues 83
Adzhiemirova S.S. * Legal Nature of Public Control over Police Activities: Problems of Normative Certainty and Implementation 88
Shemetova A.D. * Physical activity for pregnant women: doctor recommended, trainer approved - who's responsible for the harm? 91

CIVIL AND BUSINESS LAW

Kumetskaya A.S., Moiseenko M.I. * Features of civil liability for harm caused by minors 97
Nikitina M.Yu. * Analysis of typical methods of illegal alienation of residential real estate 103

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

Lobyzenkova V.A. * Tactical aspects of interrogation of female suspects and accused during the investigation of terrorist crimes 108
Babkina M.A., Tarasov A.V. * Forensic characteristics of hostage-taking: content, structure and significance for the investigation methodology 113
Nikolenko V.A. * Problems of distinguishing between administrative corruption and criminal offenses: practice of re-qualification of Art. 19.28 of the Administrative Code of the Russian Federation and Art. 204 of the Criminal Code of the Russian Federation 120

ADMINISTRATIVE LAW

Prokopenko M.V., Galanov K.A., Zhuravlev M.I., Savelov G.A., Kalach G.P. * Administrative and legal status of a serviceman in the Russian Federation: current challenges and development prospects 123
Sinev I.I. * Administrative supervision as a way to prevent domestic violence 128
Alfimova D.V. * Principles of Administrative Procedure in the Context of Disputes over Civil Status Registration 132

EDUCATION MANAGEMENT

Yang T. * Psychological and pedagogical conditions for developing student entrepreneurship in the educational process of a Chinese university: structure and content 137
Devyatkina A.P. * Activity approach to forming a culture of safe behavior of students in the educational environment of the university 143
Kochetova A.S. * The development of students' emotional intelligence as a condition for effective leadership in the university environment 148
Shaikhelislamov S.R. * Pedagogical conditions for the education of citizenship and patriotism of adolescents in the framework of additional education 153

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.06.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-13-18**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

ДАНИЛИН Игорь Николаевич,
аспирант 1 курса,
АНО ВО Университет мировых цивилизаций В.В. Жириновского,
e-mail: 9510574718@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ НА ОТРАСЛЕВУЮ СПЕЦИАЛИЗАЦИЮ РЕГИОНОВ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются взаимоотношения между институциональной структурой экономики, характеризующейся доминированием различных форм собственности, и отраслевой специализацией регионов. На основе анализа теоретических подходов и эмпирических данных, касающихся Российской Федерации, автор выявляет ключевые закономерности влияния государственной, частной и корпоративной собственности на формирование экономического профиля территорий. Особое внимание уделяется феномену моноспециализации в ресурсодобывающих регионах, где вертикально интегрированные структуры определяют не только экономическую, но и социальную динамику. В работе представлен статистический анализ распределения форм собственности по федеральным округам и их корреляции с отраслевой структурой валового регионального продукта (ВРП). Сделан вывод о том, что институциональные факторы должны учитываться при разработке стратегий пространственного развития и региональной промышленной политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: формы собственности, отраслевая специализация, региональная экономика, государственный сектор, корпоративные структуры, институциональная структура, промышленная политика, валовой региональный продукт.

DANILIN Igor Nikolaevich,
1st-year postgraduate student,
Vladimir Zhirinovsky University of World Civilizations

THE INFLUENCE OF OWNERSHIP FORMS ON THE SECTORAL SPECIALIZATION OF REGIONS

ANNOTATION. The article examines the relationship between the institutional structure of the economy, characterized by the dominance of various forms of ownership, and the sectoral specialization of regions. Based on an analysis of theoretical approaches and empirical data concerning the Russian Federation, the author identifies the key patterns of how state, private, and corporate ownership influence the formation of the economic profile of territories. Particular attention is paid to the phenomenon of single-industry specialization in resource-extracting regions, where vertically integrated structures determine not only economic but also social dynamics. The work presents a statistical analysis of the distribution of forms of ownership across federal districts and their correlation with the sectoral structure of gross regional product (GRP). The conclusion is drawn that institutional factors should be taken into account when developing strategies for spatial development and regional industrial policy.

KEY WORDS: : forms of ownership, sectoral specialization, regional economy, public sector, corporate structures, institutional structure, industrial policy, gross regional product.

Трансформация экономических отношений в России, которая продолжалась в течение последних десятилетий, сформировала многостороннюю экономику, в которой сосуществуют и взаимодействуют различные формы собственности. Современный этап развития, характеризующийся усилением давления внешних санкций и необходимостью обеспечения технологического суверенитета, предъявляет новые требования к региональным экономическим системам [9]. В этих условиях институциональная структура, понимаемая как соотношение вклада предприятий различных форм собственности, во многом определяет гибкость и адаптивность регионального хозяйственного комплекса.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания глубинных механизмов, определяющих траектории развития регионов. Форма собственности на средства производства определяет цели управления

(максимализация прибыли, выполнение государственной цели, социальная стабильность), инвестиционные стратегии, степень интеграции в технологические цепочки и, в конечном счете, устойчивость региональной экономики к внешним потрясениям [7]. Целью данной работы является выявление и систематизация каналов влияния доминирующих форм собственности на формирование и закрепление отраслевой специализации регионов России в современных экономических условиях.

На региональном уровне собственность - это не просто юридическое право, а реальная экономическая сила, которая позволяет нам присваивать результаты производства и влиять на распределение ресурсов. В контексте новой глобальной реальности происходит изменение отношений собственности, что позволяет рассматривать компании не только с точки зрения экономической эффективности, но и с точки зрения воздействия на общество и территории присутствия [11].

Существуют три основные формы собственности, которые оказывают различное влияние на специализацию:

1. Государственная собственность (федеральная и региональная). Традиционно доминирует в секторах естественных монополий, оборонно-промышленного комплекса, инфраструктуры. Его присутствие часто сохраняет существующую специализацию, поскольку решения принимаются не столько на основе рыночных условий, сколько на основе соображений стратегической безопасности или социальной стабильности. Как отмечают исследователи,

В условиях санкционного давления именно государственные структуры становятся движущими силами импортозамещения в критически важных отраслях [3].

2. Частная собственность (малые и средние предприятия). Он характеризуется высокой мобильностью и ориентацией на потребительский спрос. Он способствует диверсификации региональной экономики, развитию сектора услуг, сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности, ориентированной на местный рынок. Современные исследования подчеркивают важность предпринимательской экосистемы как фактора регионального экономического роста [7].

3. Корпоративная собственность (большие холдинги и государственные корпорации). Это имеет решающее значение для регионов, ориентированных на ресурсы и экспорт. Такие структуры, как правило, экстерриториальны: центр принятия решений и получения прибыли может находиться за пределами региона присутствия. Концепция ESG создает дополнительные ограничения

Для отраслей российской промышленности, что требует адаптации корпоративного управления к новым условиям [11].

Отношения между формой собственности и специализацией двусторонние. С одной стороны, историческая специализация (наличие запасов полезных ископаемых, удобное географическое положение, научно-техническая база) привлекает определенный тип владельцев. С другой стороны, устоявшийся владелец активно формирует траекторию дальнейшего развития территории.

Для целей настоящего исследования тип доминирующей формы собственности для каждого федерального округа был определен на основе комплексного анализа структуры отгруженной продукции, инвестиций в основной капитал и среднесписочной численности работников в разбивке по формам собственности по данным Росстата. Согласно текущим данным ЕМИСС, в 2023-2024 гг. структура инвестиций в основной капитал по формам собственности в России в целом характеризовалась следующими показателями: доля частной собственности составляла около 65%, государственной - около 15%, смешанной российской (без иностранного участия) - около 12% [2]. Именно эти пропорции выступали в качестве ориентиров при оценке доминирования той или иной формы собственности на уровне федеральных округов. Доминирующей была признана форма собственности, на долю которой приходится наибольшая доля в объеме отгруженных товаров собственного производства или в инвестициях, при условии, что эта доля составляет не менее 40% от общего объема в округе. При отсутствии ярко выраженного лидера (доля менее 40%) и наличии значимых показателей как в частных, так и в государственных структурах тип был определен как смешанный. Для проверки полученных результатов были дополнительно использованы данные сборника Росстата «Рабочая сила, занятость и безработица в России» (2024), который позволяет оценить распределение занятых по секторам экономики в региональном разрезе [4]. Для учета роли крупнейших вертикально интегрированных структур (ПАО «Газпром», ПАО «НК «Роснефть», ПАО «ГМК «Норильский никель» и др.) также был использован метод экспертной оценки, позволяющий корректировать формальные статистические показатели с учетом реального влияния материнских компаний, зарегистрированных зачастую за пределами региона о присутствии.

Для оценки влияния форм собственности на специализацию необходимо рассмотреть структуру институционального сектора в разрезе федеральных округов России. В работах современных авторов отмечается значительная дифференциация регионов по структуре собственности и ее влиянию на экономическую динамику [10].

Таблица 1. Влияние доминирующей формы собственности на отраслевую специализацию регионов (на примере федеральных округов РФ). Источник: составлено автором по данным [1; 5; 7; 11]

Федеральный округ	Тип доминирующей формы собственности	Ключевые отрасли специализации	Характер влияния на региональное развитие
Центральный	Смешанная (частная + гос. корпорации)	Обрабатывающая промышленность, наука, финансы, торговля	Высокая диверсификация; сочетание крупных гос. корпораций и малого бизнеса; развитие инновационных кластеров
Северо-Западный	Корпоративная/ Частная	Транспорт, металлургия, добыча сырья	Анклавный характер развития; концентрация высокотехнологичных производств в г. Санкт-Петербург
Южный	Частная/ Муниципальная	Сельское хозяйство, туризм, торговля	Высокая доля малого бизнеса; зависимость от агропромышленного цикла и туристического потока
Приволжский	Корпоративная/ Частная	Нефтедобыча, нефтехимия, автомобилестроение	Развитие кластерных структур; глубокая переработка сырья в рамках вертикально-интегрированных компаний
Уральский	Корпоративная	Добыча углеводородов, металлургия, машиностроение	Высокая зависимость от решений головных офисов корпораций; развитие сопутствующих производств
Сибирский	Корпоративная/ Государственная	Добыча полезных ископаемых, металлургия, энергетика	Сырьевая специализация; присутствие крупных госкорпораций как системообразующих работодателей
Дальневосточный	Государственная/ Корпоративная	Добыча алмазов, рыболовство, транспорт	Реализация крупных государственных программ; особая роль государственных инвестиций

Данные таблицы 1 подтверждают, что в регионах с доминированием корпоративной собственности (Уральский, Сибирский округа) закрепляется преимущественно сырьевая специализация, хотя в последние годы наблюдается тенденция к развитию перерабатывающих производств в рамках вертикальной интеграции. Регионы с диверсифицированной структурой собственности демонстрируют более сложный, многоотраслевой профиль.

Необходимо также рассмотреть каналы влияния корпоративной собственности на специализацию, поскольку крупные корпорации, особенно в сырьевом и инфраструктурном секторах, оказывают сложное влияние на региональную специализацию:

1. Инвестиционная стратегия и технологическое развитие. В контексте санкций крупные корпоративные субъекты являются основными инвесторами в основные фонды. Как показывают исследования, инвестиции в основной капитал остаются ключевым фактором экономического роста, в то время

как их эффективность во многом зависит

от отраслевой структуры и формы собственности предприятий-инвесторов [9]. Государственные корпорации с большей вероятностью будут инвестировать в инфраструктурные проекты и объекты стратегического значения.

2. Формирование моноэкономики и развитие кластеров. В регионах, где присутствуют крупные корпорации, существует высокая зависимость бюджета и занятости от одной или двух видов деятельности. Однако современные теоретические подходы к территориально-отраслевой дифференциации показывают, что фактор локализации может играть положительную роль в формировании кластеров [7]. Структура корпоративной собственности способствует углублению специализации и развитию смежных отраслей.

3. Влияние на бизнес-экосистему. Крупные предприятия генерируют спрос на инновации и создают условия для развития малых и средних предприятий в смежных отраслях. Исследования показывают, что предпринимательская экосистема региона напрямую зависит от институциональной структуры и доминирующих форм собственности [7].

В контексте пространственного развития особое внимание следует уделять государственной собственности, поскольку она в форме унитарных предприятий или акционерных обществ с участием государства решает конкретные задачи, отличные от целей частного капитала. В современных условиях возрастает роль государства как собственника в обеспечении экономической безопасности и реализации стратегических приоритетов развития [3].

Иностранный опыт пространственного развития свидетельствует о разнообразии моделей участия государства в региональной экономике. Исследователи выделяют несколько ключевых акцентов, которые важны для России: поддержка «точек роста», развитие инфраструктуры, стимулирование межрегионального сотрудничества [10]. Государственная собственность рассматривается как инструмент для реализации долгосрочной стратегии, а не самоцель.

Регулирующие изменения, произошедшие в последние годы, включая ограничения на создание унитарных предприятий в конкурентных отраслях, направлены на повышение эффективности экономики. Однако, как отмечается в литературе, для моногородов и депрессивных регионов присутствие государства остается важным стабилизационным фактором [1].

Проведенный анализ позволил сформулировать следующие выводы, непосредственно вытекающие из рассмотренных каналов влияния форм собственности на региональную специализацию. Во-первых, инвестиционная стратегия, определяемая формой собственности, закрепляет специализацию: корпоративный сектор концентрирует инвестиции в основной капитал

в специализированных отраслях, углубляя их развитие, в то время как малый и средний бизнес инвестирует в диверсификацию, ориентируясь на местный спрос. Во-вторых, влияние на формирование моноэкономик или кластеров двойственное: в сырьевых регионах доминирование корпораций приводит к высокой зависимости от одной или двух отраслей, однако в регионах с более диверсифицированной структурой (например, в Поволжье) корпоративная организация способствует развитию устойчивые кластеры и смежные отрасли, создающие предпосылки для глубокой переработки. В-третьих, влияние на предпринимательскую экосистему проявляется в том, что крупные корпорации, генерирующие спрос на инновации и услуги, могут как подавлять малый бизнес в регионах с сырьевой моноспециализацией, так и стимулировать его рост в производственном и высокотехнологичном секторах, создавая сеть малых и средних предприятий.

Таким образом, влияние форм собственности реализуется через специфические экономические механизмы и приводит к различным моделям специализации. Современные вызовы, связанные с трансформацией мировой экономики и необходимостью достижения технологического суверенитета, требуют срочного поиска оптимального соотношения различных форм собственности в региональном контексте. Дальнейшие исследования должны быть направлены на количественную оценку влияния институциональных изменений на динамику региональной отраслевой структуры в контексте новых экономических реалий.

Список литературы:

[1] Андрианова Е.В., Давыденко В.А., Данилова Е.П. и др. Институциональные факторы и социальные форматы развития сельских территорий: монография. – Тюмень: ТюмГУ, 2022. – 388 с.

[2] Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). 2024. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/58987 (дата обращения: 19.05.2026).

[3] Булгучев М. Х. Собственность в экономике новых субъектов России: сборник трудов конференции. // Право, экономика и управление: теория и практика : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 20 авг. 2025 г.) / редкол.: Э. В. Фомин [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2025. – С. 11-16.

[4] Федеральная служба государственной статистики. 2024, URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (дата обращения: 19.05.2026).

[5] Гамидуллаева Л.А., Страхов Е.П. Теоретические подходы к территориально-отраслевой дифференциации российских регионов: отраслевой аспект. Экономика промышленности. 2022;15(2):214-225.

[6] Коростышевская Е.М., Гамидуллаева Л.А., Мямлин А.П. Анализ фактора локализации в процессах формирования кластеров. Экономика промышленности. 2023;16(4):398-409.

[7] Агамагомедова С.А., Гамидуллаева Л.А. Влияние предпринимательской экосистемы на региональный экономический рост. Экономика промышленности. 2025;18(1):111-121.

[8] Данилова О.В., Беляева И.Ю., Косорукова И.В. Конкурентные преимущества пространственного развития России в контексте ESG-повестки и трансформации собственности // Современная конкуренция. – 2022. – Т. 16. – № 6. – С. 75-89.

[9] Комбаров М.А. К вопросу об активизации экономического роста России за счет инвестиций в основной капитал // Вопросы территориального развития. – 2023. – Т. 11. – № 2. – С. 90-108.

[10] Носова С.С., Воробьев Ю.Ф., Журавлев А.Е. и др. Современные макроэкономические проблемы России: учебное пособие / под ред. С.С. Носовой. – М.: КноРус, 2022. – 486 с.

[11] Строев П.В., Макар С.В. Зарубежный опыт пространственного развития и ключевые акценты для России // Региональная экономика: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 4-27.

[12] Bałtowski M., Kozarzewski P., Mickiewicz T. State Capitalism in Poland and Hungary // The Oxford Handbook of State Capitalism and the Firm. – Oxford: Oxford University Press, 2022. – P. 750-784.

[13] Gurvich E.T., Prilepskiy I.V. The impact of sanctions on the Russian economy: A systematic review // Russian Journal of Economics. – 2023. – Vol. 9. – No. 2. – P. 112-135.

[14] Hagemans E., Unger E.-M., Soffers P., Wortel T., Lemmen Ch. The new, LADM inspired, data model of the Dutch cadastral map // Land Use Policy. – 2022. – Vol. 117. – Article 106074.

[15] Kleparsky V.G., Sheinis V.E. Managing the Long-Term Development of the Region: Available Assets and «Tight» Governance // Automation and Remote Control. – 2022. – Vol. 83. – No. 2. – P. 273-281.

[16] Mohamed M.M.A., Liu P., Nie G. Causality between technological innovation and economic growth: Evidence from the economies of developing countries // Sustainability. – 2022. – Vol. 14. – No. 6. – Article 3586.

[17] Rahman P., Zhang Z., Musa M. Do technological innovation, foreign investment, trade and human capital have a symmetric effect on economic growth? Novel dynamic ARDL simulation study on Bangladesh // Economic Change and Restructuring. – 2023. – Vol. 56. – No. 7. – P. 1327-1366.

References:

[1] Andrianova E.V., Davydenko V.A., Danilova E.P. et al. Institutional factors and social formats of rural development: monograph. - Tyumen: Tyumen State University, 2022. - 388 p.

[2] Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS). 2024. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/58987 (date of access: 19.05.2026).

[3] Bulguchev M.Kh. Ownership in the economy of new constituent entities of Russia: collection of conference papers. // Law, Economics and Management: Theory and Practice: Proc. All-Russian Scientific and Practical Conf. with International Participation. (Cheboksary, August 20, 2025) / editorial board: E. V. Fomin [et al.] – Cheboksary: ID «Sreda», 2025. – Pp. 11-16.

[4] Federal State Statistics Service. 2024, URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (accessed: May 19, 2026).

[5] Gamidullaeva L. A., Strakhov E. P. Theoretical approaches to territorial-sectoral differentiation of Russian regions: sectoral aspect. Industrial economics. 2022; 15 (2): 214-225.

[6] Korostyshevskaya E. M., Gamidullaeva L. A., Myamlin A. P. Analysis of the localization factor in cluster formation processes. Industrial Economics. 2023; 16(4): 398–409.

[7] Agamagomedova S. A., Gamidullaeva L. A. The Impact of the Entrepreneurial Ecosystem on Regional Economic Growth. Industrial Economics. 2025; 18(1): 111–121.

[8] Danilova O. V., Belyaeva I. Yu., Kosorukova I. V. Competitive Advantages of Russia's Spatial Development in the Context of the ESG Agenda and Ownership Transformation // Modern Competition. – 2022. – Vol. 16. – No. 6. – Pp. 75–89.

[9] Kombarov M. A. On Activating Russia's Economic Growth Through Investments in Fixed Capital // Issues of Territorial Development. – 2023. – Vol. 11. – No. 2. – Pp. 90–108.

[10] Nosova S.S., Vorobyov Yu.F., Zhuravlev A.E., et al. Modern Macroeconomic Problems of Russia: A Textbook / edited by S.S. Nosova. – Moscow: Knorus, 2022. – 486 p.

[11] Stroyev P.V., Makar S.V. Foreign Experience in Spatial Development and Key Emphasis for Russia // Regional Economy: Theory and Practice. – 2022. – No. 1. – P. 4-27.

[12] Bałtowski M., Kozarzewski P., Mickiewicz T. State Capitalism in Poland and Hungary // The Oxford Handbook of State Capitalism and the Firm. – Oxford: Oxford University Press, 2022. – P. 750-784.

[13] Gurvich E.T., Prilepskiy I.V. The impact of sanctions on the Russian economy: A systematic review

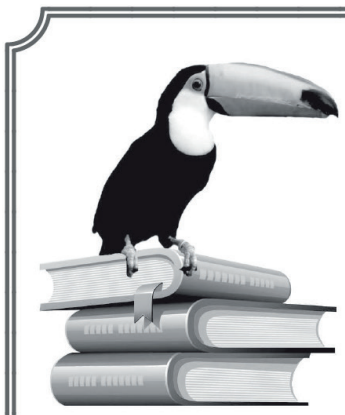
// Russian Journal of Economics. – 2023. – Vol. 9. – No. 2. – P. 112-135.

[14] Hagemans E., Unger E.-M., Soffers P., Wortel T., Lemmen Ch. The new, LADM inspired, data model of the Dutch cadastral map // Land Use Policy. – 2022. – Vol. 117. – Article 106074.

[15] Kleparsky V.G., Sheinis V.E. Managing the Long-Term Development of the Region: Available Assets and «Tight» Governance // Automation and Remote Control. – 2022. – Vol. 83. – No. 2. – P. 273-281.

[16] Mohamed M.M.A., Liu P., Nie G. Causality between technological innovation and economic growth: Evidence from the economies of developing countries // Sustainability. – 2022. – Vol. 14. – No. 6. – Article 3586.

[17] Rahman P., Zhang Z., Musa M. Do technological innovation, foreign investment, trade and human capital have a symmetric effect on economic growth? Novel dynamic ARDL simulation study on Bangladesh // Economic Change and Restructuring. – 2023. – Vol. 56. – No. 7. – P. 1327-1366.



Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.06.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-19-22**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

САТ М.М.,
магистр 2 курса СГЮА,
e-mail: mail@law-books.ru

ИЗМЕНЕНИЯ В НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ГОСУДАРСТВА-ЧЛЕНА ВТО (ВЛИЯНИЕ НА ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВОДСТВА)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются изменения национального законодательства России в области земельных отношений и торговли, в связи с ее вступлением во Всемирную торговую организацию. В частности, проанализированы нормативно-правовые акты по приватизации земель, процедуры регистрации юридических лиц и положения по упрощению системы ценообразования и маркировок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: отечественные предприятия, ВТО, иностранные импортеры, национальный режим, недискриминация.

SAT M.M.,
2nd year master at SSLA

CHANGES IN THE REGULATORY LEGAL ACTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A WTO MEMBER STATE (IMPACT ON DOMESTIC PRODUCTION

ANNOTATION. This article examines changes to Russian national legislation in the area of land relations and trade in connection with Russia's accession to the World Trade Organization. Specifically, it analyzes regulations on land privatization, legal entity registration procedures, and provisions for simplifying pricing and labeling systems.

KEY WORDS: domestic enterprises, WTO, foreign importers, national treatment, non-discrimination.

Членство России во Всемирной Торговой организации (ВТО) занимает важное место во внешней экономике России, так как торговые отношения ведутся, основываясь на принципах прозрачности и предсказуемости. Это относится не только к отечественным производителям, но и к иностранным юридическим лицам в области импорта, экспорта, поставки услуг и инвестиций. Данные принципы помогают предпринимателям значительно уменьшить риски и повысить возможности развития своего бизнеса в стране-партнере. В свою очередь, для развивающихся стран это возможность развития внутреннего рынка через инвестиции, а у инвесторов есть уверенность для дальнейшего планирования и управления бизнесом.

Основным принципом ВТО является принцип недискриминации в соответствии с которым запрещается дискриминация торговых партнеров из любой страны-члена ВТО, то есть необходимо придерживаться режима наибольшего благоприятствования. Кроме того, в случае столкновения интересов отечественных и иностранных производителей действует другой принцип ВТО «Национальный режим», а именно запрет отдавать предпочтение отечественным юридическим лицам.

При вступлении в ВТО России понадобился пересмотр и редакция национального законодательства в области экспорта и импорта товаров и услуг для соответствия с нормам ВТО и ее вышеуказанным принципам. В данной статье нами будет рассмотрен доклад рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной Торговой организации и проанализируем изменение условий производства и поставки товаров для отечественных компаний.

Основой для доклада стали Меморандум о внешнеторговом режиме Российской Федерации (L/7410), дополнения к Меморандуму в отношении режима в области связанных с торговлей инвестиционных мер (WT/ACC/RUS/5), торговли услугами (WT/ACC/RUS/6) и торговых аспектов прав интеллектуальной собственности (WT/ACC/RUS/7), и др. [1]

Во-первых, следует рассмотреть вопрос о приватизации земель отечественными производителями после вступления России в состав ВТО. С 2016 года были внесены изменения, согласно которым государственное и муниципальное имущество может отчуждаться в собственность физических и юридических лиц исключительно на возмездной основе. Средством оплаты может быть: передача акций акционерных обществ, в

уставных капитал которых вносится государственное или муниципальное имущество; либо передача акций и долей в уставном капитале хозяйственных обществ, которые были созданы путем преобразования государственных и муниципальных унитарных предприятий) [3, ст.1].

Еще одним вариантом является аукцион. Участие в аукционе могут принять только те покупатели, которые не должны выполнять какие-либо условия в отношении такого имущества. Данное имущество может быть обременено ограничениями, предусмотренными Федеральным законом о приватизации земель, иными ФЗ и публичным сервитутом. И право на его приобретение принадлежит покупателю, сумевшему предложить в ходе торгов наиболее высокую цену.

При этом отмечается, что покупателями государственного и муниципального имущества могут быть любые физические и юридические лица, за некоторым исключением. Юридические лица, в уставном капитале которых доля Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований превышает 25 процентов, кроме случаев, предусмотренных статьей 25 Федерального закона от 21.12.2001 N 178-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О приватизации государственного и муниципального имущества», не могут быть покупателями. Кроме того, предприятия должны предоставить документ, содержащий сведения о доле Российской Федерации или муниципального образования в их уставном капитале (реестр владельцев акций либо выписка из него или заверенное печатью юридического лица (при наличии печати) и подписанное его руководителем письмо) [2, ст.16].

В своем докладе представитель России отметил, что Правительство РФ продолжит придерживаться ускоренного порядка регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также применять прозрачные и предсказуемые требования, не создающие лишних обременений. Россия не ввела регистрационные условия, ограничивающие участие иностранных и отечественных юридических лиц и предпринимателей в импорте и экспорте. Зарегистрированные в России юридические лица и предприниматели смогут свободно осуществлять ввоз и вывоз товаров, как указано в данном Докладе. Также представитель подтвердил, что Россия не будет усложнять процедуры регистрации или делать их чрезмерно трудными и будет обращаться с иностранными и российскими заявителями на равных условиях. Рабочая группа приняла к сведению эти обязательства [1, п.1]. Таким образом, были отменены лишние барьеры в регистрации иностранного бизнеса, что также привело к повышению конкурентноспособности иностранных производителей.

Еще одним изменением, на которое повлияло вступление России в ВТО стало введение схемы ценообразования на тарифы в отношении импортных грузов, которая должна была быть приведена в соответствие с международными стандартами [5, ст.14]. В частности, для импортных товаров установлен режим, аналогичный тому, что действует для товаров отечественного производства. Это означает, что: ценообразование на импортные грузы стало более прозрачным и предсказуемым, что помогло снизить возможность произвольных решений и обеспечить равные условия для отечественных производителей. А также режим ценообразования включает порядок определения таможенной стоимости, основанный на международных нормах, таких как метод оценки стоимости товаров, что способствует более справедливому расчету пошлин [6, ст. 8]. Этот шаг позволил устранить дискриминацию в тарифной политике по отношению к отечественным и иностранным товарам и повысил баланс интересов в торговых отношениях России с иностранными странами.

Отдельно стоит выделить правила маркировки алкогольной продукции. До вступления России в ВТО алкогольная продукция иностранных предприятий обязательно маркировалась дважды, в том числе в таможне акцизными марками. Кроме того, нужно было предоставлять подробные отчеты использования каждой отдельной акцизной марки, что усложняло торговлю и увеличивало издержки. По требованию представителей ВТО Россия упростила систему маркировки алкогольной продукции для всех иностранных производителей. С 29.02.2026 года в силу вступил Федеральный закон от 21.04.2025 N 92-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Согласно этому закону федеральные специальные марки на алкогольную продукцию, ввозимую в Россию, стран, не входящих в ЕАЭС, наносятся на территории России [7, ст. 12]. Данное обстоятельство стало играть важную роль для отечественных предприятий, поскольку усилилась конкуренция. До введения санкций против России в алкогольной нише российские компании соперничали с иностранными в продаже виски, джина и рома, тогда как в остальных категориях преимущество принадлежало им. Отечественная продукция выигрывала в доступности и экономичности, а иностранные производители во вкусовых и качественных показателях. Однако с 2022 года после введения санкций и ухода некоторых брендов с российского рынка был замечен рост ассортимента отечественных компаний, что стало причиной уменьшения конкуренции и в связи с этим повлекло за собой увеличение цен на российскую продукцию.

Таким образом, вступление России в ВТО

имеет множество положительных моментов, таких как повышение прозрачности бизнеса за счет адаптации законодательства к международным нормам и расширения возможности для развития производственной кооперации. Однако наряду с этим стоит подчеркнуть, что существуют и недостатки членства в ВТО, которые требуют в некоторых ситуациях государственного вмешательства. Соблюдая принципы ГАТТ, Россия стремиться защитить российские предприятия в случаях усиления конкуренции. Данная защита должна оказываться на разумном уровне и в общем случае — только при помощи таможенных тарифов. При этом количественные ограничения импорта в целом запрещались, хотя при определённых условиях они могли применяться (при проблемах с платёжным балансом). Например, в 2018 году Россия ввела временные пошлины на импорт алюминия и специальные меры для ограничения недобросовестной конкуренции из-за опасений, что иностранные поставки могут повлиять на отечественных производителей и снизить их конкурентоспособность. В результате, благодаря этим мерам российская алюминиевая отрасль смогла преодолеть кризис, сохранила рабочие места и установила условия для своего дальнейшего развития.

Членство России во Всемирной торговой организации оказало комплексное влияние на экономику страны. С одной стороны, оно стимулировало модернизацию законодательства, повысило прозрачность торговых отношений и открыло новые возможности для международной торговли. А с другой, потребовало от государства поиска баланса между интеграцией в мировую экономику и поддержкой отечественных производителей в условиях усиливающейся конкуренции. В дальнейшем, адаптация к нормам ВТО способствует укреплению позиций России в международном торговом пространстве, однако она требует постоянного мониторинга и корректировки регулярной политики с учетом меняющейся экономической и геополитической ситуации.

Список литературы:

[1] Доклад Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации. WT/ACC/RUS/70, WT/MIN(11)/2 // Рабочая группа по присоединению. — Женева: Всемирная торговая организация, 2011. — Неофициальный перевод с английского. — 772 с.

[2] Федеральный закон от 21.12.2001 N 178-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «О приватизации государственного и муниципального имущества»// Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-21122001-n-178-fz-o/ (дата обращения: 01.04.2026).

[3] Федеральный закон от 29.06.2015 №180-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон о приватизации государственного и муниципального имущества» // Контур-норматив-сайт. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=254869 (дата обращения: 01.04.2026).

[4] Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32881/8b7815593553362897ccffa2e5699ad6bada615b/ (дата обращения: 02.04.2026).

[5] Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N 44-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 02.04.2026).

[6] «Соглашение по применению статьи VII генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года» от 15.04.1994 // Официальный портал Всемирной торговой организации (ВТО) на русском языке. URL: https://docs.cntd.ru/document/902340081?marker=7DE0K7 (дата обращения: 05.04.2026).

[7] Федеральный закон от 22.11.1995 N 171-ФЗ (ред. от 23.03.2026) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8368/8c01143a4a95688eaf3ede5002b372122e0e41b2/#dst1126 (дата обращения: 04.04.2026).

References:

[1] Report of the Working Party on the Accession of the Russian Federation to the World Trade Organization. WT/ACC/RUS/70, WT/MIN(11)/2 // Working Party on Accession. — Geneva: World Trade Organization, 2011. — Unofficial translation from English. — 772 p.

[2] Federal Law of 21.12.2001 N 178-FZ (as amended on 07.07.2025) «On the Privatization of State and Municipal Property» // Laws, Codes, and Regulatory Legal Acts of the Russian Federation. URL: https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-21122001-n-178-fz-o/ (date of access: 01.04.2026).

[3] Federal Law of June 29, 2015 No. 180-FZ «On Amendments to the Federal Law on the Privatization

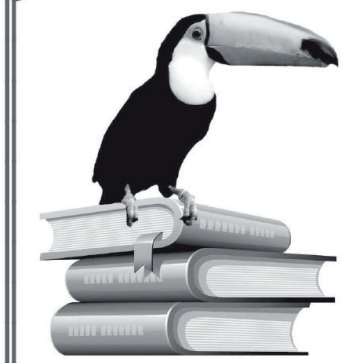
of State and Municipal Property» // Kontur-normative-site. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=254869 (accessed: April 1, 2026).

[4] Federal Law of August 8, 2001 No. 129-FZ (as amended on July 31, 2025) «On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32881/8b7815593553362897ccffa2e5699ad6bada615b/ (accessed: 02.04.2026).

[5] Federal Law «On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for Ensuring National and Municipal Needs» dated 05.04.2013 N 44-FZ (latest revision) // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (accessed: 02.04.2026).

[6] «Agreement on Implementation of Article VII of the General Agreement on Tariffs and Trade 1994» of 15 April 1994 // Official portal of the World Trade Organization (WTO) in Russian. URL: https://docs.cntd.ru/document/902340081?marker=7DE0K7 (accessed: 05 April 2026).

[7] Federal Law of 22 November 1995 N 171-FZ (as amended on 23 March 2026) «On State Regulation of the Production and Circulation of Ethyl Alcohol, Alcoholic and Alcohol-Containing Products and on Limiting the Consumption (Drinking) of Alcoholic Products» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8368/8c01143a4a95688eaf3ede5002b372122e0e41b2/#dst1126 (accessed: 04.04.2026).



Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-23-27**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

РУДНЕВА София Вячеславовна,
студентка магистратуры 1 года обучения
кафедры экономических и финансовых расследований
Высшей школы государственного аудита (факультета)
МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия,
e-mail: sof.rudneva@yandex.ru

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АУДИТ В ЭПОХУ СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: НОВЫЕ ИНДИКАТОРЫ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ ИМПОРТОЗАМЕЩАЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются теоретико-методологические основы стратегического аудита в условиях структурной трансформации российской экономики. Раскрывается эволюция понятия «стратегический аудит», его отличия от традиционного финансового аудита. Обосновывается необходимость адаптации системы индикаторов финансовой безопасности к специфике импортозамещающих предприятий, функционирующих в условиях санкционных ограничений и нарушения логистических цепочек. На основе анализа отраслевых особенностей и макроэкономических трендов предложены новые группы индикаторов: технологического суверенитета, альтернативной логистики, валютной переориентации и адаптационного потенциала. Сформулированы практические рекомендации по внедрению предложенных индикаторов в систему стратегического аудита.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стратегический аудит, финансовая безопасность, структурная трансформация, импортозамещение, индикаторы риска, экономический суверенитет.

RUDNEVA Sofia Vyacheslavovna,
first-year Master's student, Department of
Economic and Financial Investigations,
Higher School of Public Audit (Faculty)
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

STRATEGIC AUDIT IN THE ERA OF STRUCTURAL TRANSFORMATION: NEW FINANCIAL SECURITY INDICATORS FOR IMPORT-SUBSTITUTING INDUSTRISTRIES

ANNOTATION. The article examines the theoretical and methodological foundations of strategic audit under the conditions of structural transformation of the Russian economy. The evolution of the concept of «strategic audit» and its differences from traditional financial audit are revealed. The necessity of adapting the system of financial security indicators to the specifics of import-substituting enterprises operating under sanctions and supply chain disruptions is substantiated. Based on the analysis of sectoral characteristics and macroeconomic trends, new groups of indicators are proposed: technological sovereignty, alternative logistics, currency reorientation, and adaptive capacity. Practical recommendations for implementing the proposed indicators into the strategic audit system are formulated.

KEY WORDS: strategic audit, financial security, structural transformation, import substitution, risk indicators, economic sovereignty.

Введение

Современный этап развития российской экономики характеризуется глубокими структурными изменениями. Как отмечается в аналитических материалах Банка России, экономике предстоит структурная трансформация для адаптации к новым внешним условиям. Особое место в этом процессе занимают импортозамещающие производства, призванные компенсировать выбытие импортных товаров и технологий.

Проблематика стратегического аудита активно разрабатывается в научной литературе. Ципилев В.А. определяет стратегический аудит как оценку эффективности стратегии предприятия, ее соответствия внешним факторам и внутренним возможностям. Белобородов А.А. и Стародубцева О.А. дополняют это определение акцентом на учет интересов стейкхолдеров. Однако исследований, посвященных специфике стратегического аудита в условиях структурной

трансформации применительно к импортозамещающим производствам, недостаточно.

Целью статьи является разработка теоретических и методических основ стратегического аудита импортозамещающих производств. Для достижения цели решаются следующие задачи: уточнение содержания стратегического аудита, выявление особенностей импортозамещающих производств как объекта аудита, анализ традиционных индикаторов финансовой безопасности, разработка системы новых индикаторов и рекомендаций по их интеграции.

Теоретическую базу составили работы отечественных и зарубежных ученых в области стратегического менеджмента, аудита и экономической безопасности. Методологическую основу образуют системный подход и методы структурно-функционального анализа.

1. Теоретические основы стратегического аудита в условиях структурной трансформации

1. Эволюция и сущность стратегического аудита

Стратегический аудит как самостоятельное направление сформировался в ответ на потребность бизнеса в инструментарии, выходящем за рамки традиционной проверки финансовой отчетности. Крупнейшие аудиторские компании стремятся развивать услуги стратегического консалтинга наряду с классическим аудитом.

Эволюция стратегического аудита прошла три этапа. Первый этап (1980-е – начало 1990-х годов) – стратегический аудит как элемент управленческого аудита. Второй этап (середина 1990-х – 2000-е годы) – институционализация стратегического аудита как самостоятельного направления. Третий этап (2010-е годы) – интеграция стратегического аудита в системы корпоративного управления и риск-менеджмента.

В современной науке существует два подхода к определению стратегического аудита. Согласно первому, это направление управленческого аудита, оценивающее перспективы организации. Согласно второму, более широкому, это самостоятельная отрасль аудиторской деятельности, всесторонне оценивающая внутренние и внешние факторы.

В рамках настоящего исследования предлагается следующее определение: стратегический аудит – это системный процесс независимой оценки стратегии предприятия, ее соответствия внешним и внутренним условиям, а также эффективности реализации стратегических решений, направленный на повышение долгосрочной конкурентоспособности и экономической безопасности.

2. Структурная трансформация как вызов для стратегического аудита

Структурная трансформация экономики представляет собой качественное изменение отраслевой структуры, технологических укладов и институциональных условий. Для стратегического аудита она создает три основных вызова.

Первый вызов связан с нестабильностью внешней среды. Традиционные инструменты стратегического анализа (PEST-анализ, модель пяти сил Портера) предполагают определенную предсказуемость факторов, которая в условиях структурной трансформации снижается.

Второй вызов обусловлен изменением отраслевых границ. Структурная трансформация приводит к размыванию традиционных отраслевых границ и появлению новых межотраслевых связей, что усложняет идентификацию конкурентных рынков.

Третий вызов связан с необходимостью пересмотра временных горизонтов. В условиях высокой неопределенности традиционные 3-5-летние стратегические горизонты теряют актуальность, возникает потребность в сценарном анализе и адаптивном управлении.

3.Импортозамещающие производства как объект стратегического аудита

Импортозамещающие производства обладают рядом особенностей, определяющих специфику их стратегического аудита. Первая особенность – фактор времени: импортозамещение инициируется в ответ на внешний шок, что создает жесткие временные ограничения. Вторая – технологический фактор: успешность импортозамещения зависит от способности компенсировать выбывшие импортные технологии. Третья – рыночный фактор: импортозамещающие предприятия часто функционируют в условиях вынужденного спроса, который может сократиться при восстановлении импорта. Четвертая – фактор государственной поддержки, требующий оценки эффективности использования бюджетных средств.

2. Традиционные индикаторы финансовой безопасности и их ограничения

1. Система традиционных индикаторов

Финансовая безопасность предприятия традиционно оценивается через группы индикаторов ликвидности и платежеспособности, финансовой устойчивости, рентабельности, деловой активности и денежного потока. Как отмечают исследователи, финансовый аудит включает комплексную оценку финансового состояния и эффективности используемых стратегий.

Однако традиционная система имеет существенные ограничения в условиях структурной трансформации. Она ориентирована на ретроспективный анализ, базируется на данных бухгалтерской отчетности, достоверность которой в условиях турбулентности может быть снижена, и не отражает такие аспекты, как технологический суверенитет и способность к адаптации.

2. Ограничения традиционных индикаторов

Анализ практики применения традиционных индикаторов на импортозамещающих предприя-

тиях позволяет выделить четыре основных ограничения.

Первое ограничение – нечувствительность к структурным изменениям. Традиционные индикаторы ориентированы на выявление отклонений в рамках сложившихся трендов, но не сигнализируют о качественных изменениях в структуре бизнеса. Например, увеличение запасов может интерпретироваться как снижение деловой активности, тогда как в условиях разрыва цепочек поставок это является осознанной стратегией формирования страховых запасов.

Второе ограничение – ориентация на краткосрочный горизонт. Большинство традиционных индикаторов рассчитываются на основе данных за отчетный период и не учитывают долгосрочные стратегические последствия решений, что критично для импортозамещающих производств с длительным сроком окупаемости инвестиций.

Третье ограничение – игнорирование нефинансовых факторов. Традиционные индикаторы почти не включают показатели технологического уровня, кадрового потенциала и инновационной активности, которые в условиях структурной трансформации становятся критически важными.

Четвертое ограничение – недостаточная чувствительность к валютным рискам. В условиях волатильности национальной валюты и фрагментации валютного рынка традиционные рублевые индикаторы могут давать искаженную картину финансового состояния.

3. Новые индикаторы финансовой безопасности для импортозамещающих производств

1. Индикаторы технологического суверенитета

Технологический суверенитет предприятия – это его способность поддерживать производственные процессы без критической зависимости от импортных технологий, оборудования и компонентов. Для его оценки предлагаются три ключевых индикатора.

Первый индикатор – уровень технологической импортозависимости, определяемый как доля критически важных импортных компонентов в себестоимости готовой продукции. Критически важными признаются компоненты, замена которых на отечественные аналоги в краткосрочном периоде невозможна. Выделяются три уровня зависимости: низкий (доля менее 30%), средний (30-50%) и высокий критический (более 50%).

Второй индикатор – ремонт импортного оборудования, показывающая, какую долю ремонта импортного оборудования предприятие способно выполнить собственными силами без привлечения иностранных сервисных служб. Низкий уровень (менее 30% ремонта собственными силами) свидетельствует о критическом технологическом риске.

Третий индикатор – технологическая форсаж-способность, оценивающая наличие у предприятия собственных разработок, патентов, ноу-хау и конструкторских бюро, позволяющих в сжатые сроки создавать или адаптировать технологии под новые условия.

2. Индикаторы альтернативной логистики

В условиях нарушения традиционных цепочек поставок критическое значение приобретает способность предприятия к логистической перестройке. Предлагается следующий набор индикаторов.

Индикатор логистической диверсификации отражает количество независимых логистических маршрутов и поставщиков по каждому критическому виду сырья и компонентов. Предприятие с единственным маршрутом или поставщиком считается находящимся в зоне повышенного риска.

Индикатор страхового запаса показывает достаточность запасов критического импортного сырья для непрерывного производства в днях. Базовым ориентиром является минимальный запас на 90 дней для большинства обрабатывающих производств, хотя для различных отраслей этот норматив может корректироваться.

Индикатор транспортного плеча оценивает изменение стоимости логистики по сравнению с периодом до введения санкционных ограничений. Рост логистических издержек более чем в два раза требует пересмотра стратегии ценообразования и поиска альтернативных маршрутов.

3. Индикаторы валютной переориентации

Фрагментация валютного рынка и переход на расчеты в национальных валютах требуют включения в систему стратегического аудита валютных индикаторов.

Индикатор валютной сбалансированности оценивает степень соответствия валютной структуры выручки валютной структуре затрат и обязательств. Высокий уровень риска фиксируется при существенном разрыве, когда выручка поступает в одних валютах (например, в рублях), а критически важные импортные закупки требуют расчетов в других валютах (юанях, дирхамах, рупиях).

Индикатор доступности валютной ликвидности характеризует наличие у предприятия доступа к альтернативным валютным рынкам и инструментам хеджирования, а также возможности проведения расчетов с новыми контрагентами через дружественные банки.

Индикатор трансакционных издержек отражает рост затрат на проведение международных расчетов, включая комиссии банков, удорожание конвертации и дополнительные издержки на комплаенс. Увеличение этих издержек более чем в два раза по сравнению с докризисным уровнем рассматривается как тревожный сигнал.

4. Индикаторы адаптационного потенциала

Адаптационный потенциал предприятия – его способность перестраивать бизнес-процессы в ответ на внешние шоки – предлагается оценивать

через следующие показатели.

Индикатор управленческой гибкости отражает скорость принятия стратегических решений и наличие в организационной структуре кросс-функциональных команд по управлению кризисными ситуациями.

Индикатор инвестиционного резерва характеризует наличие у предприятия собственных средств или доступа к льготному финансированию для инвестиций в импортозамещение, не привлекая дорогие коммерческие кредиты. Нулевой или отрицательный инвестиционный резерв ограничивает возможности технологической модернизации.

Индикатор кадрового технологического потенциала оценивает наличие в штате предприятия квалифицированных инженеров, технологов и рабочих, способных работать с новыми типами оборудования и осваивать альтернативные технологические процессы. Острый дефицит таких кадров является критическим ограничением для импортозамещения.

4. Интеграция новых индикаторов в систему стратегического аудита

1. Методические рекомендации по внедрению

Для практического внедрения предложенных индикаторов рекомендуется следующий алгоритм действий.

На первом этапе проводится диагностика текущего состояния предприятия по каждой группе индикаторов, собираются необходимые данные, назначаются ответственные подразделения. На втором этапе осуществляется ранжирование индикаторов по степени значимости для конкретного предприятия с учетом его отраслевой принадлежности, масштаба и технологического профиля. Для машиностроения приоритетны индикаторы технологического суверенитета, для химической промышленности – индикаторы альтернативной логистики, для предприятий с высокой долей экспортно-импортных операций – индикаторы валютной переориентации.

На третьем этапе определяются пороговые (критические) значения по каждому индикатору с отраслевой спецификой. Рекомендуется выделять три зоны: зона финансовой безопасности (значения в пределах нормы), зона повышенного внимания (требуется мониторинг и разработка корректирующих мероприятий) и критическая зона (необходимо экстренное вмешательство).

На четвертом этапе разрабатывается регламент мониторинга – периодичность расчета индикаторов и форма отчетности перед органами управления. Большинство индикаторов предлагается рассчитывать ежеквартально с возможностью внеочередного расчета при существенных изменениях внешних условий.

2. Ограничения и направления дальнейших исследований

Предложенная система индикаторов имеет определенные ограничения. Во-первых, часть индикаторов носит качественный характер, что затрудняет их формализацию и сравнение между предприятиями. Во-вторых, отсутствует отраслевая и региональная дифференциация пороговых значений, требующая дальнейшей эмпирической калибровки. В-третьих, система не учитывает отраслевую специфику в полном объеме.

Направлениями дальнейших исследований являются: эмпирическая верификация предложенных индикаторов на данных конкретных предприятий, разработка интегрального индекса финансовой безопасности импортозамещающего производства, исследование взаимосвязи между новыми индикаторами и традиционными показателями финансовой устойчивости.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, структурная трансформация российской экономики создает новые вызовы для системы стратегического аудита, связанные с нестабильностью внешней среды, изменением отраслевых границ и необходимостью пересмотра временных горизонтов планирования. Традиционные подходы к стратегическому аудиту, ориентированные на ретроспективный анализ финансовой отчетности, недостаточно эффективны в новых условиях.

Во-вторых, импортозамещающие производства обладают специфическими характеристиками как объект стратегического аудита: жесткие временные ограничения на развертывание производства, критическая зависимость от импортных технологий, функционирование в условиях вынужденного спроса и наличие различных форм государственной поддержки. Эти особенности требуют адаптации системы индикаторов финансовой безопасности.

В-третьих, традиционные индикаторы финансовой безопасности (ликвидности, финансовой устойчивости, рентабельности, деловой активности) имеют существенные ограничения в условиях структурной трансформации: нечувствительность к качественным структурным изменениям, ориентация на краткосрочный горизонт, игнорирование нефинансовых факторов, недостаточная чувствительность к валютным рискам.

В-четвертых, предложенная система новых индикаторов включает четыре группы: индикаторы технологического суверенитета (уровень импортозависимости, технологическая форсаж-способность); индикаторы альтернативной логистики (логистическая диверсификация, страховой запас, транспортное плечо); индикаторы валютной переориентации (валютная сбалансированность, доступность валютной ликвидности, трансакционные издержки); индикаторы адаптационного потенциала (управленческая гибкость, инвестиционный резерв, кадровый технологиче-

ский потенциал).

В-пятых, внедрение новых индикаторов в практику стратегического аудита предполагает поэтапный алгоритм: диагностика текущего состояния, ранжирование индикаторов по значимости, определение пороговых значений с выделением зон безопасности, повышенного внимания и критической зоны, а также разработка регламента мониторинга.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предложенных индикаторов предприятиями импортозамещающих отраслей для повышения обоснованности стратегических решений и снижения рисков финансовой безопасности в условиях структурной трансформации.

Список литературы:

[1] Анализ Банка России «О развитии банковского сектора Российской Федерации в 2023 году» // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/analytics/bank_sector/develop/ (дата обращения: 20.04.2026).

[2] Аналитическая записка Банка России «Структурная трансформация экономики: от адаптации к устойчивому росту». Доклад для общественных консультаций. 2024. Сентябрь. // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/ec_research/analitics/ (дата обращения: 20.04.2026).

[3] Ципилев В.А. Стратегический аудит как инструмент обеспечения экономической безопасности организации // Актуальные вопросы экономических наук. 2022. № 3. С. 45-52.

[4] Банк России. Что такое структурная трансформация экономики и зачем она нужна? Серия «Экономика: просто о сложном». 2024. // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=12846 (дата обращения: 20.04.2026).

[5] Каранина Е.В., Захаров В.Я. Финансовая безопасность предприятия в условиях структурной трансформации экономики // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6. № 2. С. 112-125.

[6] Лаврушин О.И., Валенцева Н.И. Финансовые риски в условиях трансформации валютного рынка // Банковское дело. 2024. № 1. С. 24-31.

[7] Белобородов А.А., Стародубцева О.А. Стратегический аудит: понятие и роль в обеспечении эффективности деятельности организации // Инновационное развитие экономики. 2022. № 2. С. 88-95.

[8] Губин К.Ю. Импортозамещение как стратегический приоритет промышленной политики // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. № 4. С. 67-83.

[9] Шохин С.О., Воронина Л.И. Аудит и экономическая безопасность предприятия в условиях санкций // Аудиторские ведомости. 2024. № 1. С. 12-21.

[10] Банк России. Структурная трансформация российской экономики: вызовы и перспективы. Информационно-аналитический сборник. 2024. // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/143773/onfr_2023-2025.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

References:

[1] Bank of Russia Analysis «On the Development of the Banking Sector of the Russian Federation in 2023» // Official Website of the Bank of Russia. URL: https://cbr.ru/analytics/bank_sector/develop/ (date of access: 20.04.2026).

[2] Bank of Russia Analytical Note «Structural Transformation of the Economy: From Adaptation to Sustainable Growth». Report for Public Consultations. 2024. September. // Official Website of the Bank of Russia. URL: https://cbr.ru/ec_research/analitics/ (date of access: 20.04.2026).

[3] V.A. Tsipilev. Strategic Audit as a Tool for Ensuring an Organization's Economic Security // Current Issues in Economic Sciences. 2022. No. 3. pp. 45-52.

[4] Bank of Russia. What is Structural Transformation of the Economy and Why is it Needed? Series «Economics: Simply about the Complex». 2024. // Official website of the Bank of Russia. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=12846 (date of access: 20.04.2026).

[5] Karanina E.V., Zakharov V.Ya. Financial security of an enterprise in the context of structural transformation of the economy // Economic security. 2023. Vol. 6. No. 2. pp. 112-125.

[6] Lavrushin O.I., Valentseva N.I. Financial risks in the context of foreign exchange market transformation // Banking. 2024. No. 1. pp. 24-31.

[7] Beloborodov A.A., Starodubtseva O.A. Strategic audit: concept and role in ensuring the effectiveness of an organization // Innovative development of the economy. 2022. No. 2. Pp. 88-95.

[8] Gubin K. Yu. Import Substitution as a Strategic Priority of Industrial Policy // Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics. 2023. No. 4. Pp. 67-83.

[9] Shokhin S. O., Voronina L. I. Audit and Economic Security of an Enterprise under Sanctions // Audit Reports. 2024. No. 1. Pp. 12-21.

[10] Bank of Russia. Structural Transformation of the Russian Economy: Challenges and Prospects. Information and Analytical Digest. 2024. // Official Website of the Bank of Russia. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/143773/onfr_2023-2025.pdf (accessed: 20.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.06.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-28-32**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

ТУРОВА Анастасия Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент практики,
и.о. заведующего кафедрой международного публичного и частного права
Юридической школы Дальневосточного федерального университета,
Владивосток, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

КОРОСТЕЛЕВ Данил Дмитриевич,
студент 4 курса Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
Владивосток, Россия,
e-mail: korostelev.dd@dvfu.ru

ЦЕНЕВА Анастасия Витальевна,
студентка 3 курса Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
Владивосток, Россия,
e-mail: tceneva.av@dvfu.ru

ИЗБРАНИЕ ЮРИСДИКЦИИ КНР ДЛЯ СОВЕРШЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ СДЕЛОК В КОНТЕКСТЕ ПРОДЛЕНИЯ САНКЦИЙ США ПРОТИВ РФ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется проблема выбора юрисдикции КНР при заключении трансграничных морских контрактов российскими судовладельцами, грузовладельцами и страховщиками в условиях экстерриториального санкционного давления США. Цель работы: обосновать, что правовая система КНР, включая Морской кодекс КНР 1992 г., Закон о противодействии иностранным санкциям 2021 г., а также специализированные морские суды и арбитражные институты, формирует «безопасную гавань», минимизирующую риски вторичных санкций. С использованием сравнительно-правового, формально-юридического методов и анализа правоприменительной практики выявлены ключевые преимущества китайской юрисдикции: законодательный запрет исполнения иностранных санкций на территории КНР, отказ государственных судов и арбитражей от признания экстерриториального действия американских ограничений, возможность взыскания убытков с лиц, выполняющих санкционные требования, и широкая практика расчетов в национальной валюте. Предложены модельные арбитражные оговорки, адаптированные для морских сделок с участием российских компаний. Сделан вывод, что избрание юрисдикции КНР способно обеспечить стабильность договорных связей и снизить санкционные риски без ущерба для правовой определенности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: санкции США, морское право, юрисдикция КНР, арбитраж, Морской кодекс КНР, Закон о противодействии иностранным санкциям, международные перевозки, вторичные санкции, свобода мореплавания.

TUROVA Anastasia Vladimirovna,
Candidate of Law, Associate Professor of Practice,
Acting Head of the Department of International Public and Private Law
at the Law School of the Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

KOROSTELEV Danil Dmitrievich,
Fourth-year student at the Law School
of the Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

TSENEVA Anastasia Vitalievna,
Third-year student at the Law School
of the Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

THE SELECTION OF JURISDICTION BY CHINA IN CROSS-BORDER TRANSACTIONS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE EXPANDING US SANCTIONS AGAINST RUSSIA

ANNOTATION. The article examines the problem of choosing the jurisdiction of the PRC when concluding cross-border maritime contracts by Russian shipowners, cargo owners and insurers under the conditions of extraterritorial US sanctions pressure. The purpose of the work is to substantiate that the legal system of the People's Republic of China, including the Maritime Code of the People's Republic of China of 1992, the Law on Countering Foreign Sanctions of 2021, as well as specialized maritime courts and arbitration institutions, forms a «safe harbor» that minimizes the risks of secondary sanctions. Using comparative legal, formal legal methods and analysis of law enforcement practice, the key advantages of Chinese jurisdiction have been identified: the legislative prohibition of the execution of foreign sanctions on the territory of the PRC, the refusal of state courts and arbitrations to recognize the extraterritorial effect of American restrictions, the possibility of collecting damages from persons fulfilling sanctions requirements, and the widespread practice of settlements in national currency. Model arbitration clauses adapted for maritime transactions involving Russian companies are proposed. It is concluded that the election of the jurisdiction of the PRC is able to ensure the stability of contractual relations and reduce sanctions risks without prejudice to legal certainty.

KEY WORDS: U.S. sanctions, maritime law, PRC jurisdiction, arbitration, Maritime Code of the PRC, Anti-Foreign Sanctions Law, international carriage, secondary sanctions, freedom of navigation.

Введение

Беспрецедентное расширение санкционных программ США в отношении Российской Федерации после 2022 г. затронуло все сферы торгового мореплавания: от страхования и фрахтования до бункеровки и агентирования. Особую опасность представляет экстерриториальный характер американских ограничений: под угрозу вторичных санкций попадают не только американские контрагенты, но и любые лица, использующие доллар США, американские банки-корреспонденты, а также подчиняющиеся юрисдикции судов, признающих такие санкции. Традиционно доминировавшее в морских контрактах английское право и лондонский арбитраж всё чаще воспринимаются как уязвимые: английские суды, хотя и не применяют иностранное публичное право автоматически, вынуждены учитывать международные обязательства Великобритании и фактическую силу финансовых регуляторов, что порождает неопределенность для российских сторон.

В этих условиях объективно возрастает интерес к юрисдикции Китайской Народной Республики — страны, не присоединившейся к односторонним санкциям против РФ и создавшей законодательные барьеры против их экстерриториального применения. КНР является крупнейшим торговым партнером России, что делает востребованными морские перевозки между портами двух стран. Однако до настоящего времени в доктрине морского права отсутствовал комплексный анализ китайской юрисдикции именно как инструмента минимизации санкционных рисков для российского судоходства. Настоящая статья восполняет этот пробел, доказывая, что избрание права и арбитража КНР в морских контрактах не только не снижает правовую защиту, но и создает уникальные гарантии от вторичных санкций.

Современные санкционные режимы США (в первую очередь, программа «российских вредоносных действий», CAATSA, Указы 14024, 14066, 14068, 14071 и др.) опираются на концепцию «вторичных санкций», позволяющую налагать ограничения на лиц, не подпадающих под юрисдикцию США, за «материальную поддержку» подсанкционных субъектов или за сделки в определенных секторах (морской транспорт, энергетика, финансы). В результате перевозчики, страховщики, банки, даже если они не являются американскими резидентами, вынуждены внедрять избыточный санкционный комплаенс (over-compliance), отказываясь от работы с российскими контрагентами или требуя включения в договоры оговорок, позволяющих расторгнуть сделку при малейшем риске нарушения санкций.

Типичные проформы BIMCO (Sanctions Clause for Time Charter Parties 2020 и аналогичные) предоставляют стороне право немотивированного отказа от исполнения, если исполнение «нарушает или может нарушить применимые санкционные законы», что на практике ведет к злоупотреблениям и срыву контрактов. При подчинении договора английскому праву и арбитражу в Лондоне российская сторона оказывается в уязвимом положении, поскольку арбитры могут признать отказ перевозчика правомерным, сославшись на обязательность санкционного режима. Кроме того, сохраняются риски неисполнения арбитражного решения в пользу подсанкционного лица со ссылкой на публичный порядок государства, признающего санкции. Таким образом, привычные юрисдикционные оговорки утрачивают привлекательность.

Китай не присоединился ни к одной из универсальных конвенций о морской перевозке грузов. Вместо этого был принят собственный Морской кодекс КНР 1992 г. (далее — МК КНР), вступивший в силу 1 июля 1993 г., который инкорпорировал отдельные положения указанных конвенций,

но создал самостоятельный правовой режим.

Для договоров международной морской перевозки грузов МК КНР в основном следует модели Гаагско-Висбийских правил: перевозчик обязан проявить должную осмотрительность, чтобы привести судно в мореходное состояние (ст. 47), и освобождается от ответственности за навигационную ошибку или пожар, если только они не вызваны его собственными действиями или упущениями (ст. 51). В то же время китайский законодатель воспринял ряд положений Гамбургских правил, касающихся ответственности за задержку доставки и расширенного периода ответственности перевозчика. Такой гибридный характер не создает непреодолимых трудностей для участников рынка, привыкших к стандартам Гаагско-Висбийских правил, но вместе с тем снижает зависимость от западных юрисдикций.

Китайское морское право регулируется не только МК КНР, но и Законом о морском судопроизводстве 1999 г., а также интерпретациями Верховного народного суда КНР. Специализированные морские суды (10 судов первой инстанции, апелляционная инстанция — Высшие народные суды приморских провинций) накопили значительный опыт рассмотрения споров с участием иностранных лиц. По официальным данным Верховного народного суда КНР, в 2021 г. морские суды рассмотрели свыше 29 000 дел различных категорий, из которых значительная часть касалась международных перевозок и страхования, что свидетельствует о высокой профессиональной квалификации судей и предсказуемости судебной практики.

Принципиальное преимущество китайской юрисдикции для российских сторон заключается в комплексе нормативных актов, направленных на противодействие иностранным санкциям.

Закон КНР «О противодействии иностранным санкциям» от 10 июня 2021 г. (Anti-Foreign Sanctions Law) предусматривает, что в случае введения иностранным государством дискриминационных ограничительных мер в отношении китайских граждан или организаций либо в иных случаях, затрагивающих интересы КНР, компетентные органы вправе объявить контрмеры, включая запрет на признание и исполнение таких мер на территории Китая. Согласно ст. 12 Закона, любое лицо не вправе выполнять иностранные санкции, нарушающие законы КНР; в противном случае потерпевшая сторона может обратиться в суд с иском о возмещении убытков.

Еще раньше, 9 января 2021 г., Министерство коммерции КНР издало Правила о противодействии неправомерному экстратерриториальному применению иностранного законодательства и иных мер (далее — Правила 2021 г.). Согласно ст. 2 Правил, если иностранное законодательство или меры неправомерно запрещают или ограничивают деятельность китайских лиц в отношениях с третьими странами, китайские лица обязаны в течение 30 дней сообщить об этом в Министерство коммерции, которое может издать запретительное предписание. Выполнение иностранного запрета без такого разрешения влечет ответственность. Правила 2021 г. прямо нацелены на блокировку экстерриториальных санкций, аналогично Блокирующему регламенту ЕС.

Применительно к морским сделкам это означает, что китайский перевозчик, страховщик или банк, отказавшийся исполнять контракт с российским партнером из-за угрозы американских санкций, рискует быть привлеченным к ответственности в китайском суде или арбитраже. Государственные суды КНР последовательно исходят из того, что иностранные санкции, не основанные на резолюциях Совета Безопасности ООН, противоречат публичному порядку КНР и не могут служить основанием для освобождения от договорной ответственности. Эта позиция нашла отражение в ряде решений морских судов (например, решение Морского суда Шанхая по делу № (2019) ХУ72 МинЧжу № 45, где суд отказался признать отказ от платежа, мотивированный санкциями США, уважительной причиной неисполнения).

Таким образом, выбор китайской юрисдикции создает для российского контрагента встречный исковой потенциал: в случае одностороннего отказа китайской компании от исполнения под давлением санкций российская сторона может взыскать убытки в китайском суде или арбитраже, и такое решение будет исполнимо в КНР, а при наличии активов китайского должника за рубежом подобное возможно и в третьих странах по Нью-Йоркской конвенции 1958 г.

Китай располагает развитой системой международного коммерческого арбитража. Для морских споров наиболее значимыми являются:

Во-первых, Китайская морская арбитражная комиссия (CMAC) — специализированный арбитражный институт, учрежденный в 1959 г., рассматривающий споры из столкновений судов, спасания, фрахтования, страхования, купли-продажи судов и т. д.;

Во-вторых, Китайская международная экономическая и торговая арбитражная комиссия (CIETAC) — также компетентна разрешать споры, связанные с морской перевозкой, если стороны отнесли их к её юрисдикции;

В-третьих, Гонконгский международный арбитражный центр (HKIAC), действующий в рамках особого административного района КНР, но сохраняющий систему общего права и широко признаваемый международным сообществом; впрочем, для целей минимизации санкционных рисков материковый Китай предпочтительнее, так как Гонконг, будучи крупным финансовым центром, более чувствителен к вторичным санкциям США.

Все арбитражные решения, вынесенные в материковом Китае, признаются и приводятся в исполнение в более чем 170 странах — участницах

Нью-Йоркской конвенции 1958 г. КНР ратифицировала Конвенцию с оговоркой о коммерческом характере споров. Случаев отказа в признании и приведении в исполнение решений CMAC или CIETAC по мотиву противоречия публичному порядку в связи с санкциями не зафиксировано, поскольку такие решения касаются частноправовых обязательств и не создают угрозы суверенитету государства места исполнения.

Дополнительным преимуществом выступает возможность вести расчеты в юанях (RMB) через систему трансграничных платежей CIPS, изолированную от контроля Министерства финансов США. Контракты, подчиненные праву КНР с местом арбитража в Пекине или Шанхае, органично сочетаются с расчетами в национальной валюте, что исключает риск блокировки банков-корреспондентов.

На основе проведенного анализа можно предложить следующую модельную арбитражную оговорку для включения в договоры морской перевозки, фрахтования или морского страхования с российским участием:

«Любой спор, возникающий из настоящего договора или в связи с ним, подлежит передаче и окончательному разрешению Китайской морской арбитражной комиссией (CMAC) в соответствии с её Регламентом, действующим на дату подачи искового заявления. Место арбитража: Пекин (или Шанхай). Язык арбитража: английский (или русский, с переводом). Правом, регулирующим настоящий договор, является право Китайской Народной Республики».

При выборе права следует учитывать императивные положения МК КНР, в частности, режим ответственности перевозчика. Однако, поскольку большинство морских держав придерживаются аналогичных Гаагско-Висбийским правил стандартов, существенного дисбаланса не возникает. Более того, стороны вправе расширить гарантии: например, согласовать, что отказ от исполнения договора допустим только на основании вступившего в силу судебного акта китайского суда, подтверждающего нарушение закона КНР, а не на основании рекомендаций иностранных регуляторов.

Для сделок с участием российских судовладельцев целесообразно также включать в текст договора прямую ссылку на Закон КНР «О противодействии иностранным санкциям» как на применимое императивное правило, исключающее возможность расторжения договора под влиянием односторонних ограничительных мер США или ЕС.

Заключение

Избрание юрисдикции КНР в трансграничных морских сделках с участием российских лиц представляет собой не вынужденную меру, а юридически рациональный выбор, основанный на прочной нормативной базе и действенных механизмах защиты от вторичных санкций. Китайское морское право, сочетающее испытанные конвенционные подходы с национальной спецификой, обеспечивает достаточную определенность прав и обязанностей сторон. Блокирующее законодательство КНР вкупе с последовательной практикой государственных судов и арбитражей формирует «безопасную гавань», в которой угроза иностранных санкций утрачивает юридическую силу. Массированное использование юрисдикции КНР способно не только укрепить позиции российского судоходства, но и стимулировать дальнейшую дедолларизацию и регионализацию морской торговли, возвращая ей фундаментальный принцип свободы мореплавания, не обремененной политической конъюнктурой.

Список литературы:

[1] Maritime Code of the People's Republic of China (adopted at the 28th Session of the Standing Committee of the Seventh National People's Congress on November 7, 1992, effective July 1, 1993) // Официальный вестник Постоянного комитета ВСНП. — 1992. — № 6. — С. 3–58.

[2] Закон КНР «О противодействии иностранным санкциям» от 10 июня 2021 г. (Anti-Foreign Sanctions Law of the People's Republic of China) // Собрание законодательных актов КНР. — 2021. — № 18. — Ст. 1047.

[3] Правила КНР «О мерах по противодействию неправомерному экстратерриториальному применению иностранного законодательства и иных мер» (утверждены Министерством коммерции КНР 9 января 2021 г., Приказ № 1) // Официальный вестник Министерства коммерции КНР. — 2021. — № 1.

[4] Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.) // Сборник международных договоров СССР. — М., 1989. — Вып. XLIII. — С. 180–193.

[5] Международная конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте 1924 г. (Гаагские правила) с изменениями, внесенными Протоколом 1968 г. (Гаагско-Висбийские правила) // Treaty Series. — United Nations, 1977. — Vol. 1095. — No. 24905.

[6] BIMCO Sanctions Clause for Time Charter Parties 2020 [Электронный ресурс] // BIMCO. — 2020. — URL: https://www.bimco.org/contracts-and-clauses/bimco-clauses/current/sanctions-clause-for-time-charter-parties-2020 (дата обращения: 17.06.2026).

[7] Tang Z. S. Jurisdiction and Arbitration Agreements in International Commercial Law. — London: Routledge, 2014. — 304 p.

[8] Zhao L. Chinese Maritime Law: Recent Developments and Future Trends // The Journal of International Maritime Law. — 2020. — Vol. 26, Iss. 2. — P. 112–128.

[9] Mo J. S. Maritime Law in China: Emerging Issues and Future Developments. — Abingdon: Routledge, 2020. — 288 p.

[10] Chen L. The Anti-Foreign Sanctions Law of China: A New Weapon against Unilateral Sanctions? // Chinese Journal of International Law. — 2022. — Vol. 21, Iss. 1. — P. 105–127.

[11] Supreme People's Court of the PRC. White Paper on Maritime Trials in China (2018–2021). — Beijing, 2022. — 76 p.

[12] China Maritime Arbitration Commission (CMAC). Annual Report 2022. — Beijing, 2023. — 42 p.

[13] Решение Морского суда Шанхая от 12 марта 2019 г. по делу № (2019) ХУ72 МинЧжу № 45 // Архив морских судов КНР (на кит. яз.; аннотация на англ. яз. — в базе China Judgments Online).

[14] Указ Президента США № 14024 от 15 апреля 2021 г. «Блокирование собственности в связи с определенными вредоносными действиями Правительства Российской Федерации» // Federal Register. — 2021. — Vol. 86, No. 73. — URL: https://www.federalregister.gov (дата обращения: 17.06.2026).

[15] United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS), Montego Bay, 10 December 1982 // United Nations Treaty Series. — 1994. — Vol. 1833. — No. 31363.

References:

[1] Maritime Code of the People's Republic of China (adopted at the 28th Session of the Standing Committee of the Seventh National People's Congress on November 7, 1992, effective July 1, 1993) // Official Bulletin of the Standing Committee of the NPC. — 1992. — No. 6. — Pp. 3–58.

[2] Anti-Foreign Sanctions Law of the People's Republic of China of June 10, 2021 // Collected Legislative Acts of the PRC. — 2021. — No. 18. — Art. 1047.

[3] PRC Rules on Measures to Prevent Unlawful Extraterritorial Application of Foreign Laws and Other Measures (approved by the Ministry of Commerce of the PRC on January 9, 2021, Order No. 1) // Official Gazette of the Ministry of Commerce of the PRC. — 2021. — No. 1.

[4] UN Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York, June 10, 1958) // Collection of International Treaties of the USSR. — Moscow, 1989. — Issue XLIII. — Pp. 180–193.

[5] International Convention for the Unification of Certain Rules relating to Bills of Lading, 1924 (The Hague Rules), as amended by the 1968 Protocol (The Hague-Visby Rules) // Treaty Series. - United Nations, 1977. - Vol. 1095. - No. 24905.

[6] BIMCO Sanctions Clause for Time Charter Parties 2020 [Electronic resource] // BIMCO. - 2020. - URL: https://www.bimco.org/contracts-and-clauses/bimco-clauses/current/sanctions-clause-for-time-charter-parties-2020 (access date: 06/17/2026).

[7] Tang Z. S. Jurisdiction and Arbitration Agreements in International Commercial Law. - London: Routledge, 2014. - 304 p.

[8] Zhao L. Chinese Maritime Law: Recent Developments and Future Trends // The Journal of International Maritime Law. — 2020. — Vol. 26, Iss. 2. - P. 112–128.

[9] Mo J. S. Maritime Law in China: Emerging Issues and Future Developments. - Abingdon: Routledge, 2020. - 288 p.

[10] Chen L. The Anti-Foreign Sanctions Law of China: A New Weapon against Unilateral Sanctions? // Chinese Journal of International Law. — 2022. — Vol. 21, Iss. 1. - P. 105–127.

[11] Supreme People's Court of the PRC. White Paper on Maritime Trials in China (2018–2021). — Beijing, 2022. — 76 p.

[12] China Maritime Arbitration Commission (CMAC). Annual Report 2022. - Beijing, 2023. - 42 p.

[13] Judgment of the Shanghai Maritime Court of March 12, 2019, Case No. (2019) HU72 MingZhu No. 45 // China Maritime Court Records (in Chinese; English abstract — in the China Judgments Online database).

[14] Executive Order No. 14024 of the President of the United States of America, dated April 15, 2021, "Blocking Property in Connection with Certain Harmful Actions of the Government of the Russian Federation" // Federal Register. — 2021. — Vol. 86, No. 73. — URL: https://www.federalregister.gov (date accessed: June 17, 2026).

[15] United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS), Montego Bay, 10 December 1982 // United Nations Treaty Series. — 1994. — Vol. 1833. — No. 31363.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.06.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-33-36**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

КУЗНЕЦОВА Дарья Евгеньевна,
студент,
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко»,
e-mail: dasha1109kuz@mail.ru

ЕРОХИНА Елена Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВУ «Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко»,
e-mail: erohina.elena2020@gmail.com

ПРИНЦИП РАВЕНСТВА ПРАВ СУПРУГОВ В СЕМЬЕ

АННОТАЦИЯ. В данной работе осуществляется комплексный анализ принципа равенства супругов в российском семейном праве с учётом его исторического развития, нормативного закрепления и философско-правового содержания. Автор показывает, что начиная с 1918 года отечественное законодательство последовательно направлено на устранение подчинённого положения одного супруга другому и обеспечение равенства мужчин и женщин, в том числе в сфере имущественных отношений. Особое внимание уделяется положениям Семейного кодекса Российской Федерации, закрепляющим юридическое значение немонетарного вклада в семью, включая ведение домашнего хозяйства и воспитание детей, что способствует предотвращению экономической зависимости как формы давления. В работе подчёркивается, что принцип равенства супругов не сводится к формально-юридической симметрии прав, а представляет собой этико-правовой идеал, соединяющий нормы права и моральные основы семейной жизни. Анализируются конституционные гарантии равенства и их отраслевое воплощение в семейном законодательстве, включая различие между равенством прав и равенством супругов как субъектов семейных отношений. Рассматриваются механизмы правового выравнивания фактического неравенства, обусловленного социальными и биологическими факторами, такими как беременность, уход за ребёнком и распределение семейных ролей. Отдельное внимание уделено проблемам правоприменения, включая скрытую асимметрию в распоряжении семейными ресурсами, сложности доказывания недобросовестного поведения и возможности отступления от принципа равенства долей при разделе имущества. Также исследуются допустимые исключения из принципа равенства, направленные на защиту более уязвимой стороны, и проводится их оценка с точки зрения недискриминационного характера. В заключение делается вывод о многоуровневом характере принципа равенства супругов, сочетающего формальное юридическое равенство с необходимостью достижения реального баланса интересов, что во многом зависит от качества правоприменительной практики и точности законодательного регулирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: супруги, права супругов, семья, семейный кодекс, равенство, справедливость, статус супругов, семейная жизнь.

KUZNETSOVA Daria Evgenievna,
student,
Orenburg State University named after V.A. Bondarenko

EROKHINA Elena Vasilievna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure,
Orenburg State University named after V.A. Bondarenko

THE PRINCIPLE OF EQUAL RIGHTS OF SPOUSES IN THE FAMILY

ANNOTATION. This paper provides a comprehensive analysis of the principle of equality between spouses in Russian family law, taking into account its historical development, regulatory codification, and philosophical and legal content. The author demonstrates that, since 1918, domestic legislation has consistently aimed to eliminate the subordination of one spouse to the other and ensure equality between men and women, including in property relations. Particular attention is paid to the provisions of the Family Code of the Russian Federation that enshrine the legal significance of non-monetary contributions to the family, including housekeeping and child-rearing, thereby helping to prevent economic dependence as a form of oppression. The paper emphasizes that the principle of equality between spouses is not limited to a formal legal symmetry of rights, but represents an ethical and legal ideal that unites legal norms and the moral foundations of family life. The author analyzes constitutional guarantees of equality and their sectoral implementation in family law, including the distinction between equal rights and the equality of spouses as subjects of family relations. The article examines mechanisms for legally reconciling de facto inequalities caused by social and biological factors, such as pregnancy, childcare, and the distribution of family roles. Special attention is given to issues of law enforcement, including hidden asymmetries in the management of family resources, the difficulty of proving unfair behavior, and the possibility of deviating from the principle of equal shares in property division. Permissible exceptions to the principle of equality aimed at protecting the more vulnerable party are also examined, and their non-discriminatory nature is assessed. The article concludes by emphasizing the multi-layered nature of the principle of marital equality, combining formal legal equality with the need to achieve a real balance of interests, which largely depends on the quality of law enforcement practices and the precision of legislative regulation.

KEY WORDS: spouses, rights of spouses, family, family code, equality, justice, status of spouses, family life.

Принцип равенства прав супругов в семье. Начиная с 1918 г. развитие отечественного семейного законодательства последовательно направлено на недопущение подчинённого положения одного супруга другому и на уравнивание прав женщин и мужчин, включая имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению имуществом [5, с. 13].

Актуальное законодательное мышление, а именно Семейного Кодекса Российской Федерации, в этой части формируется с признания социальной ценности и значимости семейного труда к юридическим последствиям данного труда. Пунктом 3 статьи 34 СК РФ устанавливает, что право на общее имущество принадлежит, в том числе и супругу, который не имел индивидуального дохода, если он управлял домашним бытом, осуществлял уход за детьми или не имел дохода по иным уважительным причинам. В таком случае принцип равенства приобретает материальное положение: правопорядок придаёт юридическое значение немонетарному вкладу в семью, тем самым оказывая некое сопротивление преобразованию экономической зависимости в средство давления и лишения имущественных прав.

Однако равенство в семейном праве следует все же рассматривать не столько как техническую юридическую конструкцию, а больше в качестве нормативного выражения определённого этико-правового идеала, в котором право определяет границы свободы личности и одновременно задаёт рамки допустимого в вопросах интимного характера внутри семейной жизни. В философско-правовой перспективе равенство выступает мостом между правом и моралью: право закрепляет формально-определённые притязания и юридические возможности, тогда как мораль наполняет семейные отношения содержанием взаимного уважения, заботы и справедливости. Принцип равенства супругов, закрепленный в семейном праве, это не столько гарантия пресечения власти одного супруга над другим, сколько средство обеспечения поиска путей согласования воли супругов ради общего семейного благополучия.

Данный семейный принцип основывается на конституционном положении о равенстве прав и свобод человека и гражданина, запрет на дискриминацию по половому признаку и обеспечение равных возможностей для мужчин и женщин при реализации ими своих прав [6, с.85].

Эти положения не ограничиваются декларацией, а несут прямое значение для семейного законодательства как для отрасли, которая наиболее тесно связана с нравственными основаниями общежития и с уязвимым положением некоторых отдельных членов семьи. Именно поэтому семейно-правовое равенство нельзя сводить к «симметрии формулировок»: оно предполагает юридическое выравнивание статуса супругов там, где фактическая жизненные обстоятельства по своей сути неравномерны (беременность, уход за ребёнком, временная утрата дохода вследствие распределения семейных ролей).

Отраслевое воплощение конституционного принципа находит отражение уже в статье 1 СК РФ, закрепляющей равенство прав супругов в семье. Одномоментно статья 31 СК РФ формулирует равенство супругов при решении вопросов жизни семьи, не концентрируя внимания специально на термине «права». Это различие терминологии не является случайным и, на наш взгляд, имеет теоретически продуктивный смысл: речь идёт о двух взаимосвязанных плоскостях равенства. Одна из них – равенство прав как юридически обеспеченных возможностей и притязаний, которые подлежат защите и принудительному обеспечению. Вторая – равенство супругов как субъектов

семейного общества, предполагающее паритет в принятии решений и в признании равной значимости и важности личности каждого. Здесь уместно вспомнить наблюдение Н.С. Шерстнёвой о том, что «нет полного тождества между равенством прав и равенством супругов» [7, с. 100-102]. На уровне личных неимущественных отношений равенство выражается в закреплённой статьёй 31 СК РФ: свобода каждого супруга выбирать род деятельности, профессию, место пребывания и жительства, а также в требовании совместного решения ключевых вопросов семейной жизни. Здесь наиболее отчётливо проявляется взаимодействие правовых норм и морали: юридическая норма требует согласования, а её реальное исполнение невозможно без внутренней установки на взаимоуважение и взаимопомощь.

Формальное равенство прав внутри семьи может существовать совместно с фактическим властным положением одного из супругов (экономическим, психологическим, коммуникативным), а реальное равенство как баланс влияния и участия в семейной жизни может требовать правовых механизмов, выходящих за рамки простой «симметрии» правомочий.

В доктрине справедливо подчёркивается, что действующее регулирование ориентировано на обеспечение именно юридического равенства сторон [8, с. 21]. Однако специфика семейных отношений такова, что право вынуждено постоянно «сверять» формальное равенство с жизненной ситуацией. Это проявляется, прежде всего в имущественной сфере, где законодатель сознательно использует конструкцию совместной собственности супругов как средство выравнивания последствий объективно разного вклада, обусловленного распределением семейных функций.

Одновременно законодатель оставляет пространство для оценки поведения супругов через механизм отступления от равенства долей по пункту 2 статьи 39 СК РФ, где отсутствие уважительных причин неполучения дохода может быть учтено судом. Тем самым формируется тонкий баланс: с одной стороны, защита супруга, который объективно ограничен в возможности получать доход; с другой — недопущение злоупотребления моделью «неработающего» супруга, если такая модель не обусловлена семейными интересами и согласованным распределением ролей. Отступление от начал равенства, предусмотренное в п. 4 ст. 38 и п. 2 ст. 39 СК РФ, направлено на осуществление имущественного равенства прав супругов. Их применение ведет к фактическому уравниванию в имущественных отношениях и реализации принципа равенства прав [9, с. 9].

Практика, однако, показывает, что формально равный режим совместной собственности не всегда обеспечивает реальную паритетность в распоряжении семейными ресурсами. В семьях, где доход сконцентрирован у одного супруга, зачастую именно он принимает решения о направлениях закупок и траты средств, причём такие решения могут как действительно осуществляться в интересах семьи и ее благополучия, так и направляться для удовлетворения его личных потребностей или интересов третьих лиц (как членов семьи, так и лиц, не являющихся членами семьи). Такие расходы сложно признать личными долгами, потраченными без учета мнения второго супруга, с учетом установленной в российском праве презумпции согласия второго супруга. Анализ судебных споров о разделе имущества супругов позволяет сделать вывод о наличии скрытого неравенства супругов, но не в их правовом статусе, а в доступе к информации, финансовым инструментам, возможностям фиксации доказательств. Отдельные постановления Верховного Суда РФ по делам о разделе совместно нажитого имущества [4] свидетельствуют, что суды постепенно повышают стандарты проверки расходования общих средств при определении личных и общих долгов, однако проблема доказываемости, так называемого «скрытого» расходования общих средств остаётся не решенной.

Следует особо выделить правомерные, на наш взгляд ситуации, когда законодатель допускает исключения из принципа равенства для защиты более слабой стороны: ребёнка или добросовестного супруга. Именно в данном вопросе неизбежна философско-правовая проверка: является ли дифференциация дискриминацией или же она представляет собой оправданное различение, основанное на объективных обстоятельствах и направленное на достижение материального равенства. Примером можем взять запрет мужу инициировать расторжение брака без согласия жены во время её беременности и в течение года после рождения ребёнка (статья 17 СК РФ). Аргументация о отсутствии дискриминационных ограничений такого запрета традиционно связывается с физиологической спецификой беременности и повышенной уязвимостью женщины в этот период. Аналогично это применить и к алиментным обязательствам бывших супругов. Право бывшей жены в период беременности требовать алименты от бывшего мужа (статья 89 СК РФ) объяснимо с исторической и социальной точек зрения как мера защиты женщины в период объективного ограничения её трудовой и экономической активности.

Проблема равенства супругов актуализируется при рассмотрении правоприменительной практики об определении места жительства ребёнка после расторжения брака. Формально суд разрешает данный спор исходя из интересов ребёнка, однако устойчивая судебная практика, свидетельствующая о приоритете передаче ребенку матери, уже достаточно давно получило название в науке «стереотип судебных решений». Полагаем такие решения подлежат методологически выверенной оценки: через анализ судебных актов, мотивации, экспертных заключений, участия органов опеки, а также через проверку того, не подменяется ли индивидуальная оценка обсто-

ятельств дела социальным шаблоном.

В целом, принцип равенства супругов в российском семейном праве представляет собой многоуровневую правовую конструкцию, в которой конституционное равенство мужчины и женщины конкретизируется в нормах семейного права, а формально равные права дополняются механизмами защиты того супруга, чьё фактическое положение может оказаться более уязвимым вследствие выполнения семейных функций.

При этом сохраняется фиксируются пороки реализации формального равенства и равенства как реального паритета: с одной стороны, право способно обеспечить фактическое равенство, с другой многое зависит от правоприменительной практики судов и органов опеки и попечительства.

Список литературы:

[1] Конвенция о правах ребенка. Одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г. Вступила в силу для СССР 15.09.1990 г. // Сборник международных договоров СССР», выпуск XLVI, 1993.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гущиной» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 5.

[3] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 20.02.2026).

[4] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2023 г. № 34-КГ23-1-К3. // ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23052023-n-34-kg23-1-k3/ (дата обращения: 20.02.2026).

[5] Крашенинников П.В. Старая новая семья. Семейное законодательство: Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Семейное право. / П.В. Крашенинников. – Москва: Статут, 2019. 336 с.

[6] Левушкин А.Н. Реализация нравственных начал в принципах российского семейного права при компенсации морального вреда / А.Н. Левушкин, Е.В. Ершова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 3. – С. 83 - 92.

[7] Шерстнева Н.С. Принципы семейного права / Н.С. Шерстнева. – Москва: Проспект, 2004. – 112 с.

[8] Ульянова М.В. Осуществление и защита прав нетрудоспособных и нуждающихся членов семьи // Семейное и жилищное право. – 2022а. – № 3. – С. 20 - 25.

[9] Мохов А.Ю. Правовой режим имущества каждого из супругов: дискуссионные вопросы теории / А.Ю. Мохов // Семейное и жилищное право. – 2023. – № 1. – С. 8 - 10.

References:

[1] Convention on the Rights of the Child. Approved by the UN General Assembly on 20.11.1989. Entered into force for the USSR on 15.09.1990 // Collection of International Treaties of the USSR, Issue XLVI, 1993.

[2] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16 June 2015 No. 15-P «On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Article 139 of the Family Code of the Russian Federation and Article 47 of the Federal Law «On Acts of Civil Status» in connection with the complaint of citizens G. F. Grubich and T. G. Gushchina» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. - 2015. - No. 5.

[3] Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (accessed: 20.02.2026).

[4] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 23, 2023 No. 34-KG23-1-K3. // UIS Legalact. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23052023-n-34-kg23-1-k3/ (accessed: 20.02.2026).

[5] Krasheninnikov P.V. Old New Family. Family Legislation: Collected Works: In 10 vols. Vol. 6. Family law. / P.V. Krasheninnikov. - Moscow: Statut, 2019. 336 p.

[6] Levushkin A.N. Implementation of Moral Principles in the Principles of Russian Family Law in Compensation for Moral Damage / A.N. Levushkin, E.V. Ershova // Bulletin of the Saratov State Law Academy. - 2016. - No. 3. - Pp. 83-92.

[7] Sherstneva N.S. Principles of Family Law / N.S. Sherstneva. - Moscow: Prospect, 2004. - 112 p.

[8] Ulyanova M.V. Implementation and Protection of the Rights of Disabled and Needy Family Members // Family and Housing Law. - 2022a. - No. 3. - Pp. 20-25.

[9] Mokhov A.Yu. Legal Regime of the Property of Each Spouse: controversial issues of theory / A.Yu. Mokhov // Family and housing law. - 2023. - No. 1. - P. 8 - 10.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-37-40**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

МАМКИНА Милана Юрьевна,
студент 2 курса Гражданско-правового профиля, юриспруденция,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы МЧС России»
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: mamkina2006@mail.ru

Научный руководитель:
МОИСЕЕНКО Ирина Николаевна,
старший преподаватель кафедры административного права и процесса,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы МЧС России»
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: mmimi1963@mail.ru

ЛИШЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ: ОСНОВАНИЯ, ПРОЦЕДУРА И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. Лишение родительских прав представляет собой крайнюю меру государственного вмешательства в семейные отношения, применяемую при невозможности защитить интересы ребёнка иными способами. В работе анализируются правовые основания данной процедуры, закреплённые в Семейном кодексе РФ, особенности судебного разбирательства с участием органов опеки и прокуратуры, а также механизм восстановления в правах. Особое внимание уделено судебной практике 2022–2026 годов, демонстрирующей изменение подходов к оценке поведения родителей. Материал содержит статистические данные о количестве дел о лишении родительских прав в различных регионах России, анализ наиболее распространённых оснований для принятия судебных решений. Рассмотрены перспективы восстановления родительских прав и условия, при которых суды идут на такой шаг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лишение родительских прав, семейное право, защита прав ребёнка, судебная практика, восстановление родительских прав, органы опеки, интересы несовершеннолетних.

MAMKINA Milana Yuryevna,
Second-year student, Civil Law, Jurisprudence,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education, Saint Petersburg University
of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia
named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev,
Saint Petersburg, Russia

Academic Supervisor:
MOISEENKO Irina Nikolaevna,
Senior Lecturer, Department of Administrative Law and Procedure,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education, Saint Petersburg University
of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia
named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev,
Saint Petersburg, Russia

DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS: GROUNDS, PROCEDURE AND PROSPECTS FOR RESTORATION

ANNOTATION. Deprivation of parental rights represents an extreme measure of state intervention in family relations, applied when it is impossible to protect the child's interests by other means. The paper analyzes the legal grounds for this procedure enshrined in the Family Code of the Russian Federation, the specifics of court proceedings with the participation of guardianship authorities and the prosecutor's office, as well as the mechanism for restoration of rights. Particular attention is paid to judicial practice of 2022–2026, demonstrating changes in approaches to assessing parental behavior. The material contains statistical data on the number of cases of parental rights deprivation in various regions of Russia, analysis of the most common grounds for judicial decisions. The prospects for restoration of parental rights and conditions under which courts take such a step are considered.

KEY WORDS: deprivation of parental rights, family law, protection of children's rights, judicial practice, restoration of parental rights, guardianship authorities, interests of minors.

Правовая природа и масштаб проблемы лишения родительских прав

Институт лишения родительских прав выполняет защитную функцию по отношению к детям, оказавшимся в ситуации семейного неблагополучия. Согласно статье 69 СК РФ, данная мера применяется исключительно в судебном порядке и лишь при наличии виновного поведения родителя. Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывает устойчивую динамику: в 2023 году суды рассмотрели около 42 тысяч дел данной категории, из которых удовлетворено было примерно 85% [5]. Цифры 2024 года демонстрируют некоторое снижение – до 39,5 тысяч дел, что, по мнению аналитиков, связано не с улучшением ситуации в семьях, а с активизацией профилактической работы органов опеки на ранних стадиях выявления неблагополучия [3].

Лишение родительских прав – это не наказание родителя. Такую позицию последовательно отстаивает Верховный Суд РФ в своих обзорах судебной практики. Речь идёт о защитной мере, направленной исключительно на обеспечение интересов ребёнка. Родитель утрачивает все права, основанные на факте родства: на воспитание, на общение, на получение алиментов от совершеннолетних детей в будущем, на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей. При этом – и это принципиально важный момент – обязанность по содержанию ребёнка сохраняется в полном объёме.

Основания для лишения родительских прав: от алкоголизма до жестокого обращения

Статья 69 СК РФ содержит исчерпывающий перечень оснований. Уклонение от выполнения обязанностей – первое и наиболее распространённое: систематическое невыполнение обязанностей по воспитанию, обучению, содержанию, включая злостное уклонение от алиментов. Суды квалифицируют поведение как злостное, если родитель скрывает доходы, меняет место жительства или работы, игнорирует решения суда более шести месяцев. Пленум Верховного Суда РФ уточняет: краткосрочная задолженность сама по себе не основание для лишения прав, если родитель пытается её погасить.

Отказ без уважительных причин взять ребёнка из роддома или иного учреждения – второе основание. Суды проверяют, были ли уважительные причины. Длительное (свыше шести месяцев) игнорирование ребёнка, находящегося в медицинской или социальной организации, рассматривается как отказ. Жестокое обращение – третье основание, включающее физическое и психическое насилие. Психическое насилие сложнее доказать: суды опираются на заключения психологов, характеристики, показания свидетелей. Систематическое унижение, запугивание, изоляция, эмоциональное отвержение могут быть квалифицированы как психическое насилие.

Хронический алкоголизм или наркомания – четвёртое основание, требующее медицинского подтверждения: заключение наркологического диспансера о постановке на учёт.

Совершение умышленного преступления против жизни или здоровья детей или супруга – шестое основание (обвинительный приговор обязателен).

Процедура лишения родительских прав: особенности судебного разбирательства

Дела о лишении родительских прав рассматриваются районными судами по месту жительства ответчика. Исключение – случаи, когда одновременно заявлено требование о взыскании алиментов: тогда истец вправе подать иск по месту своего жительства. Круг лиц, имеющих право обратиться в суд, ограничен. Это один из родителей, опекун или попечитель, приёмный родитель, прокурор, орган опеки и попечительства.

К участию в деле обязательно привлекаются прокурор и орган опеки. Прокурор даёт заключение по существу спора, оценивая законность и обоснованность заявленных требований. Орган опеки проводит обследование условий жизни ребёнка и родителя, представляет суду акт обследования и заключение о целесообразности лишения родительских прав.

Суд выясняет, имеются ли основания для лишения родительских прав, доказаны ли они, виновен ли родитель. Отсутствие вины исключает лишение прав. Если родитель не выполняет свои обязанности по причине тяжёлой болезни, психического расстройства, стечения тяжёлых обстоятельств, суд не может лишить его родительских прав, но может применить ограничение. Впрочем, это справедливо не для всех случаев: алкоголизм и наркомания считаются виновным поведением,

даже если они носят характер заболевания.

Ребёнок, достигший возраста десяти лет, опрашивается судом. Мнение ребёнка учитывается, но не является решающим. Суд оценивает его с учётом возраста, зрелости, степени осознанности позиции. Нередко дети, несмотря на объективно неблагополучную ситуацию в семье, выражают желание остаться с родителем. Здесь суд оказывается перед дилеммой: с одной стороны, уважение к мнению ребёнка, с другой – объективная опасность для его жизни и здоровья. Исследование Семёновой, проведённое на материале 120 судебных решений за 2023–2024 годы, показало, что в 68% случаев, когда дети высказывались против лишения родительских прав, суды всё же удовлетворяли иски, руководствуясь интересами защиты ребёнка.

Решение суда о лишении родительских прав влечёт за собой ряд последствий. Родитель теряет все права, основанные на факте родства с ребёнком. Это касается не только прав на воспитание и общение, но и имущественных прав – на получение содержания от совершеннолетнего ребёнка, на наследование по закону после его смерти. Ребёнок, напротив, сохраняет все свои права: право на алименты, право на жилое помещение, право наследования после смерти родителя. Такая асимметрия обусловлена защитной направленностью института лишения родительских прав.

Решение суда в течение трёх дней направляется в орган ЗАГС для внесения соответствующей отметки в актовую запись о рождении ребёнка. Если ребёнок до этого проживал с родителем, встаёт вопрос о его дальнейшем устройстве. Здесь картина неоднородная: в случаях, когда второй родитель не лишён прав и в состоянии осуществлять воспитание, ребёнок передаётся ему. Если второго родителя нет или он также лишён прав, ребёнок передаётся на попечение органа опеки, который решает вопрос о форме устройства – опека, приёмная семья, усыновление, детский дом.

Возможность восстановления в родительских правах: условия и практика

Закон позволяет восстановить родительские права, если родитель изменил поведение, образ жизни и отношение к воспитанию ребёнка. Инициатива принадлежит самому родителю. Иск подаётся в суд по месту жительства лица, на попечении которого находится ребёнок (второй родитель, опекун, организация для детей-сирот). К делу привлекаются орган опеки и прокурор.

Условия восстановления – в ст. 72 СК РФ. Родитель должен доказать изменение поведения (прекращение действий, ставших основанием для лишения прав). Если причиной был алкоголизм – пройти лечение, подтвердить ремиссию. Если уклонение от алиментов – погасить долг, регулярно платить. Изменение образа жизни – стабильная занятость, жильё, отсутствие правонарушений. Изменение отношения к воспитанию – попытки контакта с ребёнком, интерес к его жизни.

Суд оценивает всё в совокупности. Минимальный срок для устойчивых изменений – около года. Средний срок между лишением и восстановлением – 18 месяцев.

Ключевое условие – согласие ребёнка с 10 лет. Без него восстановление невозможно, это абсолютное правило. Даже при полном изменении родителя, если ребёнок против – суд откажет. Нельзя насильно возвращать ребёнка, если это травмирует его. Восстановление невозможно, если ребёнок усыновлён и усыновление не отменено. При отмене усыновления препятствие исчезает.

Основные причины отказа: недостаток доказательств изменений, отсутствие стабильного дохода/жилья, негативное отношение ребёнка. Прокуроры и опека чаще дают отрицательные заключения (короткая ремиссия, отсутствие реального интереса к ребёнку).

Лишение родительских прав – крайняя, но необходимая мера защиты детей при серьёзном семейном неблагополучии. Анализ законодательства и практики 2022–2026 годов показывает устойчивость подходов: суды исходят из приоритета интересов ребёнка, проверяют основания и вину родителя, учитывают мнение опеки и прокуратуры.

Наиболее частые основания – уклонение от обязанностей, хронический алкоголизм, жестокое обращение. Злоупотребление родительскими правами и психическое насилие всё чаще становятся предметом разбирательства, что расширяет понимание угроз для детского благополучия.

Процедура лишения прав формализована, обязательно участие опеки и прокуратуры. Это обеспечивает объективность, но увеличивает продолжительность разбирательств.

Перспективы совершенствования – развитие профилактики на ранних стадиях, расширение программ социального сопровождения и реабилитации родителей, внедрение механизмов постепенного восстановления контакта под контролем специалистов. Это снизило бы число судебных лишений и повысило эффективность восстановления семейных связей там, где это отвечает интересам ребёнка.

Список литературы:

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46.

[2] Иванова М.С. Профилактика социального сиротства: опыт работы с неблагополучными семьями в Московской области // Социальная педагогика. 2023. № 4. С. 45–52.

[3] Карпова Е.В. Злоупотребление родительскими правами как основание для их лишения: со-

временная судебная практика // Семейное и жилищное право. 2024. № 2. С. 18–23.

[4] Костина С. Е. Восстановление родительских прав как мера защиты прав ребенка - современное состояние и перспективы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2019.— С. 119-123.

[5] «Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125826/?ysclid=mpa2ytgvk7593163491 (дата обращения: 21.04.2026).

References:

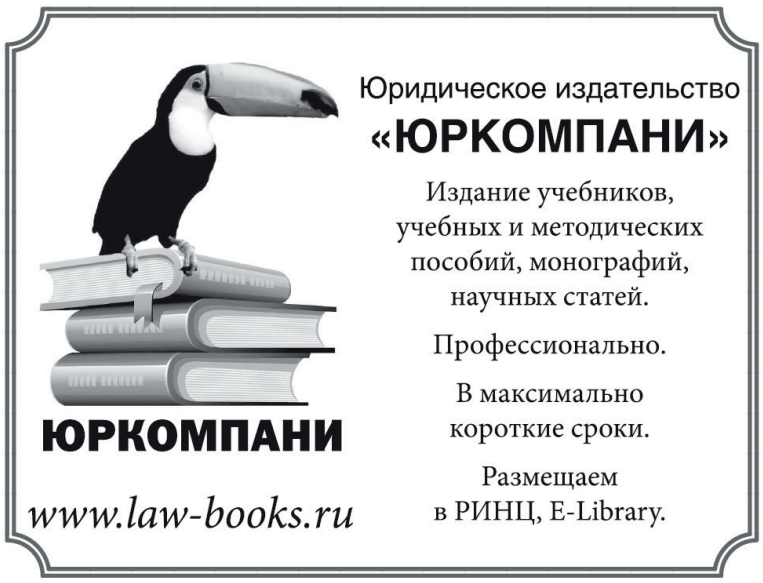
[1] Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 09.04.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46.

[2] Ivanova M.S. Prevention of Social Orphanhood: Experience of Working with Dysfunctional Families in the Moscow Region // Social Pedagogy. 2023. No. 4. pp. 45–52.

[3] Karpova E.V. Abuse of Parental Rights as Grounds for Deprivation: Modern Judicial Practice // Family and Housing Law. 2024. No. 2. pp. 18–23.

[4] Kostina S.E. Restoration of Parental Rights as a Measure to Protect the Rights of the Child - Current Status and Prospects // Bulletin of the Saratov State Law Academy. — 2019.— P. 119-123.

[5] «Review of the practice of courts resolving disputes related to the upbringing of children» (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 20, 2011). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125826/?ysclid=mpa2ytgvk7593163491 (date of access: April 21, 2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-41-45**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

ДОБРОДОМОВА Дарья Андреевна,
студентка магистратуры 1 года обучения
кафедры экономических и финансовых расследований
Высшей школы государственного аудита (факультета)
МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия,
e-mail: dobrodomovadaria@gmail.com

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ВЫЯВЛЕНИИ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

АННОТАЦИЯ. В условиях цифровой трансформации экономики и государственного управления задачи противодействия коррупции приобретают новое измерение. Традиционные методы выявления коррупционных правонарушений, основанные на эпизодических проверках и анализе ограниченного массива данных, перестают отвечать требованиям времени. В этой связи особую актуальность приобретает изучение возможностей применения технологий искусственного интеллекта в деятельности подразделений экономической безопасности. *Цель исследования* – анализ современных возможностей и перспектив внедрения технологий искусственного интеллекта в практику выявления коррупционных рисков, а также оценка связанных с этим вызовов и угроз. *Методология.* Исследование основано на системном подходе с использованием методов сравнительного анализа, обобщения зарубежного и отечественного опыта, а также анализа документов международных организаций. *Результаты.* В статье систематизированы основные направления применения искусственного интеллекта в антикоррупционной деятельности: выявление аномалий в государственных закупках, прогнозная аналитика коррупционных рисков, анализ неструктурированных данных и сетей влияния, автоматизация контроля конфликта интересов. Рассмотрены успешные примеры внедрения таких систем в зарубежных странах (Испания, Колумбия, Италия, Бразилия) и в российской практике Выявлены основные риски внедрения искусственного интеллекта: непрозрачность алгоритмов, предвзятость данных, угрозы кибератак, возможное снижение роли человеческого контроля. *Выводы.* Внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность подразделений экономической безопасности способно существенно повысить эффективность выявления коррупционных рисков, однако требует разработки четких правовых и этических рамок, обеспечения прозрачности алгоритмов и сохранения решающей роли человека в принятии итоговых решений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: искусственный интеллект, коррупционные риски, экономическая безопасность, противодействие коррупции, машинное обучение, прогнозная аналитика, государственные закупки, цифровизация, большие данные.

DOBRODOMOVA Daria Andreevna,
first-year Master's student
of the Department of Economic and Financial Investigations,
Faculty of the Higher School of State Audit,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN IDENTIFYING CORRUPTION RISKS: PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION IN THE ACTIVITIES OF ECONOMIC SECURITY UNITS

ANNOTATION. In the context of digital transformation of the economy and public administration, the tasks of countering corruption are acquiring a new dimension. Traditional methods of detecting corruption offenses, based on episodic checks and analysis of a limited array of data, no longer meet the requirements of the time. In this regard, the study of the possibilities of using artificial intelligence technologies in the activities

of economic security units becomes particularly relevant. *The purpose of the study* is to analyze current capabilities and prospects for implementing artificial intelligence technologies in the practice of identifying corruption risks, as well as to assess the associated challenges and threats. *Methodology.* The study is based on a systematic approach using methods of comparative analysis, synthesis of foreign and domestic experience, and analysis of documents from international organizations. *Results.* The article systematizes the main directions of applying artificial intelligence in anti-corruption activities: identifying anomalies in public procurement, predictive analytics of corruption risks, analysis of unstructured data and influence networks, automation of conflict of interest control. Successful examples of implementing such systems in foreign countries (Spain, Colombia, Italy, Brazil) and in Russian practice are considered. The main risks of implementing artificial intelligence are identified: opacity of algorithms , data bias, cyberattack threats, and possible reduction of the role of human control. *Conclusions.* The implementation of artificial intelligence technologies in the activities of economic security units can significantly increase the effectiveness of identifying corruption risks, but requires the development of clear legal and ethical frameworks, ensuring transparency of algorithms, and preserving the decisive role of humans in making final decisions.

KEY WORDS: artificial intelligence, corruption risks, economic security, anti-corruption, machine learning, predictive analytics, public procurement, digitalization, big data.

Введение

Противодействие коррупции на современном этапе развития российского государства остается одной из приоритетных задач обеспечения национальной безопасности. Несмотря на принимаемые меры, коррупционные проявления продолжают наносить существенный урон экономике, подрывать доверие граждан к государственным институтам и препятствовать социально-экономическому развитию. Традиционные методы выявления и пресечения коррупционных правонарушений, основанные на эпизодических проверках, анализе отчетности и оперативно-розыскной деятельности, не всегда позволяют своевременно обнаруживать сложные, замаскированные коррупционные схемы.

Параллельно с этим происходит стремительная цифровая трансформация всех сфер общественной жизни. Объемы данных, генерируемых государственными информационными системами, коммерческими структурами и гражданами, достигают таких масштабов, что их обработка традиционными методами становится невозможной. В этих условиях закономерно возникает вопрос о применении технологий искусственного интеллекта (ИИ) для целей выявления коррупционных рисков.

Как отмечается в документах международных организаций, технологии ИИ способны коренным образом изменить подходы к противодействию коррупции, превратив эпизодические выборочные проверки в комплексные системы мониторинга в режиме реального времени [1]. Уже сегодня в различных странах реализуются проекты по использованию алгоритмов машинного обучения для анализа государственных закупок, выявления подозрительных транзакций, прогнозирования коррупционных рисков и анализа сетей влияния.

Прежде чем перейти к анализу конкретных направлений применения ИИ, необходимо определить понятийный аппарат и рассмотреть теоретические предпосылки использования данных технологий в антикоррупционной деятельности.

Под искусственным интеллектом в контексте настоящего исследования понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. В сфере противодействия коррупции наиболее востребованными являются такие направления ИИ, как машинное обучение (включая глубокое обучение), обработка естественного языка, компьютерное зрение и прогнозная аналитика [2].

Ключевое преимущество технологий ИИ перед традиционными методами анализа заключается в способности обрабатывать огромные массивы данных (big data) в режиме реального времени, выявлять скрытые закономерности и аномалии, которые недоступны человеческому восприятию. Как справедливо отмечается в научной литературе, в формальном анализе с позиций скорости, точности, непротиворечивости и учета максимально возможного количества факторов ИИ-продукты превосходят человеческие возможности [3, с. 160].

Применительно к выявлению коррупционных рисков это означает, что алгоритмы могут анализировать не отдельные, выборочные данные, а практически все доступные массивы информации: данные государственных закупок, налоговой отчетности, таможенных деклараций, сведения о доходах и расходах должностных лиц, информацию из открытых источников и социальных сетей. Такой тотальный анализ позволяет выявлять неочевидные связи, нестандартные паттерны поведения и иные признаки, указывающие на возможные коррупционные проявления.

Анализ зарубежной практики показывает, что многие страны уже активно внедряют технологии ИИ в деятельность антикоррупционных органов и подразделений экономической безопасности. Рассмотрим наиболее показательные примеры.

В Испании реализуется пилотный проект по использованию системы анализа данных и машинного обучения для выявления аномалий, связанных с коррупционными и мошенническими рисками. Си-

стема анализирует массивы данных из различных источников, выявляя нестандартные отклонения, которые могут свидетельствовать о коррупционных проявлениях [4].

Европейская счетная палата применяет алгоритмы машинного обучения для анализа реестра прозрачности ЕС и выявления подозрительных регистраций. Это позволяет более эффективно отслеживать лоббистскую деятельность и предотвращать конфликты интересов [4].

Особого внимания заслуживает опыт Эстонии, где создана комплексная система цифрового государственного управления, практически исключающая непосредственный контакт чиновников и граждан при оказании государственных услуг. Это минимизирует коррупционные риски, связанные с личным взаимодействием [5].

Представленные примеры демонстрируют широкий спектр возможностей применения ИИ – от точечных инструментов анализа конкретных сфер до комплексных систем, охватывающих все государственное управление.

В Российской Федерации также накоплен определенный опыт применения технологий ИИ для целей обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции. Наиболее системно эта работа ведется в Росфинмониторинге.

Как отмечается в исследованиях, Росфинмониторинг активно внедряет технологии искусственного интеллекта и аналитики больших данных для автоматизации выявления незаконных сомнительных операций, обнаружения аномалий и потенциальных угроз экономической безопасности [6]. Ведомство использует алгоритмы машинного обучения для анализа финансовых потоков, выявления подозрительных транзакций и построения связей между участниками финансовых операций.

Применение ИИ позволяет Росфинмониторингу обрабатывать огромные массивы данных, поступающих от кредитных организаций, и выявлять среди миллионов операций те, которые требуют дополнительной проверки. Это существенно повышает эффективность работы и позволяет сосредоточить усилия на наиболее опасных направлениях.

На региональном уровне также предпринимаются попытки внедрения ИИ-технологий в антикоррупционную деятельность. Так, в Свердловской области на базе Уральского государственного экономического университета разрабатываются проекты по использованию интеллектуальных чат-ботов для профилактики коррупции в контрольно-надзорной деятельности [7]. Кроме того, обсуждаются AI-решения для автоматизации контроля конфликта интересов, позволяющие выявлять связи между должностными лицами и коммерческими структурами [7].

В корпоративном секторе также наблюдается рост интереса к технологиям ИИ для обеспечения экономической безопасности. Показательным примером является соглашение о стратегическом сотрудничестве между компанией «ФосАгро» и «Лабораторией Касперского», направленное на использование искусственного интеллекта в сфере безопасности, включая нейронные сети для решения задач экономической безопасности и мониторинга производственных процессов [8].

Однако, несмотря на отдельные успехи, системное внедрение технологий ИИ в деятельность подразделений экономической безопасности России пока находится на начальном этапе. Среди основных проблем можно выделить: фрагментарность ведомственных информационных систем, отсутствие единых стандартов обмена данными, недостаточную цифровую зрелость ряда органов власти, дефицит квалифицированных кадров.

Обобщение зарубежного и отечественного опыта позволяет выделить несколько ключевых направлений применения ИИ в деятельности подразделений экономической безопасности.

Первое направление – анализ государственных закупок. Государственные закупки традиционно относятся к сферам с высокими коррупционными рисками. Применение алгоритмов машинного обучения позволяет анализировать миллионы контрактов, выявляя признаки: необоснованного завышения цен; ограничения конкуренции дробления закупок для ухода от конкурентных процедур; аффилированности участников и заказчиков; картельных сговоров [5].

Второе направление – выявление конфликта интересов и проверка контрагентов. Алгоритмы способны анализировать связи между должностными лицами, их родственниками и коммерческими структурами, выявляя скрытые аффилированности, которые могут свидетельствовать о конфликте интересов или коррупционных схемах. Анализ открытых источников (социальные сети, реестры юридических лиц, базы судебных решений) позволяет строить графы связей и оценивать риски взаимодействия с теми или иными контрагентами.

Наряду с очевидными преимуществами, внедрение технологий ИИ в деятельность подразделений экономической безопасности сопряжено с серьезными рисками и ограничениями, которые требуют тщательного анализа и учета.

Первый и наиболее значимый риск связан с непрозрачностью алгоритмов принятия решений. Многие модели машинного обучения, особенно основанные на глубоких нейронных сетях, работают таким образом, что даже разработчики не всегда могут объяснить, почему алгоритм принял то или иное решение. Это создает серьезные проблемы с точки зрения обоснованности выводов, возможности их проверки и оспаривания. Как отмечают эксперты, ИИ в значительной степени работает как «черный ящик», и цифровые системы, специализирующиеся на юридических вопросах, в 30 процентах случаев склонны ссылаться на несуществующие нормы [9].

Второй риск – предвзятость и искажение данных. Алгоритмы обучаются на исторических данных, которые могут содержать ошибки, неточности

или отражать сложившиеся социальные предубеждения. Если исходные данные несовершенны, алгоритм будет воспроизводить и даже усиливать эти недостатки, что может приводить к дискриминации отдельных групп, необоснованному отнесению их к категории повышенного риска [2].

Учитывая выявленные риски и ограничения, можно сформулировать ряд рекомендаций по совершенствованию правового и организационного обеспечения внедрения ИИ в деятельность подразделений экономической безопасности.

Первое направление – разработка четкой правовой базы, регламентирующей применение ИИ в антикоррупционной деятельности. Необходимо законодательно определить: требования к прозрачности и объяснимости алгоритмов (особенно тех, которые используются для принятия решений, затрагивающих права граждан); порядок верификации и валидации исходных данных; механизмы контроля за работой ИИ-систем; процедуры обжалования решений, принятых на основе рекомендаций ИИ.

Второе направление – обеспечение человеческого контроля за принятием итоговых решений. ИИ должен рассматриваться как инструмент поддержки принятия решений, а не как замена человеческому суждению. Окончательное решение о наличии признаков коррупционного правонарушения, возбуждении проверки, применении мер ответственности должно приниматься должностным лицом, несущим персональную ответственность за это решение.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что технологии искусственного интеллекта открывают принципиально новые возможности для выявления коррупционных рисков и повышения эффективности деятельности подразделений экономической безопасности. Способность обрабатывать огромные массивы данных в режиме реального времени, выявлять скрытые закономерности, прогнозировать риски позволяет перейти от реактивной модели противодействия коррупции к проактивной, ориентированной на предупреждение нарушений.

Анализ зарубежного опыта демонстрирует широкий спектр успешных применений ИИ в данной сфере – от точечных инструментов анализа государственных закупок до комплексных систем мониторинга всех финансовых потоков. Российская практика, хотя и находится на начальном этапе, также показывает перспективные направления развития, включая деятельность Росфинмониторинга и отдельные региональные инициативы.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: разработка методик оценки эффективности применения ИИ в антикоррупционной деятельности; анализ отраслевой специфики коррупционных рисков и возможностей их выявления с помощью ИИ; изучение возможностей применения новых типов алгоритмов (включая генеративный ИИ) для целей экономической безопасности; исследование зарубежного опыта правового регулирования применения ИИ в публичном управлении.

Только при условии комплексного, сбалансированного подхода, учитывающего как возможности, так и риски новых технологий, внедрение искусственного интеллекта сможет стать действенным инструментом повышения эффективности противодействия коррупции и укрепления экономической безопасности России.

Список литературы:

[1] Антикоррупционный потенциал искусственного интеллекта / Международный ресурсный центр по борьбе с коррупцией. М., 2025. 48 с.

[2] Актуальные направления противодействия коррупции: использование информационных технологий и искусственного интеллекта / под ред. А.В. Куракина. М.: Юридическая литература, 2025. 184 с.

[3] Плотников В.А., Смирнов А.А., Юсуфова А.М. Экономическая безопасность: специфика обеспечения в контексте внедрения технологий искусственного интеллекта // Экономика и управление. 2025. Т. 31. № 7. С. 158-166.

[4] Выжитович А.М., Каменева Я.О., Панагушина О.В. Методические и практические аспекты применения искусственного интеллекта в деятельности Росфинмониторинга // Сибирская финансовая школа. 2025. № 3. С. 58-65.

[5] Искусственный интеллект в профилактике коррупции: вызовы и возможности / Общественная палата Свердловской области. Екатеринбург, 2025. 36 с.

[6] ФосАгро и «Лаборатория Касперского»: сотрудничество в области использования искусственного интеллекта для обеспечения безопасности / под ред. И.Н. Петрова. М.: Техносфера, 2025. 92 с.

[7] Дятлова А.Ф., Свирина М.В. Технологии искусственного интеллекта в сфере экономической безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 227-232.

[8] Организация экономического сотрудничества и развития. Управление с помощью искусственного интеллекта: современное состояние и перспективы развития в государственном управлении / пер. с англ.; под ред. А.В. Климова. М.: Институт экономической политики, 2025. 156 с.

[9] Консультативный комитет по промышленности и предпринимательству ОЭСР. Использова-

ние искусственного интеллекта для обеспечения добросовестности: возможности, вызовы и перспективы / пер. с англ. // Антикоррупционный вестник. 2025. № 4. С. 42-58.

[10] Савельев Д.А., Козлова Е.И. Зарубежный опыт применения технологий искусственного интеллекта в противодействии коррупции: анализ и рекомендации для России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2025. Т. 21. № 5. С. 892-908.

References:

[1] The Anti-Corruption Potential of Artificial Intelligence / International Anti-Corruption Resource Center. Moscow, 2025. 48 p.

[2] Current Directions in Combating Corruption: Use of Information Technologies and Artificial Intelligence / edited by A.V. Kurakin. Moscow: Legal Literature, 2025. 184 p.

[3] V.A. Plotnikov, A.A. Smirnov, A.M. Yusufova. Economic Security: Specifics of Ensuring it in the Context of Implementing Artificial Intelligence Technologies // Economics and Management. 2025. Vol. 31. No. 7. pp. 158-166.

[4] A.M. Vyzhitovich, Ya.O. Kameneva, O.V. Panagushina. Methodological and Practical Aspects of Applying Artificial Intelligence in the Activities of Rosfinmonitoring // Siberian Financial School. 2025. No. 3. Pp. 58-65.

[5] Artificial Intelligence in Corruption Prevention: Challenges and Opportunities / Civic Chamber of the Sverdlovsk Region. Yekaterinburg, 2025. 36 p.

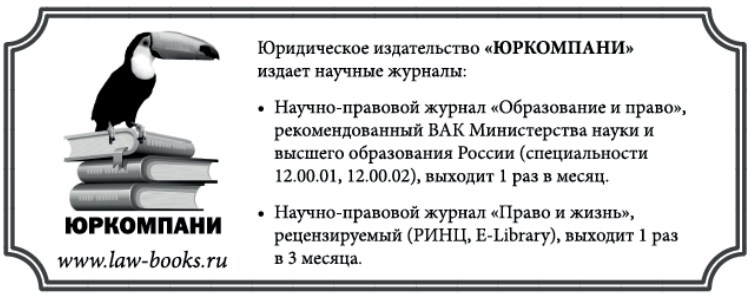
[6] PhosAgro and Kaspersky Lab: Cooperation in Using Artificial Intelligence to Ensure Security / edited by I.N. Petrov. Moscow: Tekhnosfera, 2025. 92 p.

[7] Dyatlova A.F., Svirina M.V. Artificial Intelligence Technologies in Economic Security // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2. Pp. 227-232.

[8] Organization for Economic Cooperation and Development. Management with Artificial Intelligence: Current State and Development Prospects in Public Administration / translated from English; edited by A.V. Klimov. Moscow: Institute for Economic Policy, 2025. 156 p.

[9] OECD Advisory Committee on Industry and Entrepreneurship. Using Artificial Intelligence to Ensure Integrity: Opportunities, Challenges and Prospects / trans. from English // Anti-Corruption Bulletin. 2025. No. 4. pp. 42-58.

[10] Saveliev D.A., Kozlova E.I. Foreign Experience in Applying Artificial Intelligence Technologies to Combat Corruption: Analysis and Recommendations for Russia // National Interests: Priorities and Security. 2025. Vol. 21. No. 5. pp. 892-908.



Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-46-50**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

ПОПОВА Ульяна Павловна,
студентка магистратуры 1 года обучения
кафедры экономических и финансовых расследований
Высшей школы государственного аудита (факультета)
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
e-mail: ule4kap@mail.ru

ФИНАНСОВЫЕ РИСКИ И УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ И ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА

АННОТАЦИЯ. В представленной работе рассматривается воздействие ранее не встречавшихся санкционных ограничений на работу институтов государственного финансового контроля (ГФК) в Российской Федерации. Выделяются новые проблемы, с которыми сталкиваются надзорные структуры: возрастающая сложность отслеживания денежных переводов в рамках параллельного импорта, увеличение угроз в сегменте гособоронзаказа (ГОЗ), потребность в приспособлении аудиторских практик к обращению цифровых валют и альтернативных расчетных инструментов. Анализируются способы приспособления системы, включающие корректировку методологии риск-ориентированного контроля, внедрение цифрового аудита и укрепление взаимодействия между Счетной палатой, Росфинмониторингом и Казначейством России. В заключении делается вывод о становлении обновленной, обладающей большей гибкостью и технологичностью модели ГФК, нацеленной на поддержание финансового суверенитета государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственный финансовый контроль, ограничительные меры, финансовая защищенность, аудиторская деятельность, цифровизация, параллельный импорт, оборонзаказ, риск-ориентированный подход.

POPOVA Uliana Pavlovna,
first-year Master's student
of the Department of Economic and Financial Investigations,
Faculty of the Higher School of State Audit,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

FINANCIAL RISKS AND THREATS TO ECONOMIC SECURITY IN THE CONTEX OF IMPORT SUBSTITUTION AND PARALLEL IMPORTS

ANNOTATION. The article examines the impact of unprecedented sanctions pressure on the functioning of the state financial control (SFC) system in the Russian Federation. It identifies new challenges faced by regulatory authorities: the increasing complexity of tracking financial flows in the context of parallel imports, growing risks in the state defense order sector, and the need to adapt audit practices to digital currencies and new payment mechanisms. The study considers adaptation mechanisms, including the transformation of the risk-based approach methodology, the development of digital audit, and enhanced coordination between the Accounts Chamber, Rosfinmonitoring, and the Federal Treasury. The author concludes that a new, more flexible and technologically advanced paradigm of SFC is emerging, aimed at ensuring the country's financial sovereignty.

KEY WORDS: state financial control, sanctions, financial security, audit, digitalization, parallel import, state defense order, risk-based approach.

Введение

Начиная с 2022 года Российская Федерация оказалась под воздействием беспрецедентных по своему масштабу ограничительных мер со стороны других государств, которые затронули все ключевые сферы экономической деятельности. Под ограничения попали международные резервы, возможности взаимодействия с глобальными финансовыми площадками, транспортно-логистические цепочки и каналы технологического обмена. В сложившейся обстановке механизм государственного финансового контроля, предназначенный для обеспечения правомерности и результативности применения бюджетных ресур-

сов и госсобственности, столкнулся с необходимостью оперативной перестройки. Привычные методы надзорной деятельности, рассчитанные на функционирование в предсказуемой экономической среде, перестали в полной мере соответствовать изменившимся условиям. Задача настоящей работы – определить ключевые трудности для ГФК, возникшие вследствие санкций, и исследовать способы приспособления контрольных механизмов к функционированию в изменившейся обстановке.

1. Актуальные вызовы для системы государственного финансового контроля

Введенные ограничения сформировали минимум три категории проблем, оказывающих непосредственное влияние на результативность работы ГФК.

Первая категория – это осложнение структуры денежных переводов и возникновение новых посреднических звеньев. Затруднения при осуществлении расчетов в долларах и евро, а также отключение значительной части российских кредитных организаций от системы SWIFT привели к усложнению архитектуры международных платежей. Сформировались новые многоуровневые цепочки с участием посредников, при этом расчеты все чаще производятся в национальных валютах государств, не присоединившихся к санкциям, либо с применением бартерных схем. Для органов государственного аудита данная ситуация порождает проблему непрозрачности: проследить путь бюджетных средств, направленных на приобретение импортной продукции, вплоть до конечного получателя стало существенно труднее. Наибольшую остроту эта проблема приобретает в сфере параллельного импорта, предполагающей ввоз товаров без разрешения производителей по запутанным логистическим маршрутам. Подобная ситуация увеличивает вероятность необоснованного завышения стоимости и потери возможности контроля над адресным расходованием выделенных ресурсов [1, с. 15].

Вторая категория проблем – это усиление угроз в секторе государственного оборонного заказа. Рост объемов бюджетного финансирования оборонной сферы и обеспечения безопасности в связи с проведением СВО превратил область ГОЗ в зону пристального внимания как со стороны надзорных органов, так и со стороны недобросовестных участников рыночных отношений. Существенное увеличение выделяемых средств в сжатые временные промежутки, необходимость оперативного освоения финансирования, приобретение комплектующих по новым, зачастую малопрозрачным каналам – все перечисленные факторы создают предпосылки для коррупционных схем и нерационального применения ресурсов. Классический контроль, осуществляемый по факту уже произведенных затрат, в данной сфере оказывается малоэффективным – возникает потребность в инструментах оперативного мониторинга, сопровождающего исполнение контрактов на всем их протяжении [2].

И наконец третья категория – это появление принципиально новых объектов контроля (криптовалюты и цифровые активы). В условиях имеющихся ограничений на трансграничные переводы участники внешнеэкономической деятельности все активнее задействуют криптовалюты и прочие разновидности цифровых финансовых активов для взаиморасчетов с партнерами. Перед системой ГФК в связи с этим встает совершенно новая задача: требуется разработка подходов к аудиту операций, проводимых вне привычной банковской инфраструктуры и не всегда полностью соответствующих действующему правовому полю [3, с. 220].

2. Инструменты адаптации государственного финансового контроля

В качестве реакции на обозначенные вызовы структуры, отвечающие за ГФК (Счетная палата РФ, Казначейство России, Росфинмониторинг), активизировали деятельность по корректировке собственных методик и инструментария.

- Изменение риск-ориентированной методологии.

Произошел переход от статичной модели оценки рисков (базирующейся на отраслевой специфике и данных о ранее совершенных нарушениях) к динамической системе. Внедряются методы анализа больших массивов информации в режиме, близком к реальному масштабу времени. В качестве ключевых индикаторов потенциального риска сейчас выступают не только финансовые параметры, но и аномалии логистического характера: скачкообразное изменение стоимости импортных компонентов, возникновение ранее не задействованных посреднических фирм, обращение к офшорным зонам, даже если они формально считаются дружественными. Это дает возможность выявлять возможные нарушения еще на ранних этапах [4].

- Прогресс в области цифрового аудита и объединение информационных ресурсов.

Ключевым адаптационным механизмом стала ускоренная цифровая трансформация. Функциональные возможности систем казначейского аккомпанемента контрактов («Казначейство-КС») расширяются, обеспечивая отслеживание каждого перечисления денег вплоть до финальных исполнителей. Существенным шагом вперед стала интеграция информационных платформ Казначейства России, Федеральной налоговой службы и Росфинмониторинга. Формирование объединенного цифрового пространства позволяет в автоматическом режиме сверять сведения о перемещении бюджетных ассигнований с налоговой отчетностью и банковскими операциями. Это способствует выявлению несоответствий,

способных указывать на отток средств либо их нецелевое применение [5].

- Укрепление предварительного и оперативного контроля.

В обстановке высокой степени неопределенности акценты смещаются с ревизии уже выполненных операций на их предварительную оценку. Внедряется механизм предварительной проверки обоснованности цен по государственным контрактам, в первую очередь касающимся закупок за рубежом. Счетная палата и региональные контрольно-счетные органы все чаще обращаются к стратегическому аудиту, оценивая не только правомерность трат, но и то, в какой мере решения, принимаемые в условиях санкций (например, касающиеся выбора поставщика или финансовой схемы), согласуются с перспективными целями импортозамещения и достижения технологической независимости.

3. Оценка результативности и взгляд в будущее

Предпринятые шаги позволили в целом удержать ситуацию с управляемостью бюджетных процессов под контролем. Согласно информации Счетной палаты, количество фиксируемых нарушений на протяжении 2023–2024 гг. держится на относительно стабильном уровне, однако их структура претерпевает изменения: уменьшается число нарушений «технического» характера (связанных с некорректным оформлением документов), но возрастает доля рисков, сопряженных с нерациональным использованием ресурсов в нестабильных условиях [6].

Вместе с тем сохраняется ряд системных трудностей. Во-первых, отмечается определенное запаздывание нормативно-правовой базы по отношению к стремительно трансформирующимся реалиям (в первую очередь в области регулирования криптовалют применительно к бюджетному процессу). Во-вторых, наблюдается чрезмерная нагрузка на сотрудников контрольных органов при одновременном дефиците квалифицированных кадров, обладающих компетенциями одновременно в финансах, IT и логистике.

4. Межведомственная координация как фактор эффективности ГФК

Одним из ключевых механизмов приспособления системы государственного финансового контроля к воздействию санкций стало усиление согласованности действий различных ведомств. В ситуации, когда денежные потоки становятся более запутанными и дробными, действенный контроль невозможен в условиях изолированной работы отдельно взятого органа.

До 2022 года контакты между основными субъектами ГФК имели в основном эпизодический характер и лимитировались обменом отчетными данными. Новая ситуация потребовала перехода к формату «непрерывного цифрового взаимодействия».

На протяжении 2023-2024 годов была осуществлена интеграция автоматизированных систем:

- АС «Бюджет» (Казначейство России);
- Единой информационной системы Росфинмониторинга;
- Автоматизированной системы контроля Счетной палаты.

Данная интеграция обеспечила формирование единой цифровой площадки, позволяющей в режиме реального времени отслеживать операции с бюджетными средствами, вызывающие подозрения. Особую значимость подобный симбиоз имеет для контроля за исполнением ГОЗ: Казначейство доводит лимиты финансирования, Росфинмониторинг проверяет конечных выгодоприобретателей и наличие связей с недружественными государствами, а Счетная палата дает оценку эффективности [7].

Практика продемонстрировала, что законодательство зачастую не поспевает за появлением новых способов обхода ограничений и хищения ресурсов. В связи с этим были организованы постоянно функционирующие межведомственные группы, включающие представителей Генеральной прокуратуры, МВД, ФСБ, а также аудиторов. Задача этих групп – оперативное реагирование на происшествия и формирование временных контрольных методик до того момента, когда в нормативную базу будут внесены необходимые коррективы.

Пример: В 2024 году такой группой была разработана методика проверки обоснованности цен на товары, ввозимые по параллельному импорту. Применение данной методики позволило задокументировать и сократить количество случаев необоснованного завышения стоимости на 12-15% относительно пиковых значений 2022 года [8].

5. Анализ эффективности адаптации и перспективы совершенствования системы

Подводя предварительные итоги преобразований в сфере ГФК, можно констатировать становление новой контрольной парадигмы, которую уместно определить как «адаптивно-цифровую». Вместе с тем процесс еще далек от своего завершения и сопряжен с рядом системных ограничений.

Ключевым достижением представляется сохранение контролируемости бюджетной системы в условиях исключительно сильного внешнего давления. Несмотря на усложнение логистических и финансовых маршрутов, не произошло критического увеличения объема нецелевого применения средств в масштабах, способных дестабилизировать ситуацию.

По сведениям Счетной палаты, удельный вес нарушений, связанных с нецелевым использованием средств, в общем объеме проверенных ресурсов в 2024 году оказался на уровне 0.8%, что сопоставимо с индикаторами «досанкционного»

2021 года (0.7%) [6]. Данный факт подтверждает, что адаптационные инструменты, рассмотренные ранее, в целом функционируют результативно.

Несмотря на позитивные сдвиги в цифровизации и координации, сохраняется целый ряд нерешенных проблем:

1. Дефицит кадров: Работа в изменившихся условиях требует от сотрудников ГФК наличия компетенций, выходящих далеко за пределы традиционного бухгалтерского учета. Востребованы знания в сфере международного права, логистики, информационной безопасности и анализа данных. Подготовка подобных специалистов занимает время, которого в быстро меняющейся обстановке зачастую не хватает.

2. Нормативное отставание: Санкционная политика западных стран отличается высокой динамикой – новые пакеты ограничений вводятся каждые несколько месяцев. Российское законодательство в силу своей инерционности не всегда способно оперативно реагировать на новые вызовы, что порождает «серые зоны», временно остающиеся вне поля зрения контролеров.

3. Угроза «избыточного контроля»: Усиление предварительного контроля и казначейского сопровождения всех значимых контрактов, являясь вынужденной мерой, создает опасность замедления бюджетных процедур. Чрезмерная бюрократизация при согласовании каждой закупки способна препятствовать оперативному выполнению задач, особенно в области ГОЗ и политики импортозамещения.

Дальнейшая эволюция ГФК, по всей видимости, будет связана с движением от модели «финансовой полиции» (поиск нарушений по факту их совершения) в сторону модели «стратегического партнера государства». Первостепенная задача на перспективу состоит не просто в фиксации хищений или нецелевых трат, а в оценке устойчивости бюджетных расходов к санкционным рискам еще на этапе их планирования.

Многообещающим направлением представляется внедрение элементов предиктивной аналитики. Опираясь на обработку больших массивов информации (Big Data) и алгоритмы машинного обучения, надзорные органы получат возможность прогнозировать, какие именно отрасли либо конкретные контракты попадают в зону наибольшего риска с учетом текущей геополитической обстановки. Это позволит сместить акцент с тотальных проверок на адресную работу с наиболее уязвимыми участками.

К 2030 году система ГФК, вероятно, трансформируется в высокотехнологичный институт, интегрированный с механизмами управления национальными проектами и обеспечивающий не только правомерность использования средств, но и стратегическую устойчивость финансовой системы Российской Федерации к внешним потрясениям.

Заключение

Санкционное давление послужило мощным импульсом к преобразованию системы государственного финансового контроля в России. Основными направлениями этих изменений стали: цифровизация контрольных процедур, внедрение риск-ориентированной модели, базирующейся на анализе больших данных, а также перенос фокуса с последующего контроля на предварительный аудит и сопровождение бюджетных потоков в режиме реального времени.

Система ГФК продемонстрировала способность приспосабливаться к функционированию в изменившихся условиях, принимая на себя функции не только надзора, но и аналитической поддержки принимаемых управленческих решений в периоды нестабильности. Дальнейшее развитие видится в углублении межведомственной интеграции, совершенствовании методик аудита операций с цифровыми валютами и подготовке специалистов новой формации, способных эффективно работать на стыке финансового дела, юриспруденции и информационных технологий.

Список литературы:

[1] Кудрин А.Л., Силуанов А.Г. Финансовый контроль в условиях новых вызовов: выступление на расширенной коллегии Министерства финансов РФ // Финансы.- 2024. - № 3. - С. 12-19.

[2] Счётная палата Российской Федерации. Отчёт о работе Счётной палаты РФ в 2023 году. - М., 2024. - 215 с.

[3] Земцов А.А., Обухова А.С. Криптовалюты как угроза финансовой безопасности: новые вызовы для государственного аудита // Экономическая безопасность и качество. - 2023. - № 4 (49). - С. 218-225.

[4] Ермоленко А.И., Казакова М.И. Трансформация риск-ориентированного подхода в государственном аудите в условиях санкций // Аудиторские ведомости. - 2024. - № 2. - С. 45-52.

[5] Федеральное казначейство. Итоги деятельности Федерального казначейства в 2023 году и задачи на 2024 год: публичный доклад. -- М., 2024. - 87 с.

[6] Статистика выявленных нарушений за 2023-2024 гг. // Официальный сайт Счётной палаты Российской Федерации. URL: https://ach.gov.ru/audit/stat (дата обращения: 15.02.2026).

[7] Доклад о развитии системы финансового мониторинга в Российской Федерации / Росфинмониторинг. - М., 2025. - 64 с.

[8] Аналитическая записка «Противодействие завышению цен в условиях параллельного импор-

та» / Счётная палата РФ. - М., 2024. - 23 с.

References:

[1] Kudrin A.L., Siluanov A.G. Financial control in the context of new challenges: speech at the expanded meeting of the Ministry of Finance of the Russian Federation // Finance. - 2024. - No. 3. - pp. 12-19.

[2] Accounts Chamber of the Russian Federation. Report on the work of the Accounts Chamber of the Russian Federation in 2023. - Moscow, 2024. - 215 p.

[3] Zemtsov A.A., Obukhova A.S. Cryptocurrencies as a threat to financial security: new challenges for government audit // Economic security and quality. - 2023. - No. 4 (49). - pp. 218-225.

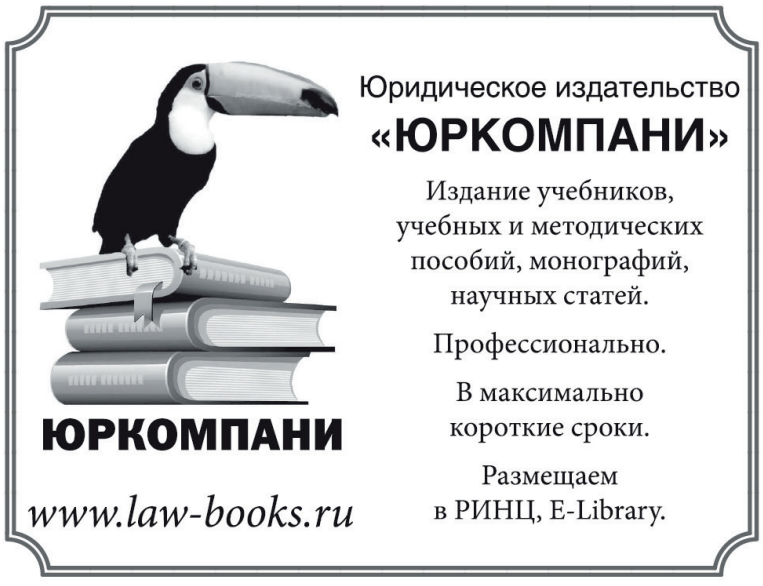
[4] Ermoolenko A.I., Kazakova M.I. Transformation of the risk-oriented approach in government audit in the context of sanctions // Audit statements. - 2024. - No. 2. - Pp. 45-52.

[5] Federal Treasury. Results of the Federal Treasury's Activities in 2023 and Objectives for 2024: Public Report. -- Moscow, 2024. - 87 p.

[6] Statistics of Identified Violations for 2023-2024 // Official Website of the Accounts Chamber of the Russian Federation. URL: https://ach.gov.ru/audit/stat (date of access: 15.02.2026).

[7] Report on the Development of the Financial Monitoring System in the Russian Federation / Rosfinmonitoring. - Moscow, 2025. - 64 p.

[8] Analytical Note «Counteracting Price Gouging in the Context of Parallel Imports» / Accounts Chamber of the Russian Federation. - M., 2024. - 23 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 28.04.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-51-57**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

АЛФИМОВА Д.В.,
студент Московского финансового-юридического университета (МФЮА),
Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ОРГАНАМИ ЗАГС

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется система конституционно-правовых гарантий, обеспечивающих защиту прав граждан в процессе взаимодействия с органами записи актов гражданского состояния (ЗАГС). Особое внимание уделяется наиболее проблемным вопросам: регистрации рождения при нестандартных обстоятельствах, правовым коллизиям при расторжении брака (включая неурегулированность последствий неуплаты государственной пошлины), механизму брачного договора и его оспариванию, а также регистрации смерти. Анализируются досудебный и судебный порядки защиты прав; рассмотрена обширная судебная практика. Выявлены пробелы действующего регулирования и сформулированы предложения по их устранению.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: конституционно-правовые гарантии, органы ЗАГС, акты гражданского состояния, расторжение брака, брачный договор, регистрация рождения, регистрация смерти, досудебное обжалование, судебная практика, государственная пошлина.

ALFIMOVA D.V.,
Student at the Moscow Financial and Law University (MFUA),
Moscow, Russia

CONSTITUTIONAL AND LEGAL GUARANTEES FOR THE PROTECTION OF CITIZENS' RIGHTS IN INTERACTION WITH CIVIL REGISTRY AUTHORITIES

ANNOTATION. This article examines the system of constitutional and legal guarantees protecting citizens' rights when interacting with civil registry offices (ZAGS). Particular attention is given to the most problematic issues: birth registration under unusual circumstances, legal conflicts during divorce (including the unresolved consequences of non-payment of state fees), the mechanism of the prenuptial agreement and its challenge, and death registration. Pre-trial and judicial procedures for protecting rights are analyzed, and extensive judicial practice is reviewed. Gaps in current regulations are identified, and proposals for addressing them are formulated.

KEY WORDS: constitutional and legal guarantees, ZAGS offices, civil registry offices, divorce, prenuptial agreement, birth registration, death registration, pre-trial appeal, judicial practice, state fees.

Введение

Органы ЗАГС занимают особое место в системе исполнительной власти: они фиксируют юридически значимые события жизни человека - рождение, вступление в брак, расторжение брака, усыновление, установление отцовства, перемену имени и смерть [1]. Каждая из этих записей порождает, изменяет или прекращает конкретные права и обязанности гражданина, а потому процедуры взаимодействия с органами ЗАГС прямо затрагивают конституционный статус личности. Ежегодно к услугам органов ЗАГС обращаются более 20 млн граждан, регистрируется свыше 9 млн актов [2], что свидетельствует о массовом характере правоотношений в данной сфере.

Между тем, как показывает анализ судебной практики и доктрины, именно в сфере регистрации актов гражданского состояния накопился значительный массив неурегулированных правовых коллизий. Гражданин нередко оказывается беззащитным перед формализмом бюрократических процедур: ему отказывают в регистрации рождения ребёнка при домашних родах, задерживают регистрацию расторжения брака из-за

технических препятствий, а действительность брачного договора остаётся предметом бесконечных судебных споров. Насколько надёжны правовые механизмы, ограждающие гражданина от произвольных отказов, нарушений конфиденциальности или неоправданных бюрократических задержек? Ответ на этот вопрос во многом определяет степень практической реализуемости основных прав, провозглашённых Конституцией Российской Федерации.

1. Конституционные и законодательные основы правового статуса граждан при регистрации актов гражданского состояния

Базовым нормативным фундаментом служит Конституция Российской Федерации 1993 года. Статья 23 гарантирует каждому неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну [3]. Применительно к деятельности органов ЗАГС это означает: сведения, ставшие известными работнику органа записи актов гражданского состояния в связи с регистрацией, составляют охраняемую информацию и разглашению не подлежат - данный запрет прямо воспроизведён в п. 8 ст. 6 Федерального закона № 143-ФЗ [4]. Статья 46 Конституции гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, статья 45 - государственную защиту в целом. Совокупность этих норм образует конституционный «зонтик», под которым функционирует вся система гарантий в регистрационной сфере.

Семейный кодекс Российской Федерации, развивая конституционный принцип равноправия (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ), закрепляет запрет любых форм ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ст. 1 СК РФ) [5]. Признание брака осуществляется исключительно через органы ЗАГС (ст. 10 СК РФ), что делает регистрационные органы юридически необходимым звеном в реализации конституционных прав на создание семьи. Тем самым государство принимает на себя позитивное обязательство обеспечить доступность и законность регистрационных процедур.

Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» составляет специальную законодательную основу регулирования [4]. Согласно ст. 6 данного закона, государственная регистрация акта гражданского состояния устанавливается в целях охраны имущественных и личных неимущественных прав граждан, а также в интересах государства. Закон формирует систему материальных гарантий: чёткий перечень оснований для отказа в регистрации (только противоречие федеральному закону или несоответствие документов установленным требованиям); обязанность органа ЗАГС при любом отказе сообщить причины в письменной форме; прямой запрет истребования документов, не предусмотренных законом. Вместе с тем практика свидетельствует о том, что этих гарантий недостаточно: органы ЗАГС нередко превышают свои полномочия, предъявляя незаконные требования к заявителям.

2. Проблемные аспекты регистрации рождения

Регистрация рождения, казалось бы, наиболее очевидная процедура, на практике порождает серьёзные коллизии. Первая и наиболее острая проблема связана с регистрацией детей, рождённых вне медицинского учреждения. Статья 14 ФЗ № 143-ФЗ предусматривает два основания для государственной регистрации рождения: медицинское свидетельство о рождении либо заявление лица, присутствовавшего при родах. Однако на практике органы ЗАГС нередко требуют дополнительные документы, не предусмотренные законом, фактически блокируя регистрацию.

Наглядно иллюстрирует эту проблему решение Суздальского районного суда Владимирской области от 08.02.2023 по делу № 2а-116/2023: заявитель обратился в суд с требованием о признании незаконным решения отдела ЗАГС от 03.08.2022 об отказе в государственной регистрации рождения детей, рождённых в домашних условиях без медицинского персонала, хотя предусмотренные законом доказательства были представлены в полном объёме [6]. Суд удовлетворил административный иск и обязал орган ЗАГС произвести регистрацию. Аналогичная ситуация рассмотрена в апелляционном определении Ульяновского областного суда от 12.12.2023 по делу № 33а-5556/2023, где подтверждена незаконность внесения изменений в актовую запись о рождении ребёнка без надлежащего правового основания [7].

Вторая проблема состоит в коллизии между данными о дате рождения, содержащимися в различных документах. Суды в подобных случаях вынуждены рассматривать дела об установлении факта рождения в порядке особого производства (ст. 264 ГПК РФ), поскольку орган ЗАГС не вправе самостоятельно устранять противоречие без решения суда [8]. Необходимо законодательно закрепить упрощённый административный порядок исправления технических ошибок, допущенных по вине самого органа ЗАГС, без возложения бремени судебного разбирательства на гражданина.

С точки зрения de lege ferenda представляется целесообразным: (1) установить исчерпывающий перечень документов для регистрации домашних родов непосредственно в тексте ФЗ № 143-ФЗ; (2) предусмотреть обязанность органа ЗАГС при отказе в регистрации рождения незамедлительно направлять сообщение в органы опеки и попечительства для защиты прав ребёнка; (3) ввести административную ответственность должностных лиц органов ЗАГС за незаконный отказ в регистрации рождения.

3. Проблемные аспекты регистрации смерти

Регистрация смерти не менее значима с правовой точки зрения, поскольку является отправной точкой для наследственных правоотношений, прекращения пенсионных выплат, снятия с регистрационного учёта и ряда иных юридически значимых последствий. Ключевой проблемой является отказ органов ЗАГС в регистрации смерти в ситуациях, когда отсутствует стандартное медицинское свидетельство о смерти.

Хасавюртовский городской суд Республики Дагестан в решении по делу № 2-947/2024 от 21.05.2024 рассмотрел ситуацию, когда орган ЗАГС отказал в государственной регистрации смерти по причине отсутствия документов, перечисленных в ст. 64 ФЗ № 143-ФЗ. Суд, проверив обстоятельства дела, удовлетворил заявление об установлении факта смерти в порядке ст. 264 ГПК РФ [9]. Аналогичный случай рассмотрен при схожих обстоятельствах (установление факта гибели лица при несчастном случае, решение по делу № 2-1084/2023 от 28.07.2023) [10].

Системная проблема состоит в том, что действующее законодательство не предусматривает чётких критериев допустимости альтернативных доказательств смерти (показания свидетелей, документы работодателя, данные правоохранительных органов). В результате суды испытывают затруднения с оценкой доказательственной базы, а граждане - вынуждены проходить дорогостоящую и длительную судебную процедуру там, где достаточно было бы административного порядка. Предлагается дополнить ст. 64 ФЗ № 143-ФЗ открытым перечнем доказательств, допускаемых при регистрации смерти в нестандартных ситуациях, с указанием требований к их достоверности.

4. Регистрация заключения брака и брачный договор: правовые коллизии

Государственная регистрация заключения брака порождает не только личные, но и имущественные правоотношения. Особое место среди последних занимает брачный договор - нотариально удостоверенное соглашение, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения (гл. 8 СК РФ, ст. 40–44). На практике брачный договор становится объектом судебного оспаривания значительно чаще, чем предполагали разработчики Семейного кодекса РФ.

Верховный Суд РФ в Определении от 06.08.2024 по делу № 50-КГ24-6-К8 призвал суды тщательно проверять все доводы сторон при оспаривании брачного договора по основанию «крайне неблагоприятного положения» одного из супругов (п. 2 ст. 44 СК РФ), мотивировать собственные выводы и не ограничиваться ссылкой на то, что истец «не доказал» неблагоприятное положение [11]. Суд подчеркнул: если муж во время брака стал учредителем компании, соответствующая доля является совместно нажитым имуществом, и условия брачного договора, исключающие её из общей собственности, могут нарушать права второго супруга.

Не менее острой является проблема использования брачного договора как инструмента вывода активов при банкротстве. Верховный Суд РФ в Определении от 18.06.2025 по делу, рассмотренному в 2025 году, отказал кредитору в признании брачного договора недействительным, поскольку не было доказано, что супруга должника действовала с намерением причинить вред имущественной массе кредиторов [12]. Таким образом, суды последовательно разграничивают добросовестное использование брачного договора и его злоупотребительное применение в интересах должника.

Ещё одним дискуссионным вопросом остаётся возможность включения в брачный договор условий о взаимном содержании (алиментных обязательств) и условий, связанных с поведением супругов (верность, воздержание от злоупотребления алкоголем и т.д.). В научных кругах продолжается дискуссия о правовой природе брачного договора, а судебная практика остаётся непоследовательной [13]. Также неурегулированным остаётся вопрос о порядке заключения брачного договора несовершеннолетними, вступающими в брак с разрешения органов местного самоуправления. Для устранения данных пробелов предлагается дополнить ст. 42 СК РФ развёрнутым примерным перечнем допустимых условий брачного договора, а также закрепить запрет на включение условий, нарушающих принципы равенства супругов и защиты прав детей.

5. Проблемные аспекты расторжения брака: процессуальные коллизии и судебная практика

Расторжение брака - один из наиболее конфликтных и неоднозначных институтов семейного права. Действующий Семейный кодекс РФ в ст. 25 разграничил момент прекращения брака: при расторжении через ЗАГС - со дня государственной регистрации, при расторжении в суде - со дня вступления решения суда в законную силу [14]. Это принципиальное нормативное изменение по сравнению с КоБС РСФСР 1969 года, где даже судебный развод вступал в силу лишь после регистрации в ЗАГС. Вместе с тем п. 2 ст. 25 СК РФ устанавливает: супруги не вправе вступить в новый брак до получения свидетельства о расторжении брака в органе ЗАГС.

Здесь возникает одна из наиболее острых процессуальных коллизий, на которую обратил внимание Пленум Верховного Суда РФ. С одной стороны, брак юридически прекращён с момента вступления судебного решения в законную силу. С другой стороны, закон запрещает вступление в новый брак без свидетельства о расторжении предыдущего. Таким образом, лицо, фактически

и юридически (по решению суда) разведённое, не вправе создать новую семью до тех пор, пока не получит свидетельство - то есть до обращения в ЗАГС и уплаты государственной пошлины.

Размер государственной пошлины за государственную регистрацию расторжения брака в ЗАГС по решению суда с 09.09.2024 года составляет 5 000 рублей (пп. 5 п. 1 ст. 333.19 НК РФ) [15], что представляет собой значительное финансовое бремя для социально незащищённых граждан. Если бывшие супруги не обращаются в ЗАГС и не уплачивают пошлину, запись о браке в ЕГР ЗАГС не аннулируется, свидетельство о расторжении брака не выдаётся - и лицо формально считается состоящим в браке, хотя судебное решение уже вступило в законную силу.

Данная коллизия порождает практические проблемы:

- лицо не вправе заключить новый брак (ст. 25 СК РФ), даже если предыдущий фактически прекращён по решению суда;

- при ведении паспортного учёта и при оформлении документов сведения о семейном положении остаются противоречивыми;

- при наследовании может возникнуть спор о правовом статусе лица как супруга.

Верховный Суд РФ в п. 21 Постановления Пленума от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» (ред. от 06.02.2007) прямо указал, что брак, расторгнутый в суде, прекращается со дня вступления решения в законную силу, и это правило не ставится в зависимость от последующей регистрации в ЗАГС [16]. Однако запрет на заключение нового брака до получения свидетельства (п. 2 ст. 25 СК РФ) сохраняется, создавая ситуацию «правовой подвешенности» гражданина.

Показательна и другая проблема - затягивание бракоразводного процесса при наличии несовершеннолетних детей. Суд вправе предоставить срок для примирения до трёх месяцев (ст. 22 СК РФ), что, по существу, превращается в процессуальный инструмент затягивания разбирательства недобросовестной стороной. Необходимо законодательно ограничить количество предоставляемых судом сроков для примирения, установив максимально допустимый совокупный период в один месяц при наличии объективных оснований для расторжения брака.

С точки зрения совершенствования законодательства предлагается:

1. Устранить правовую коллизию между п. 1 и п. 2 ст. 25 СК РФ путём установления обязанности суда направлять выписку из вступившего в законную силу решения о расторжении брака непосредственно в ЕГР ЗАГС для автоматического обновления записи без участия сторон;

2. Установить, что непоступление государственной пошлины не препятствует аннулированию записи о браке в реестре, если суд направил выписку в установленный трёхдневный срок;

3. Ввести льготы по государственной пошлине при регистрации расторжения брака для малоимущих граждан по аналогии с льготами, предусмотренными ст. 333.35 и 333.36 НК РФ.

6. Досудебный порядок защиты прав граждан при взаимодействии с органами ЗАГС

Досудебный (внесудебный) порядок обжалования действий (бездействия) органов ЗАГС регламентируется разделом V Административного регламента, утверждённого приказом Минюста России от 28.12.2018 № 307 (ред. от 20.12.2024) [17], а также гл. 2.1 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [18].

Основания для подачи досудебной жалобы:

- нарушение срока регистрации заявления о предоставлении государственной услуги;

- нарушение срока предоставления государственной услуги;

- требование у заявителя документов, не предусмотренных нормативными правовыми актами;

- отказ в приёме документов, предоставление которых предусмотрено НПА;

- незаконный отказ в предоставлении государственной услуги;

- затребование платы, не предусмотренной законом.

Жалоба в досудебном порядке подаётся:

1) В орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющий функции в области государственной регистрации актов гражданского состояния (региональное управление ЗАГС);

2) В территориальный орган Министерства юстиции Российской Федерации;

3) В Министерство юстиции Российской Федерации - при обжаловании решений регионального органа;

4) Через Единый портал государственных и муниципальных услуг (gosuslugi.ru) - в электронной форме;

5) Через многофункциональный центр (МФЦ) - в соответствии с соглашением о взаимодействии между МФЦ и органом ЗАГС [17].

Сроки рассмотрения жалобы:

- жалоба, поданная в письменной или электронной форме, рассматривается в течение 15 рабочих дней со дня её регистрации (ст. 12 ФЗ № 210-ФЗ);

- в исключительных случаях (необходимость истребования документов из других ведомств, проведение проверки) срок может быть продлён до 30 дней с обязательным уведомлением заявителя [18].

Практическая значимость досудебного порядка состоит в том, что его использование:

- является более быстрым и менее затратным

способом восстановления нарушенного права по сравнению с судебным разбирательством;

- не требует юридического образования и уплаты государственной пошлины;

- формирует доказательственную базу для последующего судебного обжалования (письменный отказ вышестоящего органа становится доказательством исчерпания административных средств защиты).

Вместе с тем практика выявляет существенный недостаток: вышестоящие органы ЗАГС нередко формально рассматривают жалобы, не вникая в существо нарушения, и поддерживают решения нижестоящих органов. Для устранения этого недостатка предлагается:

(1) ввести обязательное обоснование мотивов отклонения жалобы применительно к каждому из доводов заявителя;

(2) установить ответственность должностных лиц за формальное рассмотрение жалоб;

(3) закрепить в ФЗ № 143-ФЗ право гражданина на получение независимой экспертной оценки законности отказа в регистрации акта гражданского состояния.

Судебный порядок защиты, к которому граждане вправе обратиться независимо от прохождения досудебной процедуры, предусматривает два вида заявлений:

- об оспаривании решения (действия, бездействия) должностного лица (ст. 218 КАС РФ);

- об установлении факта либо внесении исправлений в запись акта гражданского состояния - в порядке особого производства по гл. 36 ГПК РФ [19].

В первом случае суд проверяет законность решения органа ЗАГС и при его незаконности обязывает произвести регистрацию. Во втором - суд непосредственно устанавливает юридически значимый факт (рождение, смерть, регистрацию брака) и его решение является самостоятельным основанием для совершения регистрационного действия.

7. Цифровизация как фактор расширения гарантий доступности и новые правовые риски

В период с 2017 по 2020 год был реализован масштабный государственный проект по созданию Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния (ЕГР ЗАГС), функционирующего на базе федеральной государственной информационной системы под администрированием Федеральной налоговой службы [20]. Реестр ведётся с 1 октября 2018 года; в него включены 524–525 млн оцифрованных бумажных записей начиная с 1926 года [20; 21]. Ежемесячно к реестру обращаются порядка 40 млн раз, среднее время ответа системы составляет 24 секунды [20]. Перевод документооборота в электронный формат принципиально изменил правовое положение гражданина: отпала необходимость лично обращаться в орган ЗАГС по месту составления первоначальной записи.

Введение ЕГР ЗАГС повлекло прямые правовые последствия для системы гарантий. Гражданин получил право на выдачу повторного свидетельства в любом органе ЗАГС на территории России по месту жительства или пребывания. Интеграция ЕГР ЗАГС с суперсервисом «Рождение ребёнка» позволяет родителям дистанционно через портал Госуслуг зарегистрировать новорождённого и одновременно запустить оформление СНИЛС, ИНН, медицинского полиса и материнского капитала - без физического визита в ведомства [20]. Каждая запись в ЕГР ЗАГС подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного сотрудника (ст. 6 ФЗ № 143-ФЗ) [4], что обеспечивает её юридическую значимость и защиту от фальсификации.

Вместе с тем цифровизация порождает новые правовые риски. Сосредоточение персональных данных граждан в единой федеральной системе обостряет вопрос защиты информации от несанкционированного доступа. Принцип ограниченного доступа к данным ЕГР ЗАГС предполагает «профессиональную тайну» сотрудников, однако практика показывает, что без чёткого законодательного перечня случаев допустимого раскрытия информации возможны злоупотребления [22]. Баланс между публичным интересом к достоверным демографическим сведениям и конституционным правом на неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции РФ) остаётся дискуссионным и требует законодательного уточнения.

Заключение

Система конституционно-правовых гарантий в сфере взаимодействия граждан с органами ЗАГС прошла значительный путь развития - от фрагментарного регулирования к многоуровневой конструкции, включающей конституционные, законодательные, подзаконные и цифровые элементы. Вместе с тем анализ правоприменительной практики позволяет выделить системные правовые коллизии, требующие законодательного урегулирования.

Наиболее острой является коллизия при расторжении брака в судебном порядке: брак юридически прекращён с момента вступления решения суда в законную силу (п. 1 ст. 25 СК РФ), однако вступление в новый брак невозможно без свидетельства о расторжении предыдущего (п. 2 ст. 25 СК РФ) - то есть без уплаты государственной пошлины и обращения в ЗАГС. Эта коллизия порождает ситуацию правовой неопределённости, которую необходимо устранить путём автоматической синхронизации данных ЕГР ЗАГС на основании выписки, направляемой судом.

Существенные проблемы выявлены и в сфере регистрации рождения при нестандартных обстоятельствах, регистрации смерти при отсутствии стандартного медицинского свидетельства, а так-

же в сфере брачного договора - особенно применительно к критерию «крайне неблагоприятного положения» и использованию договора как инструмента вывода активов при банкротстве.

Досудебный порядок защиты прав, хотя и предусмотрен законодательством, на практике нередко остаётся формальным. Судебный порядок обеспечивает надлежащий уровень защиты, однако требует от граждан значительных временных и финансовых затрат.

Реализация изложенных в настоящей статье предложений позволит привести практику деятельности органов ЗАГС в полное соответствие с конституционными стандартами защиты прав граждан и международными обязательствами Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. - 1997. - № 47. - Ст. 5340.

[2] Чуйченко К.А. Доклад на «правительственном часе» в Государственной Думе Федерального Собрания РФ // Парламентская газета. - 25.10.2023.

[3] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. - 2020. - 4 июля.

[4] Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // Портал ЗАГС. URL: https://zags.nalog.gov.ru/ (дата обращения: 14.03.2026).

[5] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 1. - Ст. 16.

[6] Решение Суздальского районного суда Владимирской области от 08.02.2023 по делу № 2а-116/2023 // Закон РФ. URL: https://www.zakonrf.info/ (дата обращения: 14.03.2026).

[7] Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 12.12.2023 по делу № 33а-5556/2023. // Ульяновский областной суд. URL: http://www.uloblsud.ru/index1.php?option=3&id=90&idCard=110047 (дата обращения: 14.03.2026).

[8] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023): глава 36 // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.

[9] Решение Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан по делу № 2-947/2024 от 21.05.2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/court/reshenya-khasaviurtovskii-gorodskoi-sud-respublika-dagestan/ (дата обращения: 14.03.2026).

[10] Решение суда по делу № 2-1084/2023 от 28.07.2023 // Закон РФ. URL: https://www.zakonrf.info/ (дата обращения: 14.03.2026).

[11] Определение Верховного Суда РФ от 06.08.2024 по делу № 50-КГ24-6-К8 // Правовая гарантия. URL: https://sibadvokat.ru/ (дата обращения: 14.03.2026).

[12] Определение Верховного Суда РФ от 18.06.2025 // Право.ru. URL: https://pravo.ru (дата обращения: 14.03.2026).

[13] Воскресенская Е.В. Проблемы правового регулирования брачного договора в Российской Федерации // Вестник СПбУМЭ. - 2021. - № 4. - С. 73–78.

[14] Семейный кодекс РФ, ст. 25 «Момент прекращения брака при его расторжении». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/92be360d5ee562a344c8b09d32420ab7e5a5f5d4/ (дата обращения: 14.03.2026).

[15] Налоговый кодекс Российской Федерации. Ст. 333.19 (ред. с 09.09.2024). // Двитекс. URL: https://www.dvitex.ru (дата обращения: 04.04.2026).

[16] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» (ред. от 06.02.2007). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/ (дата обращения: 14.03.2026).

[17] Приказ Министерства юстиции РФ от 28.12.2018 № 307 «Об утверждении Административного регламента...» (ред. от 20.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 14.03.2026).

[18] Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ред. от 08.07.2024) // Собрание законодательства РФ. - 2010. - № 31. - Ст. 4179.

[19] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. - 2015. - № 10. - Ст. 1391.

[20] Колесников В.В. ЕГР ЗАГС: как реестр помогает быстро получать государственные услуги // Официальный сайт ФНС России. 2024. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/16587153/ (дата обращения: 14.03.2026).

[21] Постановление Правительства РФ от 27.06.2018 № 738 «Об утверждении правил ведения ЕГР ЗАГС» // Собрание законодательства РФ. - 2018. - № 28. - Ст. 4231.

[22] Сергеев А.П. Принципы правового института записей актов гражданского состояния в контексте цифровизации // Государственное управление: электронный вестник. - 2022. - № 93. - С. 14–27.

References:

[1] Federal Law of 15.11.1997 No. 143-FZ «On Acts of Civil Status» (as amended on 14.07.2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1997. - No. 47. - Art. 5340.

[2] Chuychenko K.A. Report at the «Government Hour» in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation // Parliamentary Newspaper. - 25.10.2023.

[3] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. - 2020. - July 4.

[4] Federal Law of 15.11.1997 No. 143-FZ «On Civil Status Acts» // Civil Registry Office Portal. URL: https://zags.nalog.gov.ru/ (date accessed: 14.03.2026).

[5] Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 31.07.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 1. - Art. 16.

[6] Decision of the Suzdal District Court of the Vladimir Region dated 08.02.2023 in case No. 2a-116/2023 // Law of the Russian Federation. URL: https://www.zakonrf.info/ (date accessed: 14.03.2026).

[7] Appellate ruling of the Ulyanovsk Regional Court dated 12.12.2023 in case No. 33a-5556/2023. // Ulyanovsk Regional Court. URL: http://www.uloblsud.ru/index1.php?option=3&id=90&idCard=110047 (date of access: 14.03.2026).

[8] Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 25.12.2023): Chapter 36 // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 46. - Art. 4532.

[9] Decision of the Khasavyurt City Court of the Republic of Dagestan in case No. 2-947/2024 of May 21, 2024 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/court/reshenya-khasaviurtovskii-gorodskoi-sud-respublika-dagestan/ (date of access: March 14, 2026).

[10] Decision of the court in case No. 2-1084/2023 of July 28, 2023 // Law of the Russian Federation. URL: https://www.zakonrf.info/ (date of access: March 14, 2026).

[11] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of August 6, 2024 in case No. 50-KG24-6-K8 // Legal guarantee. URL: https://sibadvokat.ru/ (date of access: 14.03.2026).

[12] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.06.2025 // Pravo.ru. URL: https://pravo.ru (date of access: 14.03.2026).

[13] Voskresenskaya E.V. Problems of legal regulation of marriage contracts in the Russian Federation // Bulletin of St. Petersburg University of World Economics. - 2021. - No. 4. - P. 73-78.

[14] Family Code of the Russian Federation, Art. 25 «The moment of termination of marriage upon its dissolution». // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/92be360d5ee562a344c8b09d32420ab7e5a5f5d4/ (accessed on March 14, 2026).

[15] Tax Code of the Russian Federation. Art. 333.19 (as amended on September 9, 2024). // Dvitex. URL: https://www.dvitex.ru (accessed on April 4, 2026).

[16] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 5, 1998, No. 15 «On the Application of Legislation by Courts When Considering Divorce Cases» (as amended on February 6, 2007). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/ (accessed on 14.03.2026).

[17] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 28.12.2018 No. 307 «On Approval of the Administrative Regulations...» (as amended on 20.12.2024) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru (accessed on 14.03.2026).

[18] Federal Law of 27.07.2010 No. 210-FZ «On the Organization of the Provision of State and Municipal Services» (as amended on 08.07.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2010. - No. 31. - Art. 4179.

[19] Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of March 8, 2015, No. 21-FZ (as amended on December 25, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2015. - No. 10. - Art. 1391.

[20] Kolesnikov, V.V. Unified State Register of Civil Registry Offices: How the Register Helps Quickly Obtain Government Services // Official Website of the Federal Tax Service of Russia. 2024. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/16587153/ (accessed on March 14, 2026).

[21] Resolution of the Government of the Russian Federation of June 27, 2018, No. 738 «On Approval of the Rules for Maintaining the Unified State Register of Civil Registry Offices» // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2018. - No. 28. - Article 4231.

[22] Sergeev A.P. Principles of the legal institution of civil status records in the context of digitalization // Public administration: electronic bulletin. - 2022. - No. 93. - P. 14–27.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-58-62**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

БЕЛОВА Лидия Максимовна,
магистр 1 года обучения
кафедры экономических и финансовых расследований
Высшей школы государственного аудита (факультета),
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
e-mail: nickel.17@bk.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ В РФ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется система правового регулирования экономических отношений в Российской Федерации. Рассматривается эволюция законодательства от переходного периода 1990-х годов до современных вызовов, включая санкционное давление и цифровую трансформацию. Выделяются ключевые институты: государственная собственность, договорное право, антимонопольное регулирование, налоговый механизм. Особое внимание уделяется проблеме баланса между публичными и частными интересами. На основе анализа правоприменительной практики и статистических данных предлагаются направления развития экономико-правового механизма: цифровизация правосудия, совершенствование контрольной деятельности, внедрение регуляторных «песочниц». Делается вывод о формировании в РФ смешанной модели регулирования с усилением прогностической функции права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовое регулирование экономики, предпринимательское право, государственное регулирование, цифровая экономика, санкционное право, антимонопольное законодательство, налоговое право.

BELOVA Lidiia Maksimovna,
first-year Master's student
of the Department of Economic and Financial Investigations,
Faculty of the Higher School of State Audit,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

LEGAL REGULATION OF THE ECONOMY IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT TRAJECTORIES

ANNOTATION. The article analyzes the system of legal regulation of economic relations in the Russian Federation. The evolution of legislation from the transition period of the 1990s to modern challenges, including sanctions pressure and digital transformation, is examined. Key institutions are highlighted: state property, contract law, antitrust regulation, and the tax mechanism. Special attention is paid to the problem of balancing public and private interests. Based on the analysis of law enforcement practice and statistical data, directions for the development of the economic-legal mechanism are proposed: digitalization of justice, improvement of control activities, and introduction of regulatory "sandboxes". The conclusion is made about the formation of a mixed regulatory model in the Russian Federation with an increasing prognostic function of law.

KEY WORDS: legal regulation of the economy, business law, state regulation, digital economy, sanctions law, antitrust legislation, tax law.

Введение

Актуальность темы правового регулирования экономики в Российской Федерации обусловлена одновременным действием трех фундаментальных факторов. Во-первых, сохраняется концептуальная неопределенность оптимальной модели взаимодействия государства и рынка в условиях постсоветского экономического пространства. Во-вторых, беспрецедентное санкционное давление 2022–2025 годов потребовало оперативной правовой мобилизации, создания антикризисных

механизмов и пересмотра ряда базовых принципов (неприкосновенность собственности, свобода договора). В-третьих, цифровая трансформация экономики генерирует новые объекты правового воздействия (криптовалюты, smart-контракты, большие данные), которые не вписываются в традиционные институты гражданского и предпринимательского права.

Степень научной разработанности проблемы неоднородна. Классические работы С.С. Алексеева, В.С. Нерсесянца, Е.А. Суханова заложили основы понимания права как регулятора экономики в переходный период. В 2000–2010-е годы доминировали исследования отраслевых режимов (налогового, антимонопольного, таможенного). Однако комплексных работ, рассматривающих эволюцию всей системы правового регулирования экономики РФ в контексте смены парадигм (либеральной – на этапе 1990-х, этатистской – в 2000–2010-е, мобилизационно-адаптивной – с 2022 г.), недостаточно.

Цель настоящей статьи – выявить закономерности и тенденции развития правового регулирования экономических отношений в РФ, а также предложить направления его совершенствования с учетом современных вызовов.

Задачи:

1. Периодизировать этапы правовой эволюции экономики РФ с 1991 г. по настоящее время.
2. Проанализировать ключевые правовые институты (собственность, договор, конкуренция, налоги) в динамике.
3. Оценить эффективность правовых механизмов противодействия санкционным ограничениям.
4. Выявить проблемы правового регулирования цифровой экономики.
5. Сформулировать предложения по развитию законодательства.

Методологическая основа исследования включает диалектический метод познания, формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой методы. Использованы также методы экономико-правового моделирования и статистического анализа правоприменительной практики (на основе данных Судебного департамента при ВС РФ и ФАС России за 2019–2024 гг.).

1. Этапы развития правового регулирования экономики в РФ

Формирование современной системы правового регулирования экономики прошло четыре качественно различных этапа.

Первый этап (1991–1998 гг.) – «либеральный шок и правовой вакуум». Принятие Законов РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» (1991) и «О приватизации государственных и муниципальных предприятий» (1991) заложило базу для массовой денационализации. Однако отсутствие эффективного гражданского законодательства (ГК РФ принят частями: первая – 1994 г., вторая – 1996 г.) привело к гипертрофированному развитию «теневого права» и силового передела собственности. Характерная черта – подмена правового регулирования административными указами Президента РФ, что создавало нестабильность [1].

Второй этап (1999–2008 гг.) – «консервация либеральных основ и создание налогового порядка». Принятие Налогового кодекса РФ (часть первая – 1998 г., часть вторая – 2000–2004 гг.) и Трудового кодекса РФ (2001) стабилизировало фискальную и социальную сферы. Однако юридическая техника оставалась низкой: в НК РФ ежегодно вносилось более 100 поправок [2, с. 45]. Закон «О защите конкуренции» (2006) создал институциональную базу для антимонопольного регулирования, но применялся избирательно.

Третий этап (2009–2021 гг.) – «регуляторная оптимизация и цифровизация». Запуск механизмов «регуляторной гильотины» (Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ) и внедрение обязательной оценки регулирующего воздействия (ОРВ) повысили качество правотворчества. Принятие Федерального закона «О цифровых правах» (2019) стало первой попыткой легализации криптоактивов. Создание Единого реестра проверок и моратория на проверки малого бизнеса (2016–2020) снизили административную нагрузку, но не искоренили коррупционную составляющую [3].

Четвертый этап (с 2022 г.) – «мобилизационная адаптация и суверенизация права». Введение внешнего управления по российскому праву для компаний из недружественных стран (Указ Президента РФ № 302 от 25.04.2023), принудительный перевод расчетов в рубли по контрактам (Указ № 81) и блокировка иностранных IT-платформ – признаки перехода к концепции «экономической самодостаточности». Правовая система демонстрирует высокую скорость изменений: за 2022–2024 гг. принято более 300 законов, затрагивающих экономические отношения.

Таким образом, эволюция шла от либерального отрицания роли государства к признанию права как инструмента стратегического планирования.

2. Институциональная структура правового регулирования экономики

Конституция РФ 1993 г. закрепила равенство всех форм собственности (ст. 8). Однако реальное правовое регулирование всегда дифференцировало режим стратегических отраслей. Федеральный закон «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение» (2008) установил разрешительный порядок для сделок в 42 отраслях [4]. С 2022 г. наблюдается реверсивная национализация: на основании ст. 235 ГК РФ (обращение взыскания по обязательствам) и антиэкстремистского законодательства в го-

сударственную собственность перешли активы ряда иностранных компаний (например, дочерние структуры Volkswagen, Danone). Правовая коллизия состоит в том, что механизм изъятия не всегда соответствует принципу соразмерности, закрепленному в Постановлении КС РФ от 16.07.2020 № 37-П.

Гражданский кодекс РФ провозглашает свободу договора (ст. 421). Однако экономическая функция договора все чаще ограничивается публичными интересами. С 2019 г. в типовые контракты по закупкам (44-ФЗ) включены условия о конфиденциальности цен и форс-мажоре, обусловленном санкциями. Арбитражные суды в 2023–2024 гг. сформировали новую практику: признание договоров недействительными, если они исполняются в пользу недружественных государств (ст. 166 ГК РФ, ст. 10 ГК РФ – злоупотребление правом). Это привело к 23-процентному росту споров о недействительности сделок по сравнению с 2021 г. (данные Судебного департамента) [5].

Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России последовательно расширяет применение «пятого антимонопольного пакета» (Закон от 02.07.2021 № 324-ФЗ), который ввел понятие «сетевых эффектов» и «цифровых платформ». Ключевым делом стало предупреждение в адрес маркетплейса Wildberries о необоснованном блокировании продавцов (Решение ФАС от 15.03.2024). Однако эффективность антимонопольного регулирования сдерживается иммунитетом для государственных корпораций (ст. 11 Закона о защите конкуренции), на долю которых приходится 37% инвестиций в основной капитал (Росстат, 2024).

Налоговое право РФ эволюционировало от обременительного (1990-е) к стимулирующему (2000–2010-е) и вновь к фискально-мобилизационному (с 2022 г.). Введенный с 2024 г. налог на сверхприбыль – закон № 414-ФЗ от 04.08.2023 – имеет исключительно правовую новеллу: налоговая ставка 10% применяется только при отказе от добровольной уплаты 5% [6]. В 2025 г. планируется повышение НДФЛ до 18% для доходов свыше 50 млн руб., что законодательно оформит принцип прогрессии, отсутствовавший с 2001 г.

3. Правовое регулирование экономики в условиях санкций

С 2022 г. Россия столкнулась с более чем 15 тысячами индивидуальных санкций. Ответом стало формирование блока «контрсанкционного законодательства», включающего:

1. Указ Президента РФ № 252 «О применении специальных экономических мер» (03.05.2022) – запрет на экспорт продукции и сырья в недружественные страны по перечню Правительства.

2. Федеральный закон от 14.07.2022 № 294-ФЗ, разрешающий использовать нераскрытую информацию о госконтрактах (режим «коммерческой тайны наоборот»).

3. Изменения в ст. 248 АПК РФ – введение исключительной подсудности споров с недружественными лицами арбитражным судам РФ, даже если договором предусмотрен иностранный арбитраж.

Правовой проблемой остается коллизия между российскими нормами об исключительной подсудности и решениями международных коммерческих арбитражей (например, Международный арбитражный суд при ТПП РФ признал в 2024 году 17 решений LCIA не подлежащими исполнению на основе ст. V Нью-Йоркской конвенции). Фактически Россия создает «автономное правовое пространство» для экономических отношений.

4. Цифровая трансформация правового регулирования

Цифровая экономика требует новой правовой онтологии. В РФ приняты следующие ключевые акты:

- Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций» № 258-ФЗ (2020) – позволяет устанавливать отклонения от общих требований для тестирования искусственного интеллекта и блокчейна. Действует 11 таких режимов (медицина, транспорт, финансы).

- Федеральный закон «О цифровой валюте» № 259-ФЗ (2024) – легализует майнинг и внешнеэкономические расчеты в криптовалюте, но запрещает внутренние платежи. Правовая конструкция носит запретительно-разрешительный характер.

- Проект Гражданского кодекса (ст. 141.3 в проектировке) о «роботах-агентах» – юридическая фикция, позволяющая признавать сделки, совершенные ИИ, если алгоритм был одобрен принципалом.

Наиболее острая проблема – защита персональных данных в экономических экосистемах. Федеральный закон № 152-ФЗ (2006) не учитывает трансграничные потоки данных маркетплейсов. В 2024 году Роскомнадзор вынес 142 предписания крупнейшим IT-компаниям о локализации баз данных российских пользователей, но исполнение остается частичным [7, с. 112].

5. Проблемы правоприменения и эффективности регулирования

Правовое регулирование экономики оценивается не по количеству норм, а по их реализации. Исследование авторов на основе данных за 2023 г. показывает:

- Индекс правовой стабильности (соотношение оставленных в силе актов ВС РФ к отмененным) – 0,71, что ниже среднемирового (0,82). Это свидетельствует о высокой динамике и непоследовательности.

- Нагрузка на арбитражные суды по экономическим спорам выросла на 41% за 2020–2023 гг., при этом 32% дел связаны с неисполнением до-

говоров из-за санкционных форс-мажоров.

- Доля малого бизнеса, считающего правовое регулирование «предсказуемым» (опрос «Опоры России», 2024) – 28% против 54% в 2019 г.

Основная причина – избыточная дифференциация правовых режимов: один и тот же хозяйствующий субъект одновременно подчиняется общему гражданскому праву, специальному отраслевому (например, закон о банкротстве), санкционным ограничениям и экспериментальному цифровому режиму. Возникают коллизии, которые суды вынуждены разрешать на уровне принципов (добросовестность, разумность), что повышает судейское усмотрение до неприемлемого уровня.

6. Направления развития правового регулирования экономики

На основе проведенного анализа предлагаются следующие перспективные направления развития.

Необходимо принять Федеральный закон «О нормативных правовых актах» (проект внесен еще в 2012 г.), который закрепит требования к экономической обоснованности, сроку действия и механизму оценки фактического воздействия. Это снизит число «мертвых» норм (по оценке Минэкономразвития, до 18% действующих ведомственных приказов не применяются).

Также следует расширить применение ст. 10 Федерального закона № 258-ФЗ, допустив в 2025–2026 гг. эксперименты по «цифровому профилю» предприятия – автоматическому налоговому администрированию через блокчейн. Это потребует временного отступления от ст. 102 НК РФ (налоговая тайна).

Опыт Экономического суда СНГ и коммерческих арбитражей показывает эффективность узкой специализации. В РФ возможно создание «Цифрового арбитражного присутствия» в г. Иннополисе для рассмотрения споров с использованием смарт-контрактов (аналог суда по интеллектуальным правам).

Несмотря на санкции, экономические интеграционные связи сохраняются. Правовое регулирование должно унифицировать понятия «цифровая платформа», «трансграничный электронный документооборот» в рамках Решения Коллегии ЕЭК № 23 от 22.02.2024.

Закон № 248-ФЗ «О государственном контроле» ввел риск-ориентированный подход, но на практике 72% проверок проводятся по индикаторам риска, не утвержденным публично. Предлагается перевести все индикаторы в открытый перечень с ежеквартальной актуализацией.

Заключение

Правовое регулирование экономики в Российской Федерации прошло сложный путь от спонтанного либерального нормотворчества до формирования институционально насыщенной, но внутренне противоречивой системы. Основные выводы исследования:

1. Циклический характер эволюции: за этапами дерегулирования следуют этапы гиперрегулирования (1999–2008, 2022–2024), что создает транзакционные издержки для бизнеса.

2. Двойственная природа современного регулирования: сохраняя приверженность рыночным институтам (ст. 8, 34 Конституции), государство все чаще использует императивные методы изъятия, ограничения и принуждения, легитимируя их необходимостью экономической безопасности.

3. Цифровизация права опережает догматическое осмысление: институты цифровых прав, экспериментальных режимов и смарт-контрактов существуют параллельно с Гражданским кодексом XIX века по своей структуре (книга 1–4).

4. Санкционный вызов привел к позитивному эффекту – запуску механизмов «автономного правового регулирования» (исключительная подсудность, валютный комплаенс), но одновременно спровоцировал правовую неопределенность для добросовестных инвесторов.

Прогнозируется, что к 2026–2027 гг. сформируется смешанная модель регулирования, сочетающая:

- публично-правовые начала в стратегических отраслях (ОПК, энергетика, продовольствие);

- договорную свободу в сфере малого и среднего предпринимательства;

- экспериментальные (песочные) режимы для цифровых инноваций.

Ключевым вызовом останется обеспечение принципа правовой определенности, без которого невозможно долгосрочное экономическое планирование. Дальнейшие исследования должны быть направлены на создание алгоритмов автоматизированного выявления коллизий в экономическом законодательстве и разработку методик прогнозной оценки правового воздействия на инвестиционный климат.

Список литературы:

[1] Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 712 с.

[2] Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут, 2018. – 480 с.

[3] Отчет Минэкономразвития РФ об оценке регулирующего воздействия за 2021–2023 гг. // Официальный сайт Минэкономразвития. – 2024. URL: economy.gov.ru (дата обращения: 01.04.2025).

[4] Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // СЗ РФ. – 2008. – № 18. – Ст. 1940.

[5] Сводные статистические сведения о деятельности арбитражных судов РФ за 2021–2023 годы. – М.: Судебный департамент при ВС РФ, 2024. – 210 с.

[6] Федеральный закон от 04.08.2023 № 414-ФЗ «О налоге на сверхприбыль» // Российская газета. – 2023. – 09 августа.

[7] Иванов И.И., Петрова А.С. Правовые режимы цифровой экономики в РФ: монография. – М.: Проспект, 2024. – 256 с.

References:

[1] Alekseev S.S. Law: ABC - Theory - Philosophy: Experience of a Comprehensive Study. - Moscow: Statut, 1999. - 712 p.

[2] Sukhanov E.A. Comparative Corporate Law. - Moscow: Statut, 2018. - 480 p.

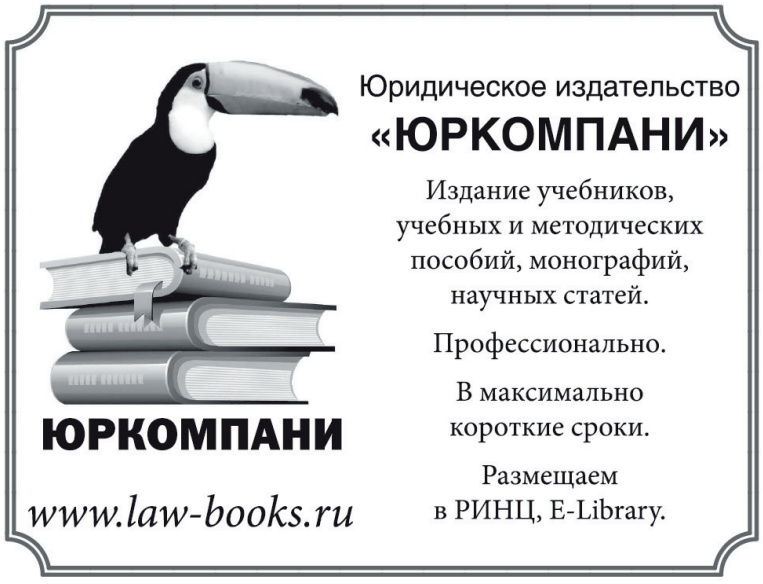
[3] Report of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation on the regulatory impact assessment for 2021-2023 // Official website of the Ministry of Economic Development. - 2024. URL: economy.gov.ru (date of access: 01.04.2025).

[4] Federal Law of 29.04.2008 No. 57-FZ «On the Procedure for Implementing Foreign Investments in Business Entities of Strategic Importance for Ensuring National Defense and State Security» // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2008. - No. 18. - Art. 1940.

[5] Consolidated statistical information on the activities of arbitration courts of the Russian Federation for 2021–2023. – Moscow: Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation, 2024. – 210 p.

[6] Federal Law of 04.08.2023 No. 414-FZ «On Excess Profit Tax» // Rossiyskaya Gazeta. – 2023. – August 9.

[7] Ivanov I.I., Petrova A.S. Legal regimes of the digital economy in the Russian Federation: monograph. – Moscow: Prospect, 2024. – 256 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 28.04.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-63-65**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

СОЛОВЬЁВА Дарья Олеговна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Университет «Дубна»,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
МИХАЙЛОВ Филипп Николаевич,
доцент,
ФГБОУ ВО «Университет «Дубна»,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье рассматриваются предусмотренные ст. 45 ГПК РФ формы процессуального участия прокурора в гражданском судопроизводстве России. Отмечается, что законодатель не даёт легального толкования термину «неопределённый круг лиц», что на практике оборачивается правовой неопределённостью и формированием противоречивых судебных подходов. Отдельно рассматривается проблемный аспект: положение ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, допускающее рассмотрение дела в отсутствие надлежащим образом извещённого прокурора. В заключение предлагаются рекомендации по совершенствованию действующего законодательства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: формы участия прокурора в гражданском процессе, неопределённый круг лиц, заключение прокурора, неявка прокурора, судебное разбирательство.

SOLOVYOVA Daria Olegovna,
Master's Student,
Dubna University

Academic Supervisor:
MIKHAILOV Filip Nikolaevich,
Associate Professor,
Dubna University

ON THE FORMS OF PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN CIVIL TRIAL: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

ANNOTATION. This article examines the forms of procedural participation of the prosecutor in civil proceedings in Russia as provided for by Article 45 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation. It is noted that the legislator does not provide a legal interpretation of the term «indefinite circle of persons,» which in practice results in legal uncertainty and the development of contradictory judicial approaches. We will examine a problematic aspect: the provision of Part 3 of Article 45 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, which allows for case supervision in the absence of a duly notified prosecutor. The article concludes with recommendations for improving current legislation.

KEY WORDS: forms of participation of the prosecutor in civil proceedings, an indefinite circle of persons, the conclusion of the prosecutor, the absence of the prosecutor, judicial proceedings.

Действующее законодательство Российской Федерации устанавливает две формы участия прокурора в гражданском судопроизводстве. В соответствии со ст. 45 Гражданского процессуального кодекса вышеуказанными формами являются: обращение в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской

Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также вступление в уже начатый процесс для дачи заключения по некоторым категориям дел.

Предъявление иска представляет собой первый способ участия прокурора в гражданском судопроизводстве. Однако не всякое вторжение в частноправовую сферу граждан с целью защиты признаётся допустимым: закон требует, чтобы у этих лиц имелись уважительные причины, не позволяющие им самостоятельно добиваться судебной защиты [1]. Среди уважительных причин невозможности лиц самостоятельно отстаивать свои права в судебном порядке можно выделить: возрастной фактор, состояние здоровья, признание гражданина недееспособным.

Согласно нормам действующего процессуального права, прокурор наделён полномочием на обращение в суд в защиту прав граждан (в том числе неопределённого круга лиц), а также таких публично-правовых образований, как Российская Федерация, её субъекты и муниципальные образования.

Поданный в защиту неопределённого круга лиц иск отличается от личного иска тем, что круг заинтересованных лиц остаётся для суда неизвестным: он не устанавливается с точностью ни на момент подачи заявления, ни в ходе разбирательства [2]. В итоге такое производство ведётся в отношении многочисленной группы, члены которой судебным решением персонально не идентифицируются.

В действующем законодательстве отсутствует легальная дефиниция понятия «неопределенный круг лиц», что порождает дискуссии в научной литературе по данной правовой проблеме. Отсутствие нормативного закрепления указанного понятия влечет за собой правовую неопределенность в правоприменительной деятельности, поскольку не выработаны единые критерии, позволяющие констатировать нарушение интересов неопределенного круга лиц и, как следствие, наличие у прокурора оснований для обращения в суд.

В качестве примера можно привести определение Ярославского областного суда по делу №33-4299/2020 от 14 августа 2012 года. Прокурор Заволжского района города Ярославля в интересах неопределенного круга лиц обратился в суд с исковым заявлением к ГУЗ Ярославской области «Станция скорой медицинской помощи», Департаменту здравоохранения и фармации Ярославской области, Департаменту имущественных и земельных отношений Ярославской области с тем, чтобы обязать провести ремонтные работы с целью обеспечить надлежащие условия труда работников станции [3].

Суд отказал в принятии искового заявления исходя из того, что фактически прокурор обратился в суд не в защиту интересов неопределенного круга лиц, а за защитой прав и свобод определенного круга граждан, каждого из которых можно индивидуализировать.

Процедура прокурорского обращения в суд предполагает проведение досудебной проверки, в рамках которой прокурором осуществляются: сбор первичных материалов, их всесторонняя проверка, формирование совокупности доказательств, достаточной для подтверждения юридически значимых обстоятельств, а также выработка развернутого обоснования заявленного требования. Указанные действия регламентируются статьей 56 ГПК РФ, определяющей пределы доказывания и распределение обязанностей по представлению доказательств.

Альтернативной формой реализации прокурорских полномочий в гражданском судопроизводстве является вступление в дело, инициированное иными участниками, с целью предоставления мотивированного заключения по существу рассматриваемого спора. Закон предусматривает возможность самостоятельного вступления прокурора в гражданский процесс, инициированный другими лицами. Такое вступление не является произвольным: оно допустимо исключительно при соблюдении условий, прямо указанных в законе. Проверка соблюдения этих условий (наличия оснований) возлагается на суд и составляет элемент его контрольной функции, поскольку законодательно закреплен исчерпывающий перечень категорий дел, по которым прокурор вправе участвовать.

Действующим законодательством закреплена такая форма участия прокурора, как представление заключения по тем делам, где ставится вопрос о восстановлении нарушенного права либо законного интереса гражданина. Данное положение, как показывает его анализ, ориентировано на укрепление законности и содействие судебному органу в правильном разрешении спора [4].

Одновременно закон обязывает суд принять все возможные меры для своевременного извещения прокурора о месте, времени и дате разбирательства, что требуется для полного, всестороннего и оперативного рассмотрения спора [5]. Согласно части 3 статьи 45 ГПК РФ, допускается разбирательство дела при отсутствии прокурора, если тот был своевременно и надлежащим образом уведомлён. На практике это обесценивает саму идею обязательного вступления прокурора в дело и представления им заключения.

С одной стороны, на уровне ведомственных актов закреплено обязательное участие прокурора по отдельным категориям споров. Так, пункт 5 приказа Генерального прокурора № 2 от 11.01.2021 года предписывает обеспечить его присутствие и дачу мотивированного заключения по делам, перечисленным в части 3 статьи 45 ГПК РФ. С другой стороны, сам ГПК РФ предусматривает возможность рассмотрения дела в отсутствие прокурора.

При отсутствии в судебном заседании прокурора наличие надлежащего извещения не признается основанием для отмены вынесенного ре-

шения вышестоящими судебными инстанциями. Эффективность подобного правового механизма вызывает обоснованные сомнения.

Представляется, что анализируемую норму из Гражданского процессуального кодекса стоило бы исключить. Одновременно с этим следовало бы закрепить правило: неявка прокурора — препятствие для разбирательства дела, а значит, заседание суда необходимо откладывать.

Суть участия прокурора, вступающего в процесс для дачи заключения, иная: он не защищает чью-либо сторону, а помогает суду вынести законное и обоснованное решение. Вот почему его возможности, даже когда у слабой стороны нет доказательств, ограничены. Он вправе инициировать истребование доказательств, участвовать в их оценке, обжаловать судебные акты. Полномочия в части уточнения или изменения иска отсутствуют.

Таким образом, прокурор выступает одним из ключевых участников гражданского судопроизводства, чье присутствие обусловлено необходимостью государственной защиты прав граждан в социально значимых сферах. Однако действующий объем процессуальных полномочий прокурора является ограниченным, что требует его расширения в интересах как частных лиц, так и всего общества.

В связи с вышесказанным представляется целесообразным внести изменения в ч. 1 ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, дополнив ее новыми абзацами, и изложить его в следующей формулировке:

«Статья 45. Участие в деле прокурора

Под «неопределенным кругом лиц» понимаются лица, которые могут быть идентифицированы по общему для них признаку, но их персональный состав на момент обращения в суд невозможно установить в разумный срок ввиду их многочисленности или динамичности состава.

Не относятся к неопределенному кругу лиц граждане, которые могут быть персонально идентифицированы и привлечены к участию в деле в качестве соистцов в порядке, установленном статьей 40 настоящего Кодекса».

Представляется целесообразным дополнить ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации новым пунктом, и изложить его в следующей формулировке:

«Статья 45. Участие в деле прокурора

5. В случае неявки прокурора, извещенного надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, суд:

откладывает разбирательство дела, если участие прокурора признано обязательным в соответствии с частью 3 настоящей статьи.

вправе рассмотреть дело в отсутствие прокурора, если заявлено письменное ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие с приложением подготовленного заключения.

Непредставление прокурором заключения по делу, в котором его участие признано обязательным, без уважительных причин может служить основанием для вынесения судом частного определения в адрес соответствующего прокурора или вышестоящего органа прокуратуры».

Список литературы:

[1] Головко И.И. Формы участия прокурора в гражданском и административном судопроизводстве: проблемы и перспективы // БГЖ. 2022. №3 (24). С. 337-341.

[2] Крайнова А.В. Проблемы защиты неопределенного круга лиц в гражданском процессе // Вестник ПензГУ. 2021. № 2 (17). С. 45-49.

[3] Определение Ярославского областного суда по делу №33-4299/2012 от 14 августа 2012 года // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/document/464230504 (дата обращения: 02.04.2026).

[4] Исаев И.Д. Некоторые проблемы участия прокурора в гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. 2023. №24. С. 531-535.

[5] Бондарева И. В., Жильский Н. Н. О проблеме эффективности дачи заключения как формы участия прокурора в гражданском процессе // Теория и практика современной науки. 2020. №5 (59). С. 125-129.

References:

[1] Golovko I.I. Forms of prosecutor's participation in civil and administrative proceedings: problems and prospects // BGZ. 2022. No. 3 (24). Pp. 337-341.

[2] Kraynova A.V. Problems of protecting an indefinite circle of persons in civil proceedings // PenzSU Bulletin. 2021. No. 2 (17). Pp. 45-49.

[3] Determination of the Yaroslavl Regional Court in case No. 33-4299/2012 dated August 14, 2012 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/document/464230504 (date accessed: 02.04.2026).

[4] Isaev I.D. Some problems of prosecutor's participation in civil proceedings // Issues of Russian Justice. 2023. No. 24. P. 531-535.

[5] Bondareva I. V., Zhilsky N. N. On the problem of the effectiveness of providing an opinion as a form of prosecutor's participation in civil proceedings // Theory and Practice of Modern Science. 2020. No. 5 (59). P. 125-129.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-66-69**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

ЗЮБИНА Евгения Владимировна,
студентка Крымского филиала
«РГУП имени В.М. Лебедева»,
e-mail: evgeniya.zyubina04@mail.ru

Научный руководитель:
ШИГОНИНА Людмила Александровна,
старший преподаватель кафедры гражданского права
Крымского филиала
«РГУП имени В.М. Лебедева»,
e-mail: shigoninal@mail.ru

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ЦИФРОВЫХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

АННОТАЦИЯ. Цифровизация общества порождает качественно новые правоотношения, не укладывающиеся полностью в традиционные правовые рамки. В статье рассматриваются формы судебной защиты прав, возникающих в цифровой среде, выявляются актуальные проблемы и тенденции их правоприменения, анализируется судебная практика.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровизация, цифровое правоотношение, электронное правосудие, смарт-контракт, искусственный интеллект, онлайн-урегулирование споров, видеоконференц-связь, электронные доказательства, правоприменительная практика.

ZYUBINA Evgeniya Vladimirovna,
student of the Crimean branch
Russian State Unitary Enterprise named after V.M. Lebedev,

Academic supervisor:
SHIGONINA Lyudmila Alexandrovna,
Senior Lecturer at the Department of Civil Law
The Crimean branch
Russian State Unitary Enterprise named after V.M. Lebedev

JUDICIAL PROTECTION OF DIGITAL RIGHTS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

ANNOTATION. The digitalization of society generates qualitatively new legal relations that do not fully fit into the traditional legal framework. The article examines the forms of judicial protection of rights arising in the digital environment, identifies current problems and trends in their enforcement, analyzes judicial practice.

KEY WORDS: digitalization, digital legal relationship, electronic justice, smart contract, artificial intelligence, online dispute resolution, videoconferencing, electronic evidence, law enforcement practice.

Прежде чем переходить к исследованию механизмов судебной защиты, следует раскрыть само понятие цифрового правоотношения и выявить его отличительные черты по сравнению с классическими правовыми конструкциями.

В доктрине под цифровыми правоотношениями принято понимать отношения, получившие правовую регламентацию и складывающиеся в сфере оборота данных, существующих в цифровой форме [1, с. 27]. Как отметил, В.Э. Волков: «цифровое право в данном случае понимается как комплексный правовой институт, состоящий из действующих правовых норм, регулирующих отношения, связанные с поиском, получением, передачей, производством и распространением цифровых данных, а также с применением цифровых информационных технологий» [2, с. 9]. По существу, речь идёт об общественных связях, реализуемых посредством информационно-коммуникационных технологий, в которых объектом правового регулирования служат либо сами цифровые данные, либо продукты их обработки и преобразования.

Ключевое сущностное отличие цифрового правоотношения заключается в том, что осуществление субъективных прав и исполнение соответствующих обязанностей происходит исключительно в рамках цифровой среды – внутри информационных систем – при полном отсут-

ствии непосредственного контакта между сторонами в физическом пространстве. Правомочия участников таких отношений удостоверяются и реализуются через программные алгоритмы и электронные записи, нередко распределённые между множеством узлов сети. Отечественный законодатель уже предпринял шаги по нормативному закреплению специфических объектов и инструментов. В 2019 в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее - ГК РФ) была введена самостоятельная правовая категория - «цифровые права», что ознаменовало официальное признание данного явления на уровне гражданского законодательства.

Рассмотрим, как определяет цифровые права российские ученые и судьи.

По мнению В.Д. Зорькина, цифровые права – это «право на доступ, создание, публикацию цифровых произведений, а также право на использование электронных устройств и сети Интернет» [3]. Е.В. Попов предложил определять цифровые права как принципы управления коммуникационной средой [4, с. 2773]. Необходимо отметить, что в большинстве случаев определения «цифровых прав» носят широкий абстрагированный характер, они не могут быть использованы в законодательстве о гражданском обороте цифровых объектов. Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор предложили дать более конкретное определение цифровых прав, которое можно было бы использовать в законодательстве и судебной практике [5, с. 89].

Согласно поправкам, цифровые права – это новый объект гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). Под ними понимаются особые «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам». При этом осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения им возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ).

Рассмотрим особенности судебной защиты цифровых прав.

1. Экстерриториальный характер. Транзакции в блокчейне и интернет-среде не имеют физических границ, что создает сложности с определением подсудности и применимого права [6, с. 164]. Главная проблема экстерриториального характера защиты цифровых прав в том, что деятельность в информационно-коммуникационном пространстве (киберпространстве) может подпадать под предписывающую юрисдикцию того или иного государства при отсутствии: связи отношения с государством суда; осведомлённости лиц об иностранном законодательстве. Это создаёт риски произвольного распространения юрисдикции и нарушения прав иностранных лиц, которые не были проинформированы о применимых к ним правовых актах.

По мнению С.И. Носова, «в интернет-среде пространство не имеет географических границ, понятие времени не привязано к часовым поясам, а в понятие «круг лиц» включаются не физические и юридические лица, а компьютеры и другие технические устройства, участвующие в сетевом взаимодействии и «идентифицируемые» по их IP-адресам и другим технологическим характеристикам» [7, с. 8].

Так, в одном из дел, заявитель ссылается на то, что безналичные денежные средства не относятся к вещам, не могут являться объектом вещных прав в гражданско-правовом смысле и учитываться при определении подсудности. Однако суд указал, поскольку безналичные денежные средства являются разновидностью имущества, по своей природе существуют в виде записи на банковском счете кредитора (их обладателя), представляют собой его обязательственное требование на определенную сумму к кредитной организации. Таким образом, учитывая особенность безналичных денежных средств как объекта гражданского права, принятие судом во внимание места нахождения подразделения банка, в котором их владельцем открыт банковский счет, для определения подсудности спора по месту нахождения имущества ответчика требованиям закона не противоречит [8].

2. Анонимность и псевдонимность участников. Субъекты цифровых правоотношений часто скрыты за криптографическими адресами, никнеймами или IP-адресами [9].

В делах о неосновательном обогащении, связанном с криптовалютой, суды учитывают анонимность платежей и сделок.

Так, со счета третьего лица неустановленными лицами произведено несанкционированное списание денежных средств, впоследствии перечисленных на банковскую карту ответчика по сделкам купли-продажи криптовалюты. Спорная сумма в судебном порядке взыскана с истца, клиентом которого третье лицо являлось. Ответчик обосновывал невозможность взыскания неосновательного обогащения по ст. 1102 ГК РФ тем, что имелось правовое основание для такого обогащения –договор по продаже криптовалюты пользователю на платформе BTC Banker (Гонконг) в Telegram, платежи по которым анонимизированы. Верховный Суд посчитал, что взыскание неосновательного обогащения невозможно, поскольку продавец криптовалюты имел правовые основания на получение денежных средств, а именно – договор купли-продажи криптовалюты. Суд обратил внимание, что ущерб банку был причинен действиями иного третьего лица для оплаты этой покупки. Тем не менее наличие явного экономического интереса на стороне ответчика-продавца служит препятствием для взыскания с него суммы неосновательного обогащения [10].

3. Специфика доказательной базы. Основой

доказательств выступают цифровые следы: логи, хеш-суммы, выписки из криптокошельков, снимки экранов (скриншоты), переписка в мессенджерах и смарт-контракты [11, с. 164].

Более того, по справедливому утверждению, И.В. Краснова, «использование цифрового ID, электронной подписи и средств видеоконференции могло бы обеспечить безбарьерное обращение миллионов пользователей в суды всех инстанций. Кроме того, цифровые доказательства способны стать материалом для аналитики нейронных сетей, а формируемое таким образом «электронное дело» сократить все виды судебных издержек» [12].

В качестве примера рассмотрим дело, где истец самостоятельно совершил денежные переводы, перечислил денежные средства по сделкам купли-продажи цифровой валюты в виде рублевых кодов. В последующем обратился в суд с требованием о взыскании неосновательного обогащения, поскольку переводы денежных средств им были произведены в результате обмана и злоупотребления доверием. Суд признал доводы истца необоснованными указав на то, что факт заключения сделки отражен в личном кабинете с соответствующим IP-адресом, ответчики зарегистрированы на» торговой адрес», где осуществляют операции с цифровыми знаками, совокупность представленных суду доказательств свидетельствует о переводе Х. денежных средств ответчикам с целью участия в сделках по покупке цифровой валюты. В рамках настоящего дела доказано перечисление истцом денежных средств по сделкам купли-продажи цифровой валюты в виде рублевых кодов [13].

4. Высокая волатильность активов. Стоимость цифровых прав или криптовалют может кардинально измениться за время судебного разбирательства.

В гражданских спорах также возникают сложности. Например, в деле о взыскании неосновательного обогащения суд учитывал, что истец не представил доказательств информирования налоговых органов о владении криптовалютой, что стало основанием для отказа в иске. Однако после Постановления Конституционного суда РФ от 20 января 2026 года №2-П [14] ситуация изменилась: теперь суды не вправе отказывать в защите прав владельцев криптовалюты, если они приобрели её не через майнинг и могут подтвердить законность получения актива.

Подводя итог, можно констатировать, что судебная защита цифровых прав сегодня – это поиск компромисса между консервативными нормами права и новаторскими технологиями. Несмотря на сложности (проблемы идентификации, сбора доказательств и исполнения решений), судебная практика становится гибче. Суды постепенно учатся признавать цифровые активы полноправным объектом споров, однако для полноценной системы защиты требуется дальнейшее внедрение в судебную систему блокчейн-технологий и развитие механизмов международного цифрового взаимодействия.

Прежде всего, цифровые правоотношения сформировались в качестве самостоятельной сферы правового регулирования, нуждающейся в точечной законодательной доработке — свидетельством чему служат закрепление института цифровых прав и специализированные нормы об информационных посредниках. Далее, традиционная судебная система продемонстрировала завидную адаптивность: процессуальные нормы о дистанционном участии и электронном документообороте кардинально преобразили облик судопроизводства, придав ему выраженный технологический характер. Отечественная правоприменительная практика фиксирует ощутимые успехи внедрения видео-конференц-связи и электронного взаимодействия, вместе с тем обнажая ряд технических и нормативных противоречий, требующих системного урегулирования.

Список литературы:

[1] Блажеева В.В. Цифровое право: Учебник / под. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егорова 2-е изд. – М.: Проспект, 2025. – 848 с.

[2] Волков В.Э. Цифровое право. Общая часть: учебное пособие / В.Э. Волков. – Самара: Издательство Самарского университета, 2022. – 111 с.

[3] Зорькин В. Д. Право в цифровом мире: размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. 29 мая.

[4] Попов Е. В. Принципы применения новых цифровых коммуникационных технологий в обществе / Е. В. Попов // Креативная экономика. – 2020. – Т. 14, № 11. – С. 2773–2788.

[5] Хабриева Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102.

[7] Носов С. И. Право и информатизация / С. И. Носов // Юрист. – 2019. – № 4. – С. 6-13.

[8] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16.10.2025 по делу N 88-21273/2025 (УИД 77RS0007-02-2023-000279-35) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=190301 (дата обращения: 22.04.2026).

[9] Рожкова М.А. Цифровые идентификаторы: проблемы права [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2025. 28 июля. URL: https://zakon.ru/blog/2025/7/29/cifrovye_identifikatory_problemy_prava (дата обращения: 22.04.2026).

[10] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2021 N 44-КГ20-17-К7, 2-2886/2019 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=657432 (дата обращения: 22.04.2026).

[11] Мочалов А.Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни / А.Н. Мочалов // Антиномии. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 164-189.

[12] Доклад Председателя Верховного Суда на итоговом совещании за 2025 год от 19.02.2026 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=880621 (дата обращения: 22.04.2026).

[13] Апелляционное определение Московского городского суда от 16.10.2024 по делу N 33-42975/2024 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/2d396710-669d-11ef-afda-bd15cbfecc2f (дата обращения: 22.04.2026).

[14] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 N 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» // СЗ РФ. 2026. N 4. ст. 372.

References:

[1] Blazheeva V.V. Digital Law: Textbook / edited by V.V. Blazheeva, M.A. Egorova 2nd ed. – Moscow: Prospect, 2025. – 848 p.

[2] Volkov V.E. Digital Law. General Part: Textbook / V.E. Volkov. – Samara: Samara University Publishing House, 2022. – 111 p.

[3] Zorkin V.D. Law in the Digital World: Reflections on the Sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum // Rossiyskaya Gazeta. 2018. May 29.

[4] Popov E.V. Principles of Application of New Digital Communication Technologies in Society / E.V. Popov // Creative Economy. – 2020. – Vol. 14, No. 11. – pp. 2773–2788.

[5] Khabrieva T. Ya. Law in the Context of Digital Reality / T. Ya. Khabrieva, N. N. Chernogor // Journal of Russian Law. - 2018. - No. 1. - Pp. 85-102.

[7] Nosov S. I. Law and Informatization / S. I. Nosov // Jurist. - 2019. - No. 4. - Pp. 6-13.

[8] Determination of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated October 16, 2025 in case No. 88-21273/2025 (UID 77RS0007-02-2023-000279-35) // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=190301 (accessed on 22.04.2026).

[9] Rozhkova M.A. Digital Identifiers: Legal Issues [Electronic resource] // Zakon.ru. 2025. July 28. URL: https://zakon.ru/blog/2025/7/29/cifrovye_identifikatory_problemy_prava (accessed on 22.04.2026).

[10] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02.02.2021 N 44-KG20-17-K7, 2-2886/2019 // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=657432 (accessed: 22.04.2026).

[11] Mochalov, A.N. Digital Traces of a Person and the Inviolability of Privacy / A.N. Mochalov // Antinomies. - 2024. - Vol. 24, No. 4. - Pp. 164-189.

[12] Report of the Chairman of the Supreme Court at the final meeting for 2025, dated 19.02.2026 // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=880621 (accessed: 22.04.2026).

[13] Appellate ruling of the Moscow City Court dated 16.10.2024 in case No. 33-42975/2024 // Official portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/2d396710-669d-11ef-afda-bd15cbfecc2f (date of access: 22.04.2026).

[14] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 20.01.2026 No. 2-P «In the case of verifying the constitutionality of Part 6 of Article 14 of the Federal Law «On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» in connection with the complaint of citizen Dmitry Igorevich Timchenko» // SZ RF. 2026. No. 4. Art. 372.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.05.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-70-72**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

ПЕРОНКО София Владимировна,
студентка Крымского филиала
ФГБОУВО «РГУП имени В.М. Лебедева»,
г. Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье исследуются системные проблемы, возникающие в ходе судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах. Анализируются недостатки методики поддержания государственного обвинения, сложности квалификации убийства с особой жестокостью, а также вопросы оценки доказательств судом. На основе изучения судебной практики и доктринальных источников формулируются предложения по совершенствованию деятельности государственного обвинителя и повышению качества правосудия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебное разбирательство, убийство, государственный обвинитель, особая жестокость, доказательства, криминалистическая методика.

PERONKO Sofia Vladimirovna,
Student of the Crimean branch of
Federating State Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»
Simferopol, Russia

PROBLEMATIC ASPECTS OF TRIAL IN MURDER CASES AND WAYS TO RESOLVE THEM

ANNOTATION. This article examines systemic problems arising during trial in criminal cases of murder. The author analyzes shortcomings in the methodology of maintaining public prosecution, difficulties in qualifying murder with particular cruelty, as well as issues of evidence evaluation by the court. Based on the study of judicial practice and doctrinal sources, proposals are formulated to improve the activities of the public prosecutor and enhance the quality of justice.

KEY WORDS: trial, murder, public prosecutor, particular cruelty, evidence, forensic methodology.

Судебное разбирательство по делам об убийствах традиционно относится к наиболее сложным категориям уголовных процессов. От того, насколько полно суд исследует обстоятельства дела, зависят не только судьба подсудимого, но и авторитет судебной власти в целом. Изучение современной практики показывает, что, несмотря на многолетнюю историю правового регулирования, суды и участники процесса продолжают сталкиваться с проблемами, которые носят системный характер. Я полагаю, что выявление и разрешение данных проблем является необходимым условием для обеспечения права каждого на справедливое судебное разбирательство.

Прежде чем перейти к анализу конкретных проблемных аспектов, следует обратиться к теоретическим основам криминалистической методики судебного разбирательства. Как отмечают В.Д. Зеленский и А.Ю. Корчагин, система теоретических положений и научно-практических рекомендаций по криминалистическому обеспечению судебного разбирательства является частью криминалистической методики, состоящей из общей и частной частей [1]. Я разделяю мнение о том, что криминалистическая методика судебного разбирательства способствует упорядочению судебной деятельности, конкретизации целей и созданию условий для продуктивного производства судебных действий, что особенно актуально применительно к делам об убийствах.

Одной из ключевых проблем выступает недостаточная разработанность методики поддержания государственного обвинения. Как справедливо указывает А.А. Кириллова, в условиях, когда отмечается увеличение числа лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, особую значимость приобретает деятельность органов прокуратуры, на которых в состязательном судебном разбирательстве ложится процесс доказывания [2].

Мой анализ показывает, что многие государственные обвинители подходят к участию в деле формально, ограничиваясь оглашением обвинительного заключения и не занимаясь активным планированием судебного следствия. Они не

прогнозируют возможные ситуации, такие как изменение подсудимым показаний или неявка ключевых свидетелей, что в итоге приводит к неполноте исследования доказательств. Я считаю, что подготовка к судебному разбирательству лишь тогда будет эффективной, когда она начинается с глубокого изучения материалов уголовного дела. Особое значение приобретает использование государственным обвинителем метода реконструкции события преступления, то есть мысленного воссоздания объектов по их фрагментам, описаниям, фотоснимкам и другим документальным данным, что позволяет прокурору сформировать собственную модель преступления.

Серьёзные сложности возникают и при квалификации убийства, совершенного с особой жестокостью. Данный признак относится к оценочным понятиям, что порождает трудности в правоприменении. Е.А. Резниченко обращает внимание на позицию Пленума Верховного Суда РФ, который разъяснил, что особая жестокость связывается как со способом убийства, так и с иными обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости, при этом необходимо установить, что умыслом виновного охватывалось совершение убийства с особой жестокостью [3].

На мой взгляд, проблема здесь в том, что суды не всегда отличают жестокость как способ убийства от глумления над трупом, которое уже после смерти не может квалифицироваться по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а требует дополнительной квалификации по ст. 244 УК РФ. Я полагаю, что для единообразия практики необходимо по каждому спорному делу об убийстве с особой жестокостью назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу для установления психического состояния виновного и его способности осознавать характер причиняемых потерпевшему мучений.

Отдельного внимания заслуживает проблема рассмотрения ходатайств защиты о недопустимости доказательств. А.Е. Хорошева, проанализировав протоколы судебных заседаний Алтайского краевого суда с участием присяжных заседателей по делам об убийствах, приходит к выводу, что ходатайства о признании доказательств недопустимыми заявлялись по 36 % уголовных дел, из них судом удовлетворены лишь по 11,1 %, а отклонены по 88,8 % дел [4]. Это, с одной стороны, свидетельствует о низкой эффективности подобных ходатайств, а с другой — о не всегда высоком качестве предварительного следствия. На практике, когда подсудимый заявляет о применении к нему недозволенных методов расследования, суды часто не проводят самостоятельной проверки, отказывая в допросе следователей и понятых. Я убеждена, что такой формальный подход недопустим, поскольку подрывает принцип состязательности и равенства сторон.

В этой связи показателен пример из судебной практики. Президиум Новосибирского областного суда отменил приговор по делу об убийстве, указав, что выводы судебно-медицинских экспертиз о причине смерти от механической асфиксии не были в полной мере сопоставлены с другими доказательствами, в частности с заключением специалиста о возможной смерти от неправильного введения препарата лидокаин, а суд не дал оценки показаниям эксперта о том, что кровоподтек и перелом носовых костей могли образоваться при падении с высоты собственного роста [5]. Данный пример иллюстрирует, насколько важна всесторонняя оценка доказательств судом и как ошибки в этой оценке приводят к отмене приговора.

Подводя итог исследованию, я формулирую следующие пути решения выявленных проблем.

Во-первых, необходимо внедрение в деятельность прокуроров частных методик поддержания государственного обвинения по делам об убийствах, основанных на прогнозировании судебных ситуаций и разработке алгоритмов действий. Государственный обвинитель должен хорошо знать методику расследования преступления и уметь самостоятельно реконструировать событие преступления.

Во-вторых, при рассмотрении дел об убийствах, совершённых с особой жестокостью, следует в обязательном порядке назначать комплексные психолого-психиатрические экспертизы.

В-третьих, судам при рассмотрении ходатайств о недопустимости доказательств необходимо проводить проверку путём допроса следователя, оперативных работников и понятых, а не ограничиваться формальным отказом.

В-четвёртых, требуется повышение качества предварительного следствия с целью минимизации оснований для признания доказательств недопустимыми.

Список литературы:

[1] Зеленский В.Д., Корчагин А.Ю. О понятии и структуре криминалистической методики судебного разбирательства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 11-2. С. 44.

[2] Кириллова А.А. К проблеме методики поддержания государственного обвинения по уголовным делам об убийствах // ГлаголЪ правосудия. 2011. № 1 (2). С. 49.

[3] Резниченко Е.А. Вопросы квалификации убийства, совершенного с особой жестокостью: теория и практика // Молодой ученый. 2020. № 15 (305). С. 235.

[4] Хорошева А.Е. Проблемные вопросы рассмотрения ходатайств защиты о недопустимости до-

казательств в суде присяжных по уголовным делам об убийствах // Известия АлтГУ. 2010. № 2-2. С. 96.

[5] Постановление Президиума Новосибирского областного суда от 24 апреля 2019 г. № 44у-45/2019 по делу № 1-38/2017 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: https://sudact.ru/regular/doc/0xNRhnHr6wN8/ (дата обращения: 22.04.2026).

References:

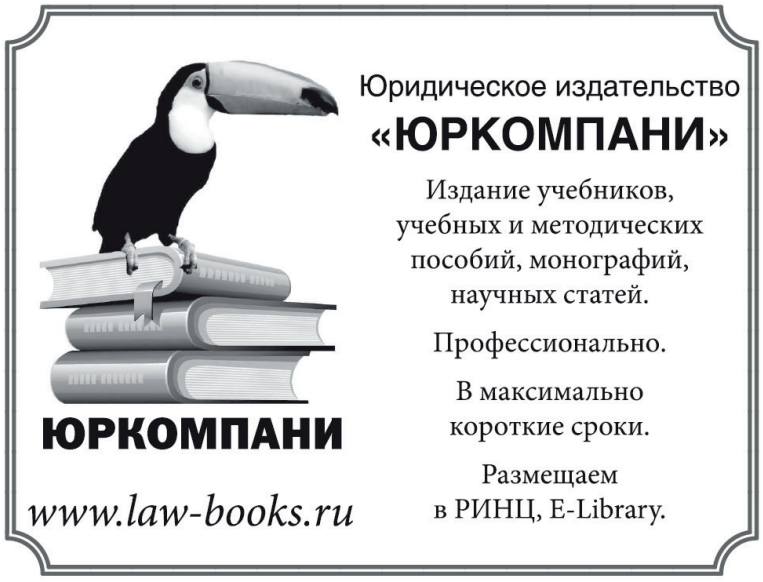
[1] Zelensky V.D., Korchagin A.Yu. On the Concept and Structure of Forensic Methodology of Trial // Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. 2021. No. 11-2. P. 44.

[2] Kirillova A.A. On the Problem of Methodology of Supporting State Prosecution in Criminal Cases of Murder // Glagoliy of Justice. 2011. No. 1 (2). P. 49.

[3] Reznicenko E.A. Issues of Qualification of Murder Committed with Particular Cruelty: Theory and Practice // Young Scientist. 2020. No. 15 (305). P. 235.

[4] Khorosheva A.E. Problematic Issues of Consideration of Defense Motions on the Inadmissibility of Evidence in a Jury Trial in Criminal Cases of Murder // Izvestiya of Altai State University. 2010. No. 2-2. P. 96.

[5] Resolution of the Presidium of the Novosibirsk Regional Court of April 24, 2019 No. 44u-45/2019 in case No. 1-38/2017 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (SudAkt). URL: https://sudact.ru/regular/doc/0xNRhnHr6wN8/ (date of access: April 22, 2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 24.04.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-73-80**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

ИВАНОВ Михаил Романович,
магистрант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Великий Новгород, Россия,
e-mail: ivanovmikhail5302@gmail.com

ВРЕМЯ ПОТЕРЯННОЕ И ОБРЕТЕННОЕ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 99 ГПК РФ В КАЧЕСТВЕ СПОСОБА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯМ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается комплекс проблем, связанный с текущим правовым регулированием компенсации за фактическую потерю времени (ст. 99 ГПК РФ). Компенсация за фактическую потерю времени рассматривается автором с двух позиций: как разновидность судебных издержек и как механизм противодействия процессуальным злоупотреблениям. Посредством анализа действующей судебной практики, выявляются системные проблемы для каждой из указанных позиций. Отдельно отмечаются причины неэффективности применения ст. 99 ГПК РФ в качестве средства противодействия процессуальным злоупотреблениям. Чтобы улучшить ситуацию с практическим применением ст. 99 ГПК РФ, автором предлагается новая редакция статьи. Автором видится уместным отделить механизм ответственности от компенсации в качестве судебных издержек.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гражданский процесс, принцип добросовестности, процессуальные злоупотребления, способы противодействия процессуальным злоупотреблениям, судебные издержки, компенсация за фактическую потерю времени.

IVANOV Mikhail Romanovich,
Master's Student, Yaroslav the Wise Novgorod State University
Veliky Novgorod, Russia

TIME LOST AND FOUND: MAIN PROBLEMS AND PROSPECTS OF APPLYING ARTICLE 99 OF THE CIVIL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A WAY TO COUNTER PROCEDURAL ABUSE

ANNOTATION. The article considers a set of problems related to the current legal regulation of compensation for actual loss of time (art. 99 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation). The author considers compensation for the actual loss of time from two perspectives: as a form of legal expense and a means to combat procedural abuse. After analyzing the current legal practice, the author identified systemic problems for each of these positions. The reasons for the ineffectiveness of the application of Article 99 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation as a means of countering procedural abuses are separately noted. To improve the situation with the practical application of Article 99 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the author proposes a new version of the article. The author sees it appropriate to separate the mechanism of liability from compensation as legal costs.

KEY WORDS: civil process, principle of good faith, abuse of process, ways to counteract abuse of process, legal fees, compensation for actual time lost.

Ежегодно российскими судами рассматриваются миллионы дел в порядке гражданского судопроизводства, высокая нагрузка на судебную систему сохраняется вне зависимости от принимаемых процессуальных мер. Вполне закономерно, что большой уровень судебной нагрузки не всегда связан с объективной потребностью лица защитить свои нарушенные права и законные интересы в предусмотренной процессуальной форме. Так или иначе будут встречаться варианты недобросовестного поведения участников судебного разбирательства, оказывающие прямое влияние на количество дел в суде и сроки их рассмотрения.

Подача необоснованных исков, затягивание судебного разбирательства являются проявлением недобросовестного поведения лица, относящимся к категории процессуальных злоупо-

треблений. Поэтому в целях противодействия процессуальным злоупотреблениям и минимизации их негативного воздействия на эффективность правосудия, ГПК РФ содержит ряд инструментов, препятствующих такому поведению сторон.

Одним из подобных инструментов является возможность взыскания судебных издержек с проигравшей стороны. Из содержания ст. 94 ГПК РФ следует, что к судебным издержкам в том числе относится компенсация за фактическую потерю времени (ст. 99 ГПК РФ).

Ст. 99 ГПК РФ устанавливает, что при подаче недобросовестной стороной неосновательного иска или спора относительно иска либо, если сторона систематически противодействовала правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела, суд может взыскать в пользу добросовестной стороны компенсацию за потерю времени. Размер компенсации суд определяет самостоятельно с учетом конкретных обстоятельств и разумных пределов. Кроме того, компенсация по ст. 99 ГПК РФ обладает «универсальным характером» и может применяться во всех видах судопроизводства (кроме дел, рассматриваемых в порядке ст. 284 и ст. 319 ГПК РФ, для которых установлена специальная ответственность), в т.ч. при производстве во всех инстанциях [1, с. 105].

De jure, перед нами предстает норма с большим потенциалом по превентивному воздействию на добросовестное поведение участников в процессе. Механизм превентивного воздействия на процессуальную добросовестность особенно важен в условиях, когда суды лишены инструментария по прямому противодействию неосновательным искам. Кроме того, ст. 99 ГПК РФ важна еще и тем, что позволяет противодействовать затягиванию процесса, предусматривая для злоупотребившего лица имущественные (материальные) последствия, а не только лишь процессуальные. В действующей редакции ГПК РФ хоть какие-то материальные последствия за процессуальные злоупотребления содержатся, помимо ст. 99 ГПК РФ, лишь в ч. 3 ст. 159 ГПК РФ (штраф за неуважение к суду).

De facto, наличие противоречивой судебной практики с исключительно редким присуждением указанной компенсации делает положения ст. 99 ГПК РФ чисто декларативными. Как верно отмечает А.А. Иванов: «правило ст. 99 ГПК остаётся «белой вороной»: это просто дань исторической традиции, которая никогда полноценно не реализовывалась» [2] (изначально положение о компенсации фактического, но рабочего, времени появилось в примечании 2 к ст. 46 ГПК РСФСР 1923 г.).

Имеет смысл через сложившуюся судебную практику указать на критические моменты, связанные с применением ст. 99 ГПК РФ, как инструмента противодействия процессуальным злоупотреблениям.

Как справедливо замечают многие авторы, исследовавшие институт компенсации за потерю времени, – главной причиной неэффективности ст. 99 ГПК РФ является отсутствие правового регулирования условий её взыскания и порядка определения её размера [1, с. 106].

По причине того, что законодатель отнёс институт компенсации к издержкам, связанным с рассмотрением дела, на практике сформировался подход, предусматривающий, что данный институт есть только разновидность судебных издержек. То есть, к определению компенсации по ст. 99 ГПК РФ должны применяться положения п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» [3].

Лицу, чтобы получить компенсацию необходимо выполнить несколько условий: во-первых, необходимо доказать факт наличия и размер убытков, а также их причинную связь с рассматриваемым делом; во-вторых, подтвердить факт процессуальных злоупотреблений со стороны оппонента (либо необоснованность иска, либо действий по затягиванию судебного разбирательства) [4]. Данная позиция нашла поддержку в том числе в практике Конституционного суда РФ [5].

Другой подход, предусматривает, что суд, в силу буквального толкования ст. 99 ГПК РФ наделен дискреционным полномочием по самостоятельному определению размера компенсации за потерю времени. Институт компенсации не предусматривает, что сторона должна в обязательном порядке нести убытки или утрачивать доход. Напротив, предполагается, что сверх суммы доказанных судебных расходов, должна отдельно взыскиваться сумма за потраченное время [6].

При таком подходе лицу достаточно доказать лишь факт процессуальных злоупотреблений, без необходимости обоснования компенсации через наличие убытков. Институт компенсации, как мы видим, уже приобретает другой смысл, становится не разновидностью судебных расходов, а видом ответственности за допущенные злоупотребления в процессе. Тем не менее, применение ст. 99 ГПК РФ в буквальном её истолковании на практике является редким исключением.

Неоднозначность условий взыскания компенсации корреспондирует проблеме определения её размера.

В первом случае, компенсация рассчитывается по тем же правилам, что и судебные расходы, т.е. основывается на фактически подтвержденных затратах. Однако, ни Постановление Пленума ВС РФ от 21.01.2016 № 1, ни Постановление Правительства РФ от 01.12.2012 № 1240 (устанавливает порядок и размер возмещения процессуальных издержек в связи с рассмотрением гражданского дела) не содержат конкретных положений о взыскании компенсации в порядке

ст. 99 ГПК РФ. По этой причине, суды по-разному рассчитывают компенсацию в качестве убытков.

Например, в юридической литературе отмечается, что суды могут компенсировать потерянное время стороне: исходя из стоимости одной минуты рабочего времени сотрудника [1, с. 108]; путем умножения среднедневного заработка стороны на количество дней судебных заседаний; исходя из почасовой тарифной ставки представителя стороны [7, с. 174].

Во втором случае, определение размера компенсации только усугубляется. Отсутствуют не только критерии расчета сумм за потерянное время, но также критерии, определяющие признаки злоупотреблений в процессе, формы их проявлений.

Таким образом, в действительности сформировалось два понимания ст. 99 ГПК РФ: с одной стороны, компенсация – это вид судебных издержек и к нему должны применяться сложившиеся правила по доказыванию и расчету. С другой стороны, компенсация – это механизм противодействия процессуальным злоупотреблениям, где доказывается только факт недобросовестного поведения стороны в процессе и её вина.

Стоит признать, что оба подхода в текущем виде ограничены по силе своего применения и не могут фактически использоваться участниками процесса. В текущей редакции ст. 99 ГПК РФ объективно не относится ни к издержкам в полноценном смысле слова, ни к механизму ответственности за процессуальные злоупотребления. Использование одного из вышеназванных подходов, на практике выглядит как компромисс между плохим и очень плохим вариантом. Приведем несколько пояснений, подтверждающих такое суждение.

Во-первых, если мы и вправду считаем, что компенсация по ст. 99 ГПК РФ относится к судебным издержкам, то возникает противоречие с положениями Постановления Пленума ВС РФ от 21.01.2016 № 1. Чтобы взыскать компенсацию, у добросовестного участника процесса появляется обязанность доказать не только факт несения издержек и связь с рассматриваемым спором, но также допущенные другой стороной процессуальные злоупотребления [8]. Вместе с тем, п. 10 Постановления не содержит условия по обязательному доказыванию обстоятельств предшествующих возникновению издержек. Учитывая, что основная сложность заключается в обеспечении доказательств процессуальных злоупотреблений оппонента, то на добросовестного участника процесса возлагается двойное бремя по доказыванию издержек.

Общий принцип распределения судебных расходов гласит, что для возмещения судебных расходов лицу, достаточно, чтобы суд принял итоговый акт по делу в его пользу (абз. 2 п. 1 указанного Постановления). В реальности же происходит иная ситуация. Например, Московский городской суд указал, что отказ в удовлетворении исковых требований сам по себе не свидетельствует о недобросовестном предъявлении неосновательного иска. Обращение с иском является реализацией права на судебную защиту, поэтому компенсация по ст. 99 ГПК РФ взысканию не подлежит [9].

На деле, при применении положений о компенсации суды всегда отходят от общих правил взыскания расходов в пользу их чрезмерного ужесточения. Что в свою очередь лишает возможности отнести ст. 99 ГПК РФ к разновидности судебных издержек.

Во-вторых, если мы определяем ст. 99 ГПК РФ как инструмент борьбы с злоупотреблениями в процессе, то должны придерживаться буквального толкования статьи. Из дословного содержания следует, что к субъектам на которых распространяется действие статьи, относятся не все участники процесса, а только лишь стороны. В п.п. 2 и 6 Постановления Пленума ВС РФ от 21.01.2016 № 1, содержится указание на то что третьи лица также обладают правом на возмещение судебных издержек. Логичным выглядит отнесение компенсационной платы в том числе и на третьих лиц, в случае их систематического противодействия правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела.

Однако, воспринимая положения статьи о компенсации строго текстуально, мы тем самым существенно ограничиваем субъектный состав, на который можем воздействовать в целях пресечения недобросовестного поведения. В частности, Новгородский районный суд, воспользовавшись ограничительным прочтением ст. 99 ГПК РФ отказал в удовлетворении требований к УФССП России по Новгородской области и ФССП России мотивируя тем, что они не являлись сторонами по рассматриваемому спору [10].

В-третьих, независимо от выбранного подхода общими проблемами будут являться: отсутствие содержания понятия «фактической потери времени»; отсутствие критериев, устанавливающих действия по затягиванию процесса; отсутствие утвержденной методики исчисления размера компенсации. Последняя проблема требует дополнительного внимания.

Ранее, мы уже обращали внимание на отдельные методы расчета фактически потраченного времени, которые используют суды [1, с. 108; 7, с. 174]. В указанных расчетах всегда фигурирует либо заработок представителя, либо стоимость его рабочего времени, что соответствует подавляющему пониманию судами института компенсации как вида издержек. С иной точки зрения, подобное правоприменение создает заградительные условия для той категории лиц, что не сможет доказать потерю доходов или несение убытков при участии в судебных заседаниях (безработные, пенсионеры, школьники и т.д.).

Если же придерживаться позиции, что размер

компенсации определяется судом в разумных пределах по своему усмотрению, то возникает другая проблема. Как справедливо замечает А.А. Иванов: ««Разумные пределы» компенсации толкуются судами в сторону их занижения, а отсутствие какого-либо объективного критерия тому способствует» [2].

Объективный критерий (механизм расчета) необходим. Напротив, его отсутствие будет приводить к смешению компенсации за потерю времени с другими судебными расходами. Для иллюстрации тезиса обратимся к ситуации, которую описал С. Егоркин в своем личном блоге. Суд взыскал компенсацию за потерю времени, определенную им самостоятельно. Однако, в вынесенном определении не было указано ни на саму компенсацию, ни на её размер. Как замечает автор, суд предпочел «замаскировать компенсацию за потерю времени под возмещение издержек на представителя» [11].

Таким образом, размер компенсации может определяться судом самостоятельно, но есть значительный риск смешения компенсации с остальными судебными расходами. Иной способ определения компенсации заключается в расчете понесенных убытков и потере дохода от процессуальных злоупотреблений. Второй вариант за счет отделения компенсации от других расходов при их расчете, позволяет избежать проблемы смешения. Впрочем, и он не обладает универсальностью, – лицо, которое не несет расходы или потери доходов, связанные с участием в деле не сможет претендовать на возмещение временных потерь. Одно лишь верно: универсальный механизм применения ст. 99 ГПК РФ на сегодня отсутствует.

Неудивительно, что суды крайне редко применяют компенсацию за потраченное время, в качестве инструмента по противодействию процессуальным злоупотреблениям. Мотивация судов вполне объяснима тем, что присужденная сумма компенсации будет носить слишком вероятностный характер, а потому возникает риск оспаривания решения, с его последующей отменой.

На текущий момент, перспектива применения ст. 99 ГПК РФ как механизма ответственности за недобросовестное процессуальное поведение вполне однозначна. По описанным выше причинам, без существенного реформирования содержания статьи, суды по-прежнему не будут её применять. В редких случаях, когда требования о компенсации будут удовлетворены, то её размер будет определяться по правилам расчета издержек.

Мы полагаем, что улучшить текущую ситуацию по правоприменению указанного института можно двумя последовательными способами. Первым способом будет перевод компенсации в категорию убытков, вызванных потерей времени из-за участия в судебном разбирательстве. При этом взыскание потери времени расценивается в качестве убытков вне зависимости от недобросовестного поведения другой процессуальной стороны. Вторым способом будет трансформация компенсации за потерю времени в полноценную санкцию за допущенные участником судопроизводства злоупотребления в процессе. Приведем ряд аргументов для подтверждения позиции.

Во-первых, как неоднократно указывал Конституционный суд РФ: «положения статьи 99 ГПК РФ направлены на предупреждение злоупотребления лицами, участвующими в деле, своими процессуальными правами и тем самым - на защиту прав добросовестных участников процесса» [5; 12]. То есть для института компенсации презюмируется роль меры процессуальной ответственности.

Во-вторых, по своей природе ст. 99 ГПК РФ является санкцией

за процессуальные злоупотребления, т.к. напрямую связана с содержанием

ст. 35 ГПК РФ, требующей от участников процесса добросовестного использования ими своих прав и выполнения возложенных на них обязанностей.

Помимо этого, если по-прежнему рассматривать ст. 99 ГПК РФ сугубо как издержки, появляется определенная категория споров, к которой нельзя применить положения статьи, даже при доказанности ненадлежащего процессуального поведения со стороны субъекта. Речь идёт о ст. 393 ТК РФ, которая освобождает от оплаты судебных расходов работника, если его требования вытекают из трудовых отношений. Работник-истец будет освобожден от судебных расходов вне зависимости от результатов рассмотрения дела и вне зависимости от добросовестного поведения или его отсутствия. Даже, если будет доказано, что работник подал неосновательный иск или регулярно не исполнял возложенные на него обязанности, положения ст. 99 ГПК РФ в контексте их понимания как издержек, на него распространятся не будут.

В-третьих, взыскание компенсации за потерю времени является универсальным средством для формирования надлежащего поведения участников при производстве по делу. Универсальность проявляется в том, что сценарий применения иных мер воздействия может быть ограничен в зависимости от конкретного вида судопроизводства. Кроме того, ст. 99 ГПК РФ, как санкция имеет материальную природу, а потому оказывает более стимулирующее воздействие, в отличие от средств процессуального воздействия, применимых более ограничено и порой не оказывающих на злоупотребляющее лицо нужного стимулирующего эффекта. Например, положение ч. 4 ст. 232.3 ГПК РФ, устанавливающей санкцию за предоставление доказательств суду при рассмотрении дела в порядке упрощенного производства, позже установленных им сроков. На примере этой статьи можно увидеть, во-первых, привяз-

ку санкции к конкретному виду разбирательства; во-вторых, вид ответственности, связан исключительно с невозможностью стороны ссылаться на документы, предоставленные позже срока, в качестве доказательств. То есть, связан исключительно с процессуальными последствиями и не подкреплен материальными потерями лица при допущенном им злоупотреблении.

В-четвертых, основным и наиболее ценным ресурсом в условиях современного, информационного общества является время. Поэтому видится обоснованным мнение А.А. Иванова о том, что взыскание убытков за потерю времени должно быть автоматическим или как минимум простым и быстрым, в такт все ускоряющейся жизни общества. Компенсация за фактическую потерю времени должна рассчитываться автоматически не только при разрешении вопроса об основаниях ее начисления, но и при расчете подлежащей выплате суммы. Следовательно, когда компенсация будет полноценно включена в состав убытков и будет автоматически присуждаться победившей стороне в споре, только тогда будет достигнута одна из целей существования ст. 99 ГПК РФ [13].

На основе изложенного, мы установили, что преобразование ст. 99 ГПК РФ должно происходить в двух направлениях. С одной стороны, как инструмента противодействия процессуальным злоупотреблениям. С другой – как способа противодействия процессуальным злоупотреблениям (санкции за недобросовестное поведение стороны в процессе). Чтобы хоть как-то реанимировать ст. 99 ГПК РФ, автор предлагает следующие решения:

1) Необходимо отделить компенсацию за фактическую потерю времени как разновидности судебных издержек от компенсации в качестве механизма противодействия процессуальным злоупотреблениям. Для этого можно воспользоваться тем построением нормы, который был предусмотрен ранее упомянутой ст. 46 ГПК РСФСР 1923 г. Следовательно, ст. 99 ГПК РФ можно изложить так, что основная часть статьи будет посвящена описанию компенсации за фактическую потерю времени как вида издержек, а примечание к статье будет содержать ответственность за злоупотребление процессуальными правами.

2) Указать методику исчисления размера компенсации. Предполагается, что присуждаться компенсация будет за потерянное время, как ресурс – автоматически тому участнику судопроизводства, что выиграл спор. При этом методика расчета должна основываться на среднем заработке работающего гражданина или работника юридического лица, если он представляет интересы этого юридического лица в суде. Для неработающих лиц необходимо, чтобы Правительством РФ была предусмотрена специальная методика расчета компенсации по аналогии с теми методиками, что содержаться в постановлении Правительства Российской Федерации от 01.12.2012 № 1240. Например, специальный расчет мог производиться по формуле, где величина регионального прожиточного минимума делилась на количество дней судебного разбирательства, а полученный результат умножался на количество заседаний разных уровней в которых лицо принимало участие.

3) Безусловно нужно определить механизм работы компенсации как способа противодействия процессуальным злоупотреблениям. Для этого предлагается в примечании к ст. 99 ГПК РФ предусмотреть специальную судебную неустойку. Если говорить о размере судебной неустойки, то с учетом нестабильного экономического положения во всем мире, инфляционные издержки могла бы покрыть неустойка в размере 0,1% за один день судебного заседания. Такой размер неустойки признается среднерыночным в деловой практике и не является излишне завышенным, позволяет стимулировать участников судебного разбирательства к добросовестному поведению. Подобное мнение подтверждается в том числе судебной практикой [14; 15].

Предусмотреть отдельной статьей критерии, определяющие признаки процессуальных злоупотреблений или формы их проявлений весьма проблематично. Злоупотреблений много и их характер разнится от стадии процесса, статуса процессуального участника и в конечном итоге от уровня развития общества. Поэтому невозможно (и в целом бессмысленно) пытаться охватить одной или несколькими статьями всевозможные процессуальные злоупотребления. Объективно говоря, такая задача должна разрешаться на уровне актов Верховного Суда РФ, но никак не в процессуальном законе. Поэтому автор не представляет возможным в будущей редакции ст. 99 ГПК РФ предусмотреть полноценный механизм определения критериев процессуальных злоупотреблений.

С учетом приведенных предложений, ст. 99 ГПК РФ в новой редакции можно было бы изложить следующим образом:

«1. Сторона, в пользу которой вынесено решение суда вправе получить с проигравшей стороны компенсацию за фактическую потерю времени, связанную с участием в судебном разбирательстве (компенсация). Указанная компенсация подлежит взысканию сверх обычно возмещаемых судебных расходов.

2. Размер компенсации определяется исходя из размера среднего заработка стороны (гражданина или работника юридического лица) в пользу которой вынесен итоговый судебный акт по делу.

В случае если гражданин не состоит в трудовых отношениях размер компенсации определяется, исходя из действующей на момент рассмотрения дела величины прожиточного минимума в перерасчете на количество дней участия в судебных заседаниях. Порядок и размеры компенса-

ции в данном случае устанавливаются Правительством Российской Федерации.

3. Третьи лица, не заявляющими самостоятельных требований относительно предмета спора могут получить компенсацию, в соответствии с ч. 1 настоящей статьи по правилам, предусмотренным гл. 7 ГПК РФ.

Примечание

1. По мотивированному заявлению лица, участвующего в деле, с другого участника судебного разбирательства, злоупотребляющего своими процессуальными правами и не выполняющим своих процессуальных обязанностей, суд может взыскать судебную неустойку в пользу лица, сделавшего такое заявление.

2. Судебная неустойка подлежит взысканию в том случае, если допущенный виновным лицом характер процессуального злоупотребления мог привести к срыву судебного заседания, затягиванию судебного процесса, воспрепятствованию рассмотрения дела, принятию законного и обоснованного судебного акта, нарушению процессуальных прав остальных участников процесса.

3. Не зависимо от результатов рассмотрения дела и с учетом характера, допущенного виновным лицом процессуального злоупотребления, суд вправе присудить неустойку в размере, –

пяти процентов от суммы исковых требований или в размере одной десятой процента от суммы исковых требований за каждый день судебного разбирательства, начиная с момента принятия судом искового заявления к производству и до момента принятия судом окончательного судебного акта по делу, но не более пяти процентов.

В случае, если содержащиеся в исковом заявлении требования не подлежат имущественной оценке, то судебная неустойка присуждается исходя из размера государственной пошлины, установленной для данной категории дел.

4. В случае, если допущенное лицом процессуальное злоупотребление явно несоразмерно наступившим негативным последствиям для других участников процесса или правосудия, то размер неустойки может быть уменьшен судом, исходя из принципов соразмерности и справедливости».

Список литературы:

[1] Зайков Д. Е. Компенсация за фактическую потерю времени: некоторые проблемы правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. — 2023 — Т. 18 — № 9 — С. 103–111.

[2] Иванов А.А. Компенсация за потерю времени в материальном гражданском праве. Часть 2. // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2025/4/24/kompensaciya_za_poteryu_vremeni_v_materialnom_grazhdanskom_prave_chast_2 (дата обращения 12.02.2026).

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194054/?ysclid=maxp8rvv7b700914017 (дата обращения 12.02.2026).

[4] Решение Новгородского районного суда Новгородской области от 08.07.2020 по делу № 2-3133/20. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/4WqprBocIDYC/?ysclid=mnp0rpgaij297171582 (дата обращения 10.01.2026).

[5] Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2022 № 3378-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фролова Михаила Вячеславовича на нарушение его конституционных прав статьей 99 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». // ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27122022-n-3378-o/?ysclid=maxq8afq9c9272151 (дата обращения 10.01.2026).

[6] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 12.04.2016 по делу № 33-6352/2016. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RASVR&n=96134&ysclid=mawey7jrjx73358405#ggfcjlU8IBOdhbS81 (дата обращения 10.01.2026).

[7] Ошуева В.В. К вопросу о компенсации за фактическую потерю времени // Право и практика. 2024. № 4. С. 171-177.

[8] Решение Ленинского районного суда г. Владимира от 28.08.2019 по делу № 2-1874/2019. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Q5KIiVYwWjoJ/ (дата обращения 10.01.2026).

[9] Апелляционное определение Московского городского суда от 14.01.2020 по делу № 33-173/2020. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1242214&cacheid=2BFEE24BBA359932DC1C0EAA0C11E812&mode=splus&rnd=SbNSrlUWIBgMkTw81#RNPSrlUeylr759c81 (дата обращения 10.01.2026).

[10] Решение Новгородского районного суда Новгородской области от 19.10.2020 по делу № 2-3895/2020. // Новгородский районный суд Новгородской области. URL: https://novgorodski--nvg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=99297055&case_uid=3ed4337a-bdb8-4815-b52e-9bbcd7df3b88&delo_id=1540005 (дата обращения 12.02.2026).

[11] Егоркин С. Н. Почему суды не взыскивают компенсацию за потерю времени // Дело из моей практики. // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2023/1/13/pochemu_sudy_ne_vzyskivayut_kompensaciyu_za_poteryu_vremeni__delo_iz_moej_praktiki (дата обращения 12.02.2026).

[12] Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1666-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нефедова Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 98, статьей 99 и частью первой статьи 100 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». // ЮИС Легалакт. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-18072017-n-1666-o/?ysclid=mayo9th6fr817664012 (дата обращения 10.03.2026).

[13] Иванов А.А. Компенсация за потерю времени в материальном гражданском праве. Часть 3. // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2025/04/25/kompensaciya_za_poteryu_vremeni_v_materialnom_grazhdanskom_prave_chast_3 (дата обращения 10.03.2026).

[14] Определение Высшего Арбитражного суда РФ от 25.12.2013 № ВАС-18721/13 по делу № А75-10268/2012. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=371277&ysclid=mnozfo1taf570341107#gobJ8GVMpMaGrgEn (дата обращения 10.03.2026).

[15] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.01.2023 № Ф04-7506/22 по делу № А27-2779/2021. // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8031568a-60b6-4118-81dd-96a86e7ab9ab/9cc3052a-c9ea-470b-85e6-8b3bb5d52361/A27-2779-2021_20230118_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 10.03.2026).

References:

[1] Zaykov D. E. Compensation for Actual Loss of Time: Some Problems of Law Enforcement Practice // Current Problems of Russian Law. - 2023 - Vol. 18 - No. 9 - Pp. 103-111.

[2] Ivanov A. A. Compensation for Loss of Time in Substantive Civil Law. Part 2. // Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2025/4/24/kompensaciya_za_poteryu_vremeni_v_materialnom_grazhdanskom_prave_chast_2 (date of access 12.02.2026).

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.01.2016 No. 1 «On Certain Issues of the Application of Legislation on Reimbursement of Costs Associated with the Consideration of a Case». // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194054/?ysclid=maxp8rvv7b700914017 (accessed 12.02.2026).

[4] Decision of the Novgorod District Court of the Novgorod Region dated 08.07.2020 in case No. 2-3133/20. // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/4WqprBocIDYC/?ysclid=mnp0rpgaij297171582 (accessed 10.01.2026).

[5] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.12.2022 No. 3378-O «On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Mikhail Vyacheslavovich Frolov regarding the violation of his constitutional rights by Article 99 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation». // UIS Legalact. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27122022-n-3378-o/?ysclid=maxq8afq9c9272151 (date of access 10.01.2026).

[6] Appellate ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Sverdlovsk Regional Court of 12.04.2016 in case No. 33-6352/2016. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RASVR&n=96134&ysclid=mawey7jrjx73358405#ggfcjlU8lBOdhbS81 (accessed 10.01.2026).

[7] Oshueva V.V. On the Issue of Compensation for Actual Loss of Time // Law and Practice. 2024. No. 4. pp. 171-177.

[8] Decision of the Leninsky District Court of Vladimir dated 28.08.2019 in case No. 2-1874/2019. // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Q5KIiVYwWjoJ/ (accessed 10.01.2026).

[9] Appellate ruling of the Moscow City Court dated January 14, 2020, in case No. 33-173/2020. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1242214&cacheid=2BFEE24BBA359932DC1C0EAA0C11E812&mode=splus&rnd=SbNSrlUWlBgMkTw81#RNPSrlUeyIr759c81 (accessed January 10, 2026).

[10] Decision of the Novgorod District Court of the Novgorod Region dated October 19, 2020, in case No. 2-3895/2020. // Novgorod District Court of Novgorod Region. URL: https://novgorodski--nvg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=99297055&case_uid=3ed4337a-bdb8-4815-b52e-9bbcd7df3b88&delo_id=1540005 (accessed 12.02.2026).

[11] Egorkin S. N. Why the courts do not collect compensation for loss of time // A case from my practice. // Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2023/1/13/pochemu_sudy_ne_vzyskivayut_kompensaciyu_za_poteryu_vremeni__delo_iz_moej_praktiki (date of access 12.02.2026).

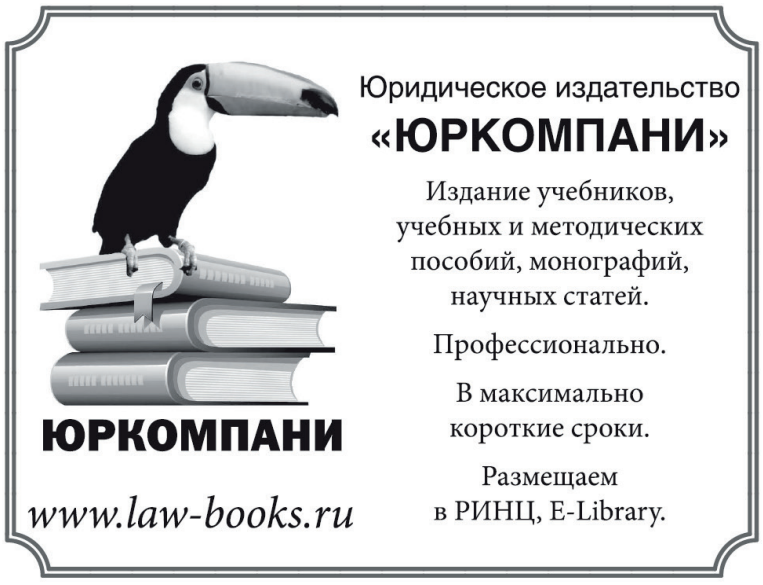
[12] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.07.2017 No. 1666-O «On the

refusal to accept for consideration the complaint of citizen Andrei Yuryevich Nefedov regarding the violation of his constitutional rights by part one of Article 98, Article 99 and part one of Article 100 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation.» // UIS Legalakt. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-18072017-n-1666-o/?ysclid=mayo9th6fr817664012 (accessed March 10, 2026).

[13] Ivanov, A.A. Compensation for Loss of Time in Substantive Civil Law. Part 3. // Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2025/04/25/kompensaciya_za_poteryu_vremeni_v_materialnom_grazhdanskom_prave_chast_3 (accessed March 10, 2026).

[14] Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 25.12.2013 No. VAS-18721/13 in case No. A75-10268/2012. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=371277&ysclid=mnozfo1taf570341107#gobJ8GVMpMaGrgEn (date of access 10.03.2026).

[15] Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 18.01.2023 No. F04-7506/22 in case No. A27-2779/2021. // Arbitration Case File. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8031568a-60b6-4118-81dd-96a86e7ab9ab/9cc3052a-c9ea-470b-85e6-8b3bb5d52361/A27-2779-2021_20230118_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (accessed 10.03.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 27.05.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-81-87**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

ПУТРЕНКО Андрей Николаевич,
доцент кафедры
«Гражданское право и процесс»,
ФГАОУ ВО «Севастопольский
государственный университет»,
Севастополь, Россия,
e-mail: anputrenko@mail.sevsu.ru

БАШТОВОЙ Сергей Вячеславович,
ассистент кафедры
«Гражданское право и процесс»,
ФГАОУ ВО «Севастопольский
государственный университет»,
Севастополь, Россия,
e-mail: svbashtovoy@mail.sevsu.ru

ПРИХОДЬКО Ольга Андреевна,
студентка 2-курса магистратуры
Юридического института
ФГАОУ ВО «Севастопольский
государственный университет»,
Севастополь, Россия,
e-mail: Atlanticdance03@gmail.com

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ О РЕСТИТУЦИИ

АННОТАЦИЯ. В настоящее время участниками гражданского оборота заключается большое количество сделок, однако многие из них могут быть признаны недействительными со всеми предусмотренными в этом случае законодательством последствиями. В этой связи повышенный интерес для научного исследования приобретает понятие и природа реституции, представляющая собой ту структурную единицу, без существования которой институт недействительности сделок не обладал бы своей последовательностью и логической завершенностью. За широкой в этом смысле трактовкой реституции, согласно которой сторонам предписывается возвратить друг другу все полученное по сделке, остается большой массив практических вопросов, возникающих в реальной судебной практике. Именно этим фактом и объясняется актуальность темы, которая в условиях динамичного функционирования гражданского оборота и рыночной экономики, сегодня настоятельно требует детального и подробного научного изучения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: реституция, недействительность сделки, судебные споры, взаимная природа реституционных обязанностей, односторонняя реституция, недопущение реституции.

PUTRENKO Andrey Nikolaevich,
Associate Professor, Department of
Civil Law and Procedure,
Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia

BASHTOVOY Sergey Vyacheslavovich,
Assistant Professor, Department of
Civil Law and Procedure,
Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia

PRIKHODKO Olga Andreyevna,
Second-year Master's Student,
Institute of Law, Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia

ACTUAL PROBLEMS OF THE APPLICATION OF LEGAL NORMS ON RESTITUTION

ANNOTATION. Currently, a large number of transactions are concluded by participants in civil turnover, however, many of them may be declared invalid with all the consequences provided for by law in this case. In this regard, the concept and nature of restitution, which is the structural unit without which the institution of transaction invalidity would not have its consistency and logical completeness, is of increased interest to scientific research. The broad interpretation of restitution in this sense, according to which the parties are ordered to return to each other everything received under the transaction, leaves a large array of practical issues that arise in real judicial practice. This fact explains the relevance of the topic, which, in the context of the dynamic functioning of civil turnover and the market economy, today urgently requires detailed and detailed scientific study.

KEY WORDS: restitution, invalidity of the transaction, litigation, mutual nature of restorative duties, unilateral restitution, prevention of restitution.

Правовая категория «реституция» своим богатым историческим прошлым не уступает таким древним понятиям, как «право собственности», «обязательство» или «договор», однако порой несправедливо оказывается «в тени» последних, привлекая к себе меньшее внимание юристов и историков. Однако без наличия правового института реституции было бы немыслимо применение последствий недействительности сделок, в связи с чем, оно должно заключать в себе не меньший научный интерес по отношению к изучению его правовой природы и сущности, в том числе в рамках исторического контекста. К тому же, по истине результативным и стремящемся к объективности может быть признано лишь то исследование, которое рассматривает то или иное явление или процесс в разрезе его эволюционных особенностей и исторических трансформаций.

Слово «реституция» происходит от латинского глагола "restituere", которой дословно понимается, как восстановление какого-либо объекта или состояния, возвращение чего-либо в исходное, ранее существовавшее положение.

Как и значительная часть правовых категорий и конструкций, встречающихся в правовых системах стран романо-германской правовой семьи, реституция уходит своими корнями в Римское право, признаваемое многими исследователями в области отечественной цивилистики фундаментом правовой науки в целом.

При анализе исторических источников обнаруживается, что исследуемая правовая конструкция подлежала употреблению как в более «общей» форме, например, означала возвращение вещи ("restituere rem") посредством виндикации, так и в более узком формате, предусматривая собой правовой институт преторского права ("in integrum restitutio"). Так, в последнем значении, реституция употребляется в четвертой книге Дигест Юстиниана, представляющей собой обширный сборник извлечений из трудов авторитетных римских юристов [13].

Изучение норм Дигест о возвращении в прежнее состояние (in integrum restitutio) показывает, что суть данной процедуры сводилась к аннулированию юридических последствий, порожденных определенным значимым событием — будь то истечение срока, вступившее в силу судебное решение или заключенное соглашение. Как верно отмечал Виндшейд, что главной особенностью механизма «in integrum restitutio» является возможность лишения юридического факта уже наступивших правовых результатов, а добиться которой можно исключительно посредством «отрицания произошедшего изменения» [4].

В этой связи, "in integrum restitutio" в определенной степени, стала исходным пунктом в процессе последовательного формирования учения о ничтожности и оспоримости сделок, воспринятого многими правовыми системами мира.

Продолжая анализ правового механизма реституции в контексте ее исторического пути, стоит обратить внимание на то, что каноническое право таких государств, как Франции, Германии, Нидерландов и других континентальных государств Европы, хоть и сохранило изначальную сущность исследуемого явления, тем не менее лишило его статуса исключительной правозащитной меры, превратив в стандартный способ защиты. При этом реституция использовалась главным образом для отмены судебных постановлений [11].

Исследуя место и роль реституции в отечественном гражданском праве, невозможно не обратиться к позициям русских правоведов на эволюционные особенности реституции, в контексте сменяющихся политических и общественных обстоятельств, определяющих «течение» всей правовой системы страны в целом.

Так, представитель цивилистической науки Д.

О. Тузов заявлял, что реституция в Российской Империи не является самостоятельным способом определения дальнейшей судьбы имущества, полученного по недействительной сделке, а играет скорее «вспомогательную» роль.

В двадцатом веке взгляды на реституцию менялись, начиная с 1918 года – периода, когда новая власть национализировала множество предприятий, принадлежащих частным лицам, а сам по себе институт частной собственности был отменен как таковой. В данный исторический отрезок недействительные сделки воспринимались буквально как «пережиток капитализма», в связи с чем большевистская власть стремилась устранить любые их негативные последствия. Социалистическая идеология проникла в каждую сферу общественной жизни, конечно, влияя и на ход судебных процессов, в которых судья обязан был применить реституцию вне зависимости от заявленных сторонами процесса требований друг друга, если речь шла о защите публичных интересов. Таким образом, реституция приобретала публично-правовые черты, отражая сущность общественной жизни и основы правопорядка советской России начала двадцатого века.

В период НЭПа, с принятием 23 ноября 1920 года Декрета «Об общих экономических и юридических условиях концессий», наступил новый период эволюции реституции. Согласно вышеуказанному акту, частные компании, в том числе, иностранные, получили право брать в советской России концессии, носившие реституционный характер. Реституции добивались и бывшие собственники национализированных в РСФСР предприятий, однако, отношение к частной собственности и «бизнесу», хоть и характеризующееся в определенной степени смягчением к последним, все же изменится лишь после смены политического курса страны. После окончания Великой Отечественной Войны международным сообществом был поставлен вопрос о реституции в отношении жертв нацизма, преимущественно евреев, неправомерно лишившихся своего имущества в ходе Второй мировой войны.

На наш взгляд логическим завершением тезиса о публично-правовой природе реституции служит мнение Т. И. Илларионовой. Она определяет реституцию как средство охраны правопорядка, которое восстанавливает имущественное положение, существовавшее у субъекта (или субъектов) до заключения сделки, причем независимо от того, соответствует ли это его актуальным интересам [6].

В 1990-е годы, после распада СССР, каждое государство постсоветского пространства пошло по своему пути, создавая собственное национальное законодательство, в том числе, гражданское, непосредственно регулирующее вопросы недействительности сделок. В Российской Федерации в 1994 году была принята первая часть Гражданского Кодекса, статья 167 которого отражает суть реституции. Современные юристы высказывают различные предложения относительно усовершенствования закрепленной в данной статье правовой нормы. Однако, законодатель считает представленную на сегодняшний день формулировку исчерпывающей и достаточной для корректного толкования и правоприменения.

Таким образом, можно наблюдать, как на институт реституции, как и на всякое правовое явление, подверженное влиянию многочисленных социокультурных, историко-политических и экономических факторов, менялись взгляды общества. Пройдя путь от института римского права до современного применения в гражданском праве Российской Федерации, реституция приобретала присущие ей характерные черты, ложащиеся в основу научных исследований отечественных и зарубежных юристов и по сей день. И несмотря на то, что в различных странах романо-германской, англо-саксонской и иных правовых семей подход к реституции отличен, все же можно говорить о стремлении к некой универсальной концепции «баланса» интересов и «справедливости» при применении реституции в каждом отдельно взятом правопорядке.

Стоит также подчеркнуть, что в современной отечественной юридической науке не прекращаются споры о том, какое место занимает реституция в системе имущественных отношений. Если обобщить существующие позиции относительно правовой природы этого института, можно выделить три основных взгляда:

1. Реституция представляет собой одну из форм кондикции (Ф.С. Хейфец и В.П. Шахматов);

2. Реституция – это комплексное правовое явление, которое в зависимости от конкретной ситуации способно проявлять свойства виндикации или кондикции (А. Г. Карапетов, Е.А. Суханов, Д.О. Тузов);

3. Реституция, виндикация и кондикция выступают как самостоятельные способы защиты (А.М. Джанаева, Л.А. Лушина, К.И. Скловский).

В рамках данного научного исследования представляется целесообразным придерживаться второй точки зрения, как более комплексной и объективной. На наш взгляд, сторонники рассмотренного подхода к пониманию правовой сущности реституции совершенно обоснованно исходят из того, что данное явление следует трактовать через призму двух элементов, образующих содержание требования о применении последствий недействительности сделки. В зависимости от конкретной правовой ситуации этими элементами выступают: реституция владения и компенсаторная реституция.

И действительно, компенсационная реституция должна применяться в случаях, при которых имущество невозможно вернуть в натуре в силу его утраты или повреждения, и где речь идет о выплате определенной денежной суммы, компенсации. В свою очередь, по отношению к объектам,

обладающим индивидуально-определенными характеристиками, таким как, объекты недвижимости, предметы искусства и антиквариата и так далее, применение компенсационной реституции затруднительно, в силу чего, суды при рассмотрении соответствующего дела также встречаются с немалым количеством практических вопросов. Некоторые из них одновременно сопряжены с неосновательным обогащением, вытекающим, например, из сдачи квартиры в аренду без законных на то оснований. Рассмотрение и анализ судебной практики в данном случае является важнейшим этапом научного и практико-ориентированного изучения недействительных сделок, многогранности феномена реституции, специфики реституционных отношений как таковых.

Исходя из положений ст. 166 ГК РФ, недействительной является сделка, которая по основаниям, предусмотренным законом, признана таковой судом или недействительна независимо от такого признания.

Сделка недействительна по основаниям, установленным законом, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка). Но вне зависимости от вида, недействительность сделки означает, что она не влечет юридических последствий, за исключением последствий, связанных с ее недействительностью (статья 167 ГК РФ). Таким образом, недействительная сделка – это сделка, которая была совершена, но ее стороны не достигли правового результата, на который она была быть направлена.

Так, Ф.С. Хейфец в своих работах делает вывод о том, что ничтожность сделки предполагает ее аннулирование, а возникшие правовые последствия – отрицательны, как и у всякого противоправного действия [12].

Сущность реституции раскрывается в пункте 2 статьи 167 ГК РФ, согласно которому, под реституцией следует понимать возвращение сторонами недействительной сделки друг другу полученного ими по такой сделке имущества или же компенсации стоимости полученного при невозможности его возврата в натуре. Тем самым, некоторые юристы справедливо замечают, что «реституция в одинаковой степени воздействует на участников сделки, не выделяя ни одного из них как правонарушителя и потерпевшего» [9]. Представленная выше норма практически дословно была заимствована из статьи 48 Гражданского Кодекса РСФСР 1964 года.

По справедливому замечанию Д.О. Тузова, одного из авторитетных представителей отечественной цивилистики, реституционное обязательство – это относительное имущественное правоотношение, обязывающее должника (получателя имущества или иного предоставления по недействительной сделке) вернуть это имущество кредитору либо при невозможности возврата – возместить его стоимость [10].

В научной литературе схожей позиции придерживается правовед Д.Н. Кархалев. По его мнению, реституционное охранительное правоотношение (также именуемое реституционным обязательством) представляет собой правовую связь, складывающуюся между сторонами уже исполненной, но недействительной сделки. Содержание данного правоотношения раскрывается через два элемента: с одной стороны — это охранительное правомочие требования возврата (реституции), с другой — охранительная обязанность контрагента по восстановлению первоначального имущественного положения. Указанная обязанность исполняется посредством возврата всего полученного по сделке, а если это невозможно — путем возмещения стоимости переданного имущества в денежной форме [7].

Реституция может применяется по инициативе стороны сделки, а в определенных случаях по инициативе третьего лица или даже самого суда. В частности, из анализа положений п. 4 ст. 167 ГК РФ следует, что суд вправе отказать в применении таких последствий, если это противоречит основам правопорядка и нравственности [5]. Подобная ситуация может сложиться, например, когда переданное по недействительной сделке имущество носит социально значимый характер, либо когда двусторонняя реституция способна привести к банкротству организации, играющей ключевую роль в экономике субъекта РФ. В каждом подобном случае суд оценивает возможность возврата полученного индивидуально, а судебная практика содержит многочисленные примеры, раскрывающие содержание этих исключений.

Помимо двусторонней реституции, возможны такие последствия недействительности сделки, как односторонняя реституция и недопущение реституции.

При односторонней реституции в исходное положение возвращается лишь контрагент, не признанный виновным в обстоятельствах, ставших основанием для недействительности сделки. Вторая же сторона не получает ничего, а полученное ей по соответствующей гражданско-правовой сделке взыскивается в доход государства. В данном случае справедливо говорить о некой санкции, функцию которой играет односторонняя реституция. Данная конструкция получила меньшее распространение в отличие от часто встречающейся двусторонней реституции, и в силу своих различий от последней, нуждается в дополнительном научном изучении.

Наглядным примером односторонней реституции является правовая норма, применяющаяся до внесения в Гражданской Кодекс России в 2013 году изменений, в рамках действия статьи 179 ГК РФ. Так, к сделкам, совершенным под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой или стечения тяжелых обстоятельств, применя-

лась односторонняя реституция.

Кроме того, односторонняя реституция применяется в том случае, когда сделка исполнена только одной стороной либо если в силу специфики сделки предоставление по ней является односторонним. Примером последнего могут послужить заем, ссуда, дарение. Так, при признании договора дарения недействительным, суд применяет одностороннюю реституцию, согласно которой одаряемый возвращает подаренную вещь дарителю. Однако здесь вновь всплывает ряд практических вопросов относительно утраты и гибели имущества, конкретной причины невозможности возврата соответствующего дара, или об удорожании вещи или результата оказанной услуги.

Наравне с односторонней реституцией, в науке гражданского права особое место занимает «недопущение реституции», согласно которому ни одна из сторон не восстанавливается в прежнем имущественном положении. Такая публично-правовая санкция применялась до 1 сентября 2013 года за совершение так называемых «антисоциальных» сделок по статье 169 ГК РФ [1].

Помимо этого, основанием для прекращения реституционного обязательства могут служить такие обстоятельства, как совпадение кредитора и должника в одном лице, а также смерть гражданина или ликвидация юридического лица (при условии отсутствия правопреемства) [8]. Противоположную позицию занимает Д.О. Тузов, который считает, что отказ в реституции фактически означает лишение участника недействительной сделки права на судебную защиту.

Представляется возможным разделить позицию Н.В. Рабинович, как более соответствующую объективной действительности гражданского оборота, в рамках которого действительно могут возникнуть указанные выше обстоятельства, в результате наступления которых «реституционная связь» между участниками правоотношений прерывается.

Итак, и односторонняя реституция, и «недопущение реституции», представляют собой важнейшие аспекты института реституции, заключают в себе немало правовых нюансов, в связи с чем, требуют большего внимания со стороны научного сообщества не только с точки зрения внесения ясности в рамках теоретического понимания вышеупомянутых юридических категорий, но и с позиции внесения практической пользы для участников гражданского оборота. Необходимость усиливается и динамичным внесением изменений в Гражданской Кодекс, а также увеличением количества реальных судебных дел, связанных с применением реституции в России.

Очевидной на сегодняшней день трудностью в правоприменении является ситуация, при которой в рамках двустороннего возврата всего полученного по сделке одна из сторон должна вернуть единственное жилье. Возвращение в исходное положение будет являться крайне затруднительным. Возможна и ситуация, при которой предмет признанной недействительной сделки утратил свою ценность, или же передано другому лицу, в частности, добросовестному приобретателю, и находится у него в собственности, в связи с чем затрагиваются его имущественные права и интересы.

Также в рамках научной работы, отдельно предлагается освятить практические вопросы о взаимности и синхронности исполнения решений суда, касающихся двусторонней реституции.

Ранее уже отмечалось, что двусторонняя реституция строится на началах взаимности. Если суд удовлетворяет иск одной стороны недействительной сделки о возврате полученного другой стороной, то одновременно он рассматривает и встречное требование: взыскать в пользу ответчика всё то, что получил истец. Исключение составляют случаи, когда законом предусмотрены другие последствия недействительности [3]. А если ответчик не просит суд о соответствующем взыскании, более того, такое перераспределение предмета недействительной сделки может произойти в разрез с его желанием и интересами?

Ряд исследователей в данном случае указывают на очевидное противоречие принципу диспозитивности, являющемуся одним из основополагающих начал гражданского права. Однако, небезосновательно считается, что в сложившейся ситуации баланс интересов играет первостепенное значение, и необходим для поддержания равновесия в рамках гражданского оборота, стабильности и устойчивости для участников гражданско-правовых отношений.

На наш взгляд взаимный характер реституции является своего рода проявлением идеи справедливости поскольку из смысла рассматриваемого правового механизма обе стороны сделки возвращают всё полученное по ней.

Однако на практике возникает проблема, связанная с синхронностью исполнения судебного акта. Сторона, которая по установленной очередности обязана вернуть имущество первой, нуждается в гарантиях того, что встречное предоставление (возврат переданного другой стороной) действительно последует. Достичь такой уверенности в реальных условиях удается далеко не всегда.

К примеру, изъятие земельного участка, приобретенного по недействительной сделке у нового собственника, не гарантирует оперативного возврата денег от продавца. Последний может их не вернуть в силу своего материального положения или иных объективных препятствий.

Аналогичное дело рассматривалось в одном из районных судов города Москвы, и судья принял решение о том, что предмет будет передан только после выплаты продавцом денег. Однако Верховный Суд РФ признал такой подход противоречащим пункту 2 статьи 167 ГК РФ, который

не предусматривает возможность определения очередности каждой из сторон недействительной сделки обязанности по возврату полученного имущества.

Правоприменительная проблематика вопроса о реализации механизма двусторонней реституции состоит в необходимости обеспечения гарантированной взаимности при возврате каждой из сторон друг другу всего полученного по сделке, поскольку исполнение одной из сторон своей обязанности по возврату имущества не обусловлено и не связано с исполнением другой стороной своей обязанности по возврату денежных средств либо иного имущества.

И действительно, при глубоком анализе возникающей на практике ситуации, в случае «разделения» обязанностей каждой из сторон по возврату всего полученного по сделке не исключено исчезновение того важнейшего критерия «взаимности», являющегося неотъемлемым элементом в части поддержания идеи справедливости реституции.

Ведь, если одна из сторон вернет полученное по сделке материальное благо в виде денег или какой-либо вещи, однако не сможет одновременно получить что-то взамен, теряется вся логика и весь смысл реституции как механизма справедливости и соблюдения баланса интересов сторон. В этой части юристы-практики высказывают немалое количество предложений относительно внесения изменений в гражданское законодательство, однако, до настоящего времени указанные инициативы остаются на стадии научной разработки и обсуждений в кругах юридического сообщества.

Также, говоря о проблемах и противоречиях, возникающих при применении правовых норм о реституции в судебной практике, стоит отметить трудности, возникающие при передаче индивидуально-определенной вещи при реституции. Так, «в тени» до сих пор остаются вопросы, касающиеся выявления недостатков данной вещи. В случае отказа в ее принятии противоположной стороной, судебный пристав-исполнитель оканчивает исполнительное производство и возвращает исполнительный лист взыскателю по причине невозможности исполнения [2].

В результате анализа трудов представленных в данной научной работе правоведов, законодательства и судебной практики представляется возможным сделать вывод о том, что реституция – это важнейший гражданско-правовой институт, правовое средство реализации одного из основных принципов гражданского права – «восстановления первоначального положения».

Судебная практика в отношении применения реституции как основного последствия недействительности сделок складывается довольно неоднозначно, до сих пор имеется обширный пласт вопросов, требующих более детального и объективного понимания данного института – с целью урегулирования многочисленных нюансов, возникающих при применении реституции в отечественном правовом поле.

Данная научная работа «подсветила» вышеуказанные проблемные аспекты, соотнесла их между собой, обращаясь к примерам из судебной практики, проанализировала истоки возникновения реституции и её правовую природу, что, в свою очередь, необходимо для комплексного изучения данного правового института.

Таким образом, теоретическое и практическое изучение института реституции – перспективное направление для научного исследования, способное обеспечить более глубокое, научно-обоснованное, логически выверенное понимание последствий недействительности сделок, способствующая усовершенствованию отечественного гражданского законодательства в данной сфере.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 08.03.2026).

[2] Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева» от 21.04.2003 №6-П // Собрание законодательства РФ. – 2003. – N° 17. – Ст. 1657.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N° 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 08.03.2026).

[4] Виндшейд. Учебник пандектного права. Т. 1. Общая часть. СПб., 874. § 114. 375 с.

[5] Гончарова В.А. Защита прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки по гражданскому праву Российской Федерации: Дис. ... канд.юрид. наук. Томск, 2019. 388 с.

[6] Илларионова Т. И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер: учеб. пособие / отв. ред. Кириллова М. Я. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1980. 276 с.

[7] Кархалев Д.Н. Реституционное охранительное правоотношение. Налоги. 2009. № 27 // Вестник Воронежского государственного университета. 2012. № 1(12). С. 337-349.

[8] Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1960. 322 с.

[9] Синицын С.А. Реституционные правоотношения: понятие, содержание, проблемы классификации// Юрист. 2015. №12. С. 34.

[10] Тузов Д.О. Реституция в гражданском праве: дис. … канд. юрид. наук. Томск, 1999. С. 81–82.

[11] Тузов Д. О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007. 602 с.

[12] Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву / Ф.С. Хейфец. - М., 2001. 109 с.

[13] Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. Т. II. М., 1998. 480 с.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on July 31, 2025, as amended on March 25, 2026) // SPS «Consultant Plus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed on March 8, 2026).

[2] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation «On the case of verifying the constitutionality of the provisions of paragraphs 1 and 2 of Article 167 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens O.M. Marinicheva, A.V. Nemirovskaya, Z.A. Sklyanova, R.M. Sklyanova and V.M. Shiryaev» of April 21, 2003 No. 6-P // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2003. – No. 17. – Art. 1657.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015, No. 25 «On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation» // SPS «Consultant Plus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (accessed: March 8, 2026).

[4] Windscheid. Textbook of Pandect Law. Vol. 1. General Part. St. Petersburg, 874. § 114. 375 p.

[5] Goncharova V.A. Protection of the Rights and Legally Protected Interests of Participants in an Invalid Transaction under the Civil Law of the Russian Federation: Diss. ... Cand. Sci. (Law). Tomsk, 2019. 388 p.

[6] Illarionova T. I. The Mechanism of Action of Civil-Law Protective Measures: A Textbook / Ed. Kirillova M. Ya. Sverdlovsk: Ural University Publishing House, 1980. 276 p.

[7] Karkhalev D. N. Restitutionary Protective Legal Relationship. Taxes. 2009. No. 27 // Bulletin of Voronezh State University. 2012. No. 1(12). Pp. 337-349.

[8] Rabinovich N. V. Invalidity of Transactions and Its Consequences. L.: Leningrad University Publishing House, 1960. 322 p.

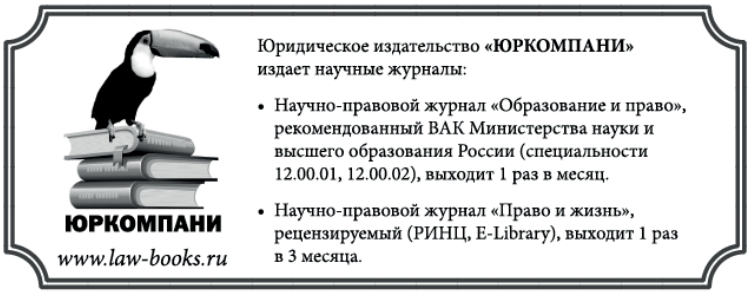
[9] Sinitsyn S. A. Restitutionary Legal Relationships: Concept, Content, Classification Issues // Jurist. 2015. No. 12. P. 34.

[10] Tuzov D.O. Restitution in Civil Law: Dis. … Cand. of Law. Tomsk, 1999. Pp. 81–82.

[11] Tuzov D.O. Theory of Invalidity of Transactions: The Experience of Russian Law in the Context of the European Legal Tradition. Moscow: Statut, 2007. 602 p.

[12] Kheifets F.S. Invalidity of Transactions under Russian Civil Law / F.S. Kheifets. - Moscow, 2001. 109 p.

[13] Zweigert K., Kötz H. Introduction to Comparative Law in the Sphere of Private Law: In 2 vols. Vol. II. Moscow, 1998. 480 p.



Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-88-92**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

САХАЦКАЯ Анна Сергеевна,
студентка,
Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы
МЧС России им. Героя Российской Федерации
Генерала армии Е.Н. Зиничева,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
МОИСЕЕНКО Михаил Иванович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного права и процесса,
Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы
МЧС России им. Героя Российской Федерации
Генерала армии Е.Н. Зиничева,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРИОБРЕТАТЕЛЬНАЯ ДАВНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу проблем правоприменения института приобретательной давности, закрепленного в статье 234 Гражданского кодекса Российской Федерации. Также исследуется двойственная правовая природа данного механизма, направленного на стабилизацию имущественного оборота и преодоление неопределенности между фактическим владением и юридическим титулом. Особое внимание уделяется сложностям судебного толкования оценочных критериев давностного владения: добросовестности, открытости, непрерывности и владения имуществом «как своим собственным». На основе анализа правовых позиций Верховного Суда РФ рассматриваются типичные ошибки нижестоящих судов при исчислении сроков давности и оценке доказательств, а также обосновывается тезис о равенстве субъектов гражданского права при возникновении права собственности на земельные участки в силу давностного владения. Делается вывод о необходимости дальнейшей конкретизации правовых критериев для обеспечения единообразия судебной практики и защиты интересов добросовестных владельцев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: приобретательная давность, вещное право, добросовестность владения, открытость владения, непрерывность владения, владение как своим собственным, судебная практика, земельные участки, статья 234 ГК РФ.

SAKHATSKAYA Anna Sergeevna,
student,
Saint Petersburg University of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia
named after Hero of the Russian Federation
General of the Army E.N. Zinichev

Academic Supervisor:
MOISEENKO Mikhail Ivanovich,
Candidate of Law,
Associate Professor, Department of Administrative Law and Procedure,
Saint Petersburg University of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia
named after Hero of the Russian Federation
General of the Army E.N. Zinichev

STATUTE OF LIMITATIONS: APPLICATION ISSUES

ANNOTATION. The article is devoted to the analysis of the problems of law enforcement of the institution of the statute of limitations, enshrined in Article 234 of the Civil Code of the Russian Federation. The article also examines the dual legal nature of this mechanism aimed at stabilizing property turnover and

overcoming uncertainty between actual ownership and legal title. Special attention is paid to the complexities of judicial interpretation of the evaluation criteria of prescription ownership: good faith, openness, continuity and ownership of property «as one's own». Based on the analysis of the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, the typical errors of lower courts in calculating the statute of limitations and evaluating evidence are considered, and the thesis on the equality of subjects of civil law in the emergence of ownership of land due to prescription ownership is substantiated. It is concluded that it is necessary to further specify the legal criteria to ensure the uniformity of judicial practice and protect the interests of bona fide owners.

KEY WORDS: statute of limitations, property law, good faith of ownership, openness of ownership, continuity of ownership, ownership as one's own, judicial practice, land plots, Article 234 of the Civil Code of the Russian Federation.

Приобретательная давность, закреплённая в статье 234 Гражданского кодекса Российской Федерации, представляет собой важный институт вещного права, позволяющий лицу, не являющемуся собственником имущества, приобрести право собственности при соблюдении ряда условий. Этот механизм призван стабилизировать имущественные отношения, вовлекать в оборот фактически невостребованные объекты и защищать интересы лиц, длительное время добросовестно владеющих чужим имуществом.

На практике применение приобретательной давности нередко сопряжено с существенными сложностями. Несмотря на чёткость законодательных формулировок, суды сталкиваются с неоднозначностью в толковании ключевых понятий — добросовестности, открытости, непрерывности владения, а также с трудностями доказывания соответствующих обстоятельств. Особую остроту приобретают вопросы определения момента начала течения срока приобретательной давности и установления факта фактического устранения титульного собственника от владения.

Российская система государственной регистрации прав на недвижимое имущество намного моложе английской. Первый закон о государственной регистрации начал действовать лишь в 1998 г. Это объясняется тем, что в период действия советской власти большая часть недвижимости могла находиться только в собственности государства и фактически была исключена из оборота. В Российской империи с середины XIX в. велась работа над Вотчинным уставом, который должен был ввести регистрационную («вотчинную») систему. Его проект был внесён в Государственную думу в начале XX в., но так и не стал законом. Идеи, высказанные в литературе в связи с его подготовкой, до сих пор не утратили актуальности [1].

В настоящее время приобретательной давности посвящена ст. 234 ГК РФ, в соответствии с которой лицо - гражданин или юридическое лицо, не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет либо иным имуществом в течение пяти лет, приобретает право собственности на это имущество.

С правовой точки зрения приобретательная давность сочетает в себе элементы как фактического состояния (владения), так и юридического механизма трансформации этого состояния в право собственности. Это обусловливает её двойственную природу: с одной стороны, она направлена на защиту устойчивых фактических отношений, с другой — на формирование законного титула.

Рассматривая институт приобретательной давности, следует отметить, что понимание приобретательной давности лишь в виде одного из многочисленных способов возникновения права собственности было бы ошибочным. Основная цель и назначение института давностного владения – это преодоление неопределенности отношений в сфере имущественного оборота в ситуации резкого разделения между владением-фактом и владением-правом [2].

Для рассмотрения заявленной темы нельзя не упомянуть о таком важном документе, как постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее – Постановление № 10/22) [3].

Основные проблемы применения института приобретательной давности можно выделить несколько: проблема доказывания добросовестности, момент начала течения срока давности, владение как своим: проблема квалификации, открытость владения и её критерии, непрерывность владения и её пределы, а также применение к недвижимому имуществу.

В свете рассматриваемой проблемы необходимо охарактеризовать понятие «добросовестность владения». В абз. 3 п. 15 Постановления № 10/22 разъясняется, что давностное владение можно считать добросовестным, когда субъект, вступая во владение, не знал и не должен был знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности.

Добросовестность может являться критерием возможности защиты прав, что вытекает из положений п. 3 ст. 10 ГК РФ. Представляется правильным говорить о добросовестности владения применительно к приобретательной давности как к презумпции.

Категории «открытость» и «непрерывность владения» раскрываются в п. 15 Постановления № 10/22. Открытое владение имеет место в случаях, когда субъект не скрывает от окружающих факт нахождения у него вещи. Давностное владение будет считаться непрерывным, если оно существовало в течение всего давностного срока. Временная утрата владения спорным имуществом, передача давностным владельцем вещи во временное владение третьих лиц перерывом давностного владения не считается.

Понятие «владение имуществом как своим собственным» предполагает следующее: осуществление владения не по договору; добросовестность, открытость; бремя содержания и охрану имущества, уплату налогов на имущество; субъективное восприятие окружающими, владение от своего имени; извлечение полезных свойств из имущества [4].

Различные варианты давностного владения могут быть связаны с приобретением имущества от неправомочного отчуждателя, изготовлением вещей из чужих материалов вступлением в наследство посредством использования вещей из наследственной массы и т.д. Во всех этих случаях субъект должен иметь твердую убежденность в том, что он не нарушает чьих-либо прав [5].

Вопросы приобретения права собственности на недвижимость, а особенно на земельные участки, всегда вызывали наибольший интерес правоприменителей, ученых и простых граждан. Одним из наиболее сложных и дискуссионных оснований возникновения права собственности на землю является приобретательная давность.

Специфичность норм, регулирующих признание прав собственности на землю в силу приобретательной давности, порождает ряд проблем в их применении на практике, чем и объясняется актуальность данной научной статьи. В связи с чем, изучение и уточнение некоторых вопросов, связанных с практической значимостью темы востребованы в науке гражданского и земельного права.

Так, Верховный Суд РФ рассмотрел дело по иску ФИО1 о признании права собственности на гараж и встречному иску министерства о сносе гаража как самовольной постройки.

ФИО1 указала, что гаражом с 1986 года пользовались её отец и она сама открыто и добросовестно, однако оформить право собственности невозможно из-за утраты документов. Министерство потребовало снести гараж, считая его самовольной постройкой.

Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций отказали ФИО1 и обязали снести гараж за её счёт. Верховный Суд установил, что: гараж существует длительное время и является капитальным строением; имеются документы (инвентарные планы, техпаспорт), подтверждающие его наличие; участок находится в зоне, где размещение гаражей допускается; ФИО1 ссылалась на приобретение гаража её отцом в 1986 году; доводы о законности постройки и приобретательной давности судами должным образом не оценены; суды не дали полной правовой оценки доказательствам и доводам сторон; при признании постройки самовольной не указан срок сноса.

Верховный Суд пришёл к выводу о существенных нарушениях норм процессуального права, повлиявших на исход дела. Решения нижестоящих судов отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции [6].

Так же рассмотрим например, Верховный Суд РФ, № 4-КГ25-86-К1, определение от 31 марта 2026 г. ФИО1, ФИО2, ФИО3 обратились в суд с иском к администрации городского округа Щёлково Московской области об установлении границ земельного участка и признании права собственности на него в порядке приобретательной давности (по 1/3 доли), являясь правопреемниками ФИО5 (умер в 2014 г.) и его супруги ФИО6 (умерла в 2022 г.), которые с 1995 года открыто и непрерывно владели спорным участком. Решением Щёлковского городского суда Московской области от 27 марта 2024 г. иск удовлетворён частично: установлены границы участка по варианту №3 экспертизы (площадью 600 кв.м), признано право общей долевой собственности в порядке приобретательной давности по 1/3 доли за каждым.

Апелляционным определением Московского областного суда от 25 сентября 2024 г. решение отменено, в иске отказано. Определением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15 мая 2025 г. апелляционное определение оставлено без изменения. Верховный Суд РФ отменил апелляционное и кассационное определения и оставил в силе решение суда первой инстанции, указав на существенные нарушения:

- суд апелляционной инстанции проигнорировал доказательства законного владения (участок предоставлен ФИО7 в 1995 г., затем передан ФИО5, который оплачивал налог с 1997 г. и был указан правообладателем в ЕГРН);
- вывод о невозможности приобретения по давности земельных участков, находящихся в государственной/муниципальной собственности, противоречит Конституции РФ и принципу равенства субъектов гражданского права;
- неправильно исчислен срок приобретательной давности: не с момента смерти правопредшественника (10 лет), а с 1995 года с присоединением времени владения предыдущего владельца (п. 3 ст. 234 ГК РФ).

Нарушения суда апелляционной инстанции кассационный суд не исправил. Поскольку суд первой инстанции правильно установил обстоятельства и применил нормы права, его решение оставлено в силе [7].

Подводя итоги данной статьи, сделаем вывод, что институт приобретательной давности, закреплённый в статье 234 ГК РФ, является не-

обходимым и востребованным механизмом стабилизации имущественного оборота, однако его практическое применение сопряжено с существенными трудностями, порождаемыми оценочным характером ключевых правовых категорий.

Основной круг проблем сконцентрирован вокруг доказывания добросовестности, открытости и непрерывности владения, а также квалификации владения «как своим собственным». Несмотря на разъяснения, данные в Постановлении Пленумов ВС РФ и ВАС РФ № 10/22, в судебной практике сохраняется неоднозначность в толковании этих критериев, что нередко приводит к отказу в защите прав фактических владельцев. Особую сложность представляет определение момента начала течения срока давности и возможность присоединения времени владения правопредшественников.

Рассмотренная судебная практика, включая правовые позиции Верховного Суда РФ, демонстрирует, что нижестоящие суды не всегда всесторонне оценивают доказательства длительного и непрерывного владения, формально подходят к установлению добросовестности, а также допускают ошибки в отношении возможности приобретения по давности земельных участков, находящихся в публичной собственности. Вместе с тем, Верховный Суд последовательно исправляет эти ошибки, подтверждая равенство субъектов гражданского права и недопустимость лишения добросовестных владельцев права на судебную защиту.

Таким образом, совершенствование правоприменительной практики видится в дальнейшей конкретизации критериев давностного владения, усилении гарантий защиты интересов добросовестных приобретателей и обеспечении единообразного толкования норм о приобретательной давности. Только при соблюдении баланса между защитой титульного собственника и стабильностью сложившихся фактических имущественных отношений институт приобретательной давности сможет в полной мере выполнять свою функцию по преодолению неопределённости в имущественном обороте.

Список литературы:

[1] Багаев В. А. Приобретение недвижимого имущества по давности владения по российскому и английскому праву: диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Багаев Владимир Ахсарович ; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. — Санкт-Петербург, 2016. — 228 с.

[2] Масалимова А.А. Институт приобретательной давности в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Правовое государство: теория и практика. 2016. №1 (43). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-priobretatelnoy-davnosti-v-rossiyskoy-federatsii-problemy-i-perspektivy-razvitiya (дата обращения 10.04.2026).

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100466/ (дата обращения 10.04.2026).

[4] Моисеенко М.И., Ракитина В.С. Купля-продажа жилого помещения в соответствии с российским законодательством/ Вестник Евразийской академии административных наук. 2025. № 1 (70). С 52 – 54.

[5] Герасимов А.В. К вопросу о приобретательной давности в свете новелл гражданского законодательства // Общество и право. 2020. №3 (73). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-priobretatelnoy-davnosti-v-svete-novell-grazhdanskogo-zakonodatelstva (дата обращения: 10.04.2026).

[6] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2026 г. № 14-КГ25-21-К1 по делу по иску ФИО1 к министерству имущественных и земельных отношений Воронежской области о признании права собственности на гараж, по встречному иску об устранении препятствий в пользовании земельным участком // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/r134z4evrHg1/ (дата обращения: 10.04.2026).

[7] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31 марта 2026 г. № 4-КГ25-86-К1 по делу по иску ФИО1, ФИО2, ФИО3 к администрации городского округа Щёлково Московской области об установлении границ земельного участка и признании права собственности на него в порядке приобретательной давности // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/9VhzLHSEs5gq/ (дата обращения: 10.04.2026).

References:

[1] Bagaev V. A. Acquisition of real estate by prescription under Russian and English law: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.03 / Bagaev Vladimir Akhsarovich; [Place of defense: St. Petersburg state University]. - St. Petersburg, 2016. - 228 p.

[2] Masalimova A. A. The Institute of Acquisitive Prescription in the Russian Federation: Problems and Development Prospects // Rule of Law: Theory and Practice. 2016. No. 1 (43). URL: https://cyberleninka.

ru/article/n/institut-priobretatelnoy-davnosti-v-rossiyskoy-federatsii-problemy-i-perspektivy-razvitiya (date of access 10.04.2026).

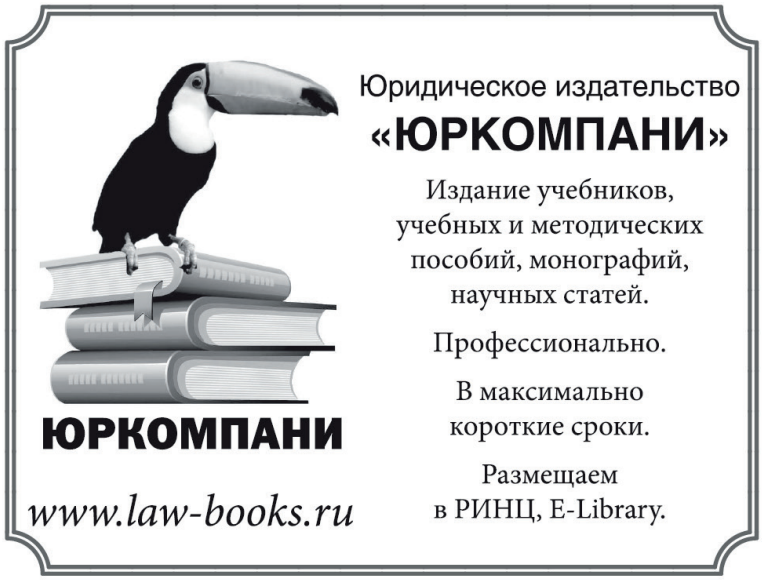
[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10, Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 22 of April 29, 2010 (as amended on December 12, 2023) «On Certain Issues Arising in Judicial Practice in Resolving Disputes Related to the Protection of Ownership Rights and Other Property Rights» // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100466/ (accessed April 10, 2026).

[4] Moiseenko M.I., Rakitina V.S. Purchase and Sale of Residential Premises in Accordance with Russian Legislation / Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. 2025. No. 1 (70). pp. 52–54.

[5] Gerasimov A.V. On the Issue of Acquisitive Prescription in Light of Amendments to Civil Legislation // Society and Law. 2020. No. 3 (73). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-priobretatelnoy-davnosti-v-svete-novell-grazhdanskogo-zakonodatelstva (Accessed: 10.04.2026).

[6] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 3, 2026 No. 14-KG25-21-K1 in the case of FULL NAME1 against the Ministry of Property and Land Relations of the Voronezh Region for recognition of ownership of a garage, on a counterclaim for the removal of obstacles to the use of a land plot // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (SudAkt). URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/r134z4evrHg1/ (date accessed: 10.04.2026).

[7] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 31, 2026 No. 4-KG25-86-K1 in the case on the claim of FULL NAME1, FULL NAME2, FULL NAME3 against the administration of the Shchyolkovo urban district of the Moscow region on establishing the boundaries of a land plot and recognizing ownership of it by way of acquisitive prescription // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (SudAkt). URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/9VhzLHSEs5gq/ (date accessed: 10.04.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-93-95**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

АДЖИЭМИРОВА Шерфие Серверовна,
студентка Крымского филиала
ФГБОУ ВО «РГУП имени В.М. Лебедева»,
Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПОЛИЦИИ: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОЙ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ И РЕАЛИЗАЦИИ

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье исследуется юридическая природа общественного контроля за деятельностью полиции. Анализируются законодательные и доктринальные подходы к определению данного понятия, выявляются проблемы нормативной неопределённости, связанные с отсутствием единого легального определения и чёткого механизма реализации контрольных полномочий. Рассматриваются субъекты общественного контроля, их полномочия и практические трудности, возникающие при осуществлении контрольных функций. Особое внимание уделяется формальному подходу со стороны руководителей территориальных органов внутренних дел и низкой правовой активности населения. На основе изученных источников формулируются предложения по совершенствованию нормативного регулирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общественный контроль, полиция, гражданское общество, общественные советы, общественные наблюдательные комиссии, нормативная определённость, правовое государство.

ADZHIEMIROVA Sherfiye Serverovna,
student, Crimean branch of the Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Printing Arts named after V.M. Lebedev»,
Simferopol, Russia

LEGAL NATURE OF PUBLIC CONTROL OVER POLICE ACTIVITIES: PROBLEMS OF NORMATIVE CERTAINTY AND IMPLEMENTATION

ANNOTATION. This article examines the legal nature of public control over police activities. Legislative and doctrinal approaches to defining this concept are analyzed, problems of normative uncertainty associated with the absence of a unified legal definition and a clear mechanism for implementing control powers are identified. The subjects of public control, their powers and practical difficulties arising in the exercise of control functions are considered. Special attention is paid to the formal approach on the part of heads of territorial internal affairs bodies and low legal activity of the population. Based on the studied sources, proposals for improving regulatory regulation are formulated.

KEY WORDS: public control, police, civil society, public councils, public monitoring commissions, normative certainty, rule of law.

Проблема формирования системы общественного контроля за деятельностью полиции непосредственно связана с решением задач по защите прав и свобод граждан. В.С. Бялт и С.Ю. Чимаров подчёркивают, что «институт общественного контроля имеет первостепенное значение с позиции реализации таких принципов деятельности полиции как открытость и публичность, а также общественное доверие и поддержка граждан» [1]. Однако, несмотря на законодательное закрепление этих принципов, юридическая природа общественного контроля остаётся недостаточно определённой. Я полагаю, что это создаёт серьёзные препятствия для его реального осуществления, поскольку без чёткого понимания сущности контроля невозможно выстроить работающий механизм взаимодействия общества и полиции.

В научной литературе отсутствует единое мнение относительно понятия «общественный контроль». Дискуссия ведётся как вокруг терминологии (соотношение понятий «общественный», «гражданский», «социальный» контроль), так и вокруг содержания этого института. Д.Ю. Болотов, проанализировав существующие подходы, предложил собственное определение: «общественный контроль за деятельностью полиции - это деятельность институтов гражданского общества,

отдельных граждан, заключающаяся в наблюдении, проверке и оценке деятельности полиции, её должностных лиц и принимаемых ими решений, направленная на обеспечение законности, реализацию и защиту прав и свобод человека и гражданина» [2]. На мой взгляд, данное определение удачно акцентирует деятельностный характер контроля и его целевую направленность на защиту прав. Однако оно не решает проблему нормативной определённости, поскольку законодатель не закрепил подобную дефиницию в профильных законах.

Действующее законодательство содержит разрозненные нормы, регулирующие общественный контроль. Основными субъектами контроля, согласно Федеральному закону «О полиции», являются граждане, общественные объединения, Общественная палата РФ, общественные наблюдательные комиссии и общественные советы при органах внутренних дел. М.А. Боева и А.С. Сергунова отмечают, что «в РФ действуют как государственно-общественные, так и гражданские формы организации общественного контроля за деятельностью полиции» [3]. Я считаю, что такое разделение форм создаёт дополнительные сложности, поскольку государственно-общественные формы (например, общественные советы) формируются с участием государства и могут не обладать необходимой независимостью, а гражданские формы (инициативные объединения граждан) зачастую не имеют чётко прописанных полномочий.

Отдельного внимания заслуживают общественные наблюдательные комиссии (ОНК). Как указывает И.В. Ковалева, «Общественные наблюдательные комиссии - уникальный инструмент общественного контроля и важнейшее приобретение гражданского общества не только в российском, но и в международном масштабе» [4]. Однако, по моему убеждению, уникальность этого инструмента пока не подкреплена достаточной нормативной базой. Процедура формирования ОНК, как справедливо замечает автор, имеет ряд уязвимых мест: ограниченный круг организаций, имеющих право выдвигать кандидатов, жёсткие сроки проверки материалов, а также ограничение на назначение одного лица более трёх раз подряд. Кроме того, проблема финансирования деятельности ОНК остаётся нерешённой, что напрямую сказывается на возможности членов комиссий выезжать в отдалённые места принудительного содержания.

Самой существенной проблемой, на мой взгляд, является формальный подход к реализации общественного контроля. О.В. Зуева и Н.Н. Хомутова констатируют: «с формальной точки зрения пункты Федерального закона «О полиции» о необходимости осуществления общественного контроля за деятельностью полиции выполняются. Главное, чтобы вся проводимая работа не была лишь формальностью» [5]. Я разделяю эту позицию и считаю, что формальное выполнение требований закона без реального влияния на деятельность полиции дискредитирует саму идею общественного контроля. Руководители территориальных органов внутренних дел зачастую не заинтересованы в активном конструктивном взаимодействии с общественными советами, а граждане, в свою очередь, либо не знают о существовании таких механизмов, либо не верят в их действенность.

Результаты социологических исследований, на которые ссылаются Зуева и Хомутова, показывают, что лишь 20,2% граждан имеют представление о существовании общественных советов при органах внутренних дел. Это крайне низкий показатель. Я полагаю, что одной из причин является недостаточная информационная работа со стороны как полиции, так и самих общественных советов. Кроме того, решения общественных советов носят рекомендательный характер, что существенно снижает их потенциал как механизма управления.

Подводя итог, я формулирую следующие выводы. Юридическая природа общественного контроля за деятельностью полиции остаётся нормативно не определённой в той мере, которая необходима для его полноценной реализации. Отсутствие легального определения, чёткого механизма взаимодействия субъектов контроля и реальных рычагов влияния на принятие управленческих решений приводит к формализации контрольной деятельности. Для преодоления этих проблем необходимо, на мой взгляд, внести изменения в Федеральный закон «О полиции», закрепив в нём развёрнутое определение общественного контроля, расширив полномочия общественных советов и ОНК, а также предусмотрев ответственность руководителей территориальных органов за игнорирование результатов общественного контроля. Только при таких условиях общественный контроль сможет стать реальным, а не декларативным механизмом, способствующим повышению доверия граждан к полиции и укреплению законности.

Список литературы:

[1] Бялт В. С., Чимаров С. Ю. Правовые и организационные основы общественного контроля за деятельностью полиции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. №1-1 (76). С. 102.

[2] Болотов Д. Ю. К вопросу о понятии общественного контроля за деятельностью полиции // Новый юридический вестник. 2019. №7 (14). С. 31.

[3] Боева М. А., Сергунова А. С. Механизм осуществления общественного контроля за деятель-

ностью полиции // Виктимология. 2018. №4 (18). С. 82.

[4] Ковалева И. В. Общественные наблюдательные комиссии в системе субъектов общественного контроля за деятельностью полиции в Российской Федерации // Вестник ННГУ. 2019. №5. С. 125.

[5] Зуева О. В., Хомутова Н. Н. Общественный контроль как механизм эффективного управления органами внутренних дел // Logos et Praxis. 2020. №1. С. 105.

References:

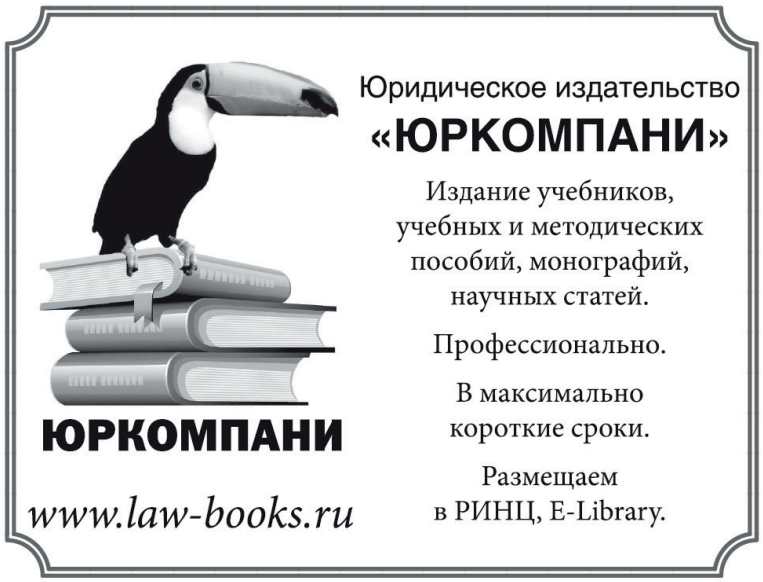
[1] Byalt V.S., Chimarov S. Yu. Legal and organizational foundations of public control over police activities // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. No. 1-1 (76). P. 102.

[2] Bolotov D. Yu. On the concept of public control over police activities // New Legal Bulletin. 2019. No. 7 (14). P. 31.

[3] Boeva M.A., Sergunova A.S. Mechanism for implementing public control over police activities // Victimology. 2018. No. 4 (18). P. 82.

[4] Kovaleva I.V. Public monitoring commissions in the system of subjects of public control over police activities in the Russian Federation // Bulletin of UNN. 2019. No. 5. P. 125.

[5] Zueva O. V., Khomutova N. N. Public control as a mechanism for effective management of internal affairs bodies // Logos et Praxis. 2020. No. 1. P. 105.



Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-96-101**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

ШЕМЕТОВА Арина Дмитриевна,
студент, Сеченовский Университет,
ORCID ID: 0009-0009-1144-6087,
e-mail: shemetova_a_d@sechenov.ru

ФИЗИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ БЕРЕМЕННЫХ: ВРАЧ РЕКОМЕНДОВАЛ, ТРЕНЕР ОДОБРИЛ - КТО В ОТВЕТЕ ЗА ВРЕД?

АННОТАЦИЯ. Анализ правовых и медицинских аспектов физических нагрузок у беременных женщин, а также распределение ответственности между врачом, тренером и пациенткой в случае наступления негативных последствий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: беременные женщины, плод, физическая нагрузка, негативные последствия, распределение ответственности, спортивный тренер.

SHEMETOVA Arina Dmitrievna,
Student, Sechenov University

PHYSICAL ACTIVITY FOR PREGNANT WOMEN: DOCTOR RECOMMENDED, TRAINER APPROVED - WHO'S RESPONSIBLE FOR THE HARM?

ANNOTATION. The analysis of the legal and medical aspects of physical activity of pregnant women, also the distribution of responsibility between the doctor, the coach, and the patient in caset of negative consequences.

KEY WORDS: pregnant women, fetus, physical activity, negative consequences, distribution of responsibility, sports coach.

Введение

Современная медицина рассматривает беременность не как болезнь, а как физиологическое состояние, при котором умеренная физическая активность необходима [17]. Исследования последних лет подтверждают, что регулярные упражнения приносят пользу как матери, так и плоду [10]. К положительным аспектам влияния физических нагрузок на организм беременной женщины можно отнести следующие факты.

Во-первых, женщины, регулярно занимающиеся спортом, проще переносят беременность. Их организм быстрее адаптируется к гормональным и физиологическим изменениям, что положительно сказывается, как на психоэмоциональном, так и на физическом состоянии женщин [11].

Во-вторых, физическая нагрузка приводит к снижению риска осложнений во время беременности. Таких как сахарный диабет [12], преэклампсия и гипертензивные расстройства [13] и прочие [18].

В-третьих, важным положительным влиянием является воздействие на сон женщины. Физическая нагрузка улучшает качество сна, а также нормализует его длительность и периодичность [14].

В-четвертых, отмечается положительное влияние на организм плода. Следствием умеренных аэробных нагрузок является улучшение состояния сердечно-сосудистой системы как матери, так и плода [15].

Однако, важно помнить о негативных последствиях физических упражнений. Высокоинтенсивные нагрузки без контроля могут быть опасны как для организма матери, так и для плода. Существуют данные о том, что тренировки на уровне более 90% от максимальной частоты сердечных сокращений способны привести к внутриутробной задержке роста плода [13]. Силовые тренировки с экстремальными весами требуют осторожности из-за возможного повышения внутрибрюшного давления и временного снижения кровотока к плоду, что также может привести к фето-плацентарной недостаточности и гипоксии плода [16].

Учитывая перечисленные негативные последствия физических нагрузок, нельзя не задаться вопросом: кто должен регулировать объём физической нагрузки, которую рекомендуют беременным женщинам: лечащий врач или спортивный тренер? На кого возлагается ответственность за возможные негативные последствия нерационального занятия спортом?

Методы

В работе использовались следующие научные методы. Наблюдение позволило установить

отсутствие судебных примеров по искам беременных женщин о вреде от физической нагрузки, а также зафиксировать реальные медицинские риски (тренировки выше 90% ЧСС, подъём тяжестей). Описание обеспечило систематизацию нормативно-правового материала по целевой принадлежности документов. Метод формальной логики применён в форме дедуктивного силлогизма (построение проверяемой юридической конструкции «норма – факт – ответственность») и закона достаточного основания (анализ причинно-следственной связи между действиями врача, тренера и наступлением вреда). Метод сравнительного правоведения реализован как внутрисистемное сравнение актов разной принадлежности (спортивное, медицинское, трудовое, санитарное право), а также как функциональное сравнение по цели каждого документа. В результате сравнения выявлен структурный пробел: отсутствие численно выраженных параметров физической нагрузки для беременных во всех исследованных нормативных актах.

Материалы

В работе использованы законодательные источники, научные статьи, статистические данные (2021-2026 гг. на территории Российской Федерации), а также практические комментарии специалистов.

Результаты

Существует множество законов, ГОСТов, СанПиНов, регулирующие порядок проведения спортивных мероприятий на территории РФ. Основным документом является Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [1]. В нем не устанавливаются специальных медицинских норм или ограничений по физической нагрузке для беременных женщин. Однако он создает правовую основу, которая гарантирует беременным безопасные условия для занятий и защищает их здоровье. В соответствии со статьей 20, часть 4 существует прямой запрет на проведение спортивных мероприятий, если они создают угрозу жизни и здоровью участников или зрителей. Если участие беременной женщины может создать угрозу для нее или для будущего ребенка, организаторы обязаны либо ограничить ее участие, либо создать особые условия. Статья 38 регламентирует участие в спортивных соревнованиях. Для допуска к ним обязательно наличие медицинского заключения, которое выдается после прохождения медицинского осмотра. Хотя закон не выделяет беременных в отдельную категорию, для них это правило работает особенно строго. Без справки от врача, подтверждающей, что у женщины нет противопоказаний для физической нагрузки (или для конкретного вида активности), организатор не имеет права допустить ее до участия.

Похожая информация дается в Приложении № 1 к приказу Министерства здравоохранения РФ от 23 октября 2020 г. № 1144н «Порядок организации оказания медицинской помощи лицам, занимающимся физической культурой и спортом…» [2]. Данный документ также *не дает ответа* на вопрос, кому можно заниматься спортом, а кому нельзя. Он описывает организацию медпомощи, виды осмотров и требования к ним, но не содержит данных о противопоказаниях к занятиям спортом.

Основополагающий документ, который устанавливает, как именно должна оказываться медицинская помощь женщинам в области акушерства и гинекологии в России - это Приказ Минздрава РФ от 20.10.2020 № 1130н (ред. от 17.03.2022) «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология»» [4]. Он структурирует всю работу в медицинском отделении: от наблюдения беременности в женской консультации до родоразрешения и ведения медицинской документации, в том числе описания мер, направленных на профилактику осложнений беременности. Одной из таких мер является пренатальный скрининг. В главе 2 «Оказание медицинской помощи беременным женщинам с пороками развития у плода» подробно расписан алгоритм действий врача при проведении первого пренатального скрининга, который служит основой для всех последующих профилактических мер. Однако в приказе *нет детального описания* рекомендованных физических нагрузок, которые разрешены либо запрещены беременным женщинам. Так как он является организационно-правовым документом, в задачи которого входит установление структуры работы больниц. В соответствии с пунктом 10 главы 2 - врач обязан выявить риск, а действовать по его снижению уже согласно профильным клиническим рекомендациям, на которые ссылается приказ.

Обратимся к клиническим рекомендациям, на которые ссылаются приказы Министерства Здравоохранения.

В актуальных клинических рекомендациях, которыми пользуются лечащие врачи, Клинические рекомендации – Нормальная беременность – 2023-2024-2025 (15.02.2024) – Утверждены Минздравом РФ, представлена информация об ограничениях в физической нагрузке [5]. В соответствии с пунктом 5.1 «Рекомендации по исключению факторов риска для профилактики осложнений беременности» беременным женщинам следует избегать физические упражнения, которые могут привести к травме живота, падениям, стрессу (например, контактные виды спорта, такие как борьба, виды спорта с ракеткой и мячом, подводные погружения), но прямой запрет на занятия данными видами спорта отсутствует. В этом же документе подчеркивается, что физическая активность необходима: «Рекомендуется быть достаточно физически активной, делать специальную зарядку для беременных в течение 20-30 минут в день при отсутствии жалоб и

противопоказаний (приложение В)». Однако конкретные указания на тип упражнений, их объём и кратность выполнения *отсутствуют*.

Нормативно-правовая литература в первую очередь является документом организационного характера, к основным задачам которого относится создание четкой структуры, в которой практикующий врач обязан исполнять актуальные рекомендации. *Однако описания конкретных упражнениях нет*. Следовательно, врач, который назначает физические упражнения беременной женщине, может давать только общие рекомендации, основываясь на индивидуальном состоянии каждой конкретной пациентки. Выходит, что выбор комплексов упражнений, кратности повторений и объёма выполняемых упражнений ложится либо на самостоятельный выбор пациентки, либо на рекомендации фитнес-тренеров.

Работа спортивного тренера в тренажерном зале, регулируется рядом нормативно-правовых актов: Федеральный закон «О физической культуре и спорте в РФ» от 04.12.2007 № 329-ФЗ [1], Профессиональный стандарт «Специалист по фитнесу (фитнес-тренер)» [6]. Он устанавливает и описывает государственные требования к квалификации фитнес-тренеров, разделяя их на категории. В указанном документе отсутствуют прямые стандарты, рекомендации или нормы и правила по работе с беременными женщинами. Однако, при изучении документа можно сделать косвенные выводы о стандартах работы. Следуя, Разделу III «Характеристика обобщенных трудовых функций», можно сделать вывод, что с беременными женщинами имеют право работать (разрабатывать индивидуальную программу, консультировать о правилах выполнении физических упражнений, давать рекомендации по объёму спортивной нагрузки) только тренеры с уровнем квалификации 4 и 5 (фитнес-тренер и старший тренер, соответственно). Однако самостоятельный выбор упражнений тренером любой квалификации должен основываться, в первую очередь, на половозрастных характеристиках, состоянии здоровья и уровне физической подготовленности. Также к обязательным требованиям относится проверка отсутствия у занимающихся медицинских противопоказаний к проведению занятий фитнесом, которое выдает только лечащий врач, в данном случае врач акушер-гинеколог. Фитнес-тренер при составлении индивидуальной программы тренировок должен принимать во внимание данные о физических ограничениях беременных женщин, описанные в клинических рекомендациях, одобренных Минздравом РФ [5] (разрешенная нагрузка и не рекомендованные виды спорта).

В то же время в соответствии с пунктом 3.2. (Обобщенная трудовая функция «Планирование, организация и проведение физкультурно-оздоровительных занятий...»), тренер, планирующий работу с беременными женщинами, может пройти специализированную профессиональную переподготовку («Методики обучения и тренировки для различных категорий населения»). Следует отметить что данные выводы являются косвенными, так как в пунктах данного документа *отсутствует термин «беременная женщина»,* следовательно, фитнес-тренер не имеет отдельно детально описанных правил работы с данной группой клиентов.

В случае, если беременная женщина осуществляет занятие спортом самостоятельно на спортивной площадке, в плавательном бассейне, на территории спортивного комплекса и так далее, то с точки зрения нормативно-правовых основ, безопасность регулируется ГОСТом Р 52025-2021 «Услуги физкультурно-оздоровительные и спортивные. Требования безопасности потребителей», утвержденном и введенном в действие Приказом Росстандарта от 3 декабря 2021 г. [3]. В данном документе описаны обязательные требования безопасности для физкультурно-оздоровительных и спортивных услуг, оказываемых населению, направленные на предотвращение получения травм во время обращения со спортивными объектами. Стандарт основан на риск-ориентированном подходе к оценке безопасности. Спортивные организации обязаны выявлять все возможные факторы риска (биологические, технические, организационные), которые могут воздействовать на пользователя, и информировать о них. А также принимать все возможные меры для уменьшения воздействия факторов риска. Однако в данном документе *отсутствуют* специальные разделы или пункты, касающиеся безопасности особых групп населения, в том числе беременных женщин. Это означает, что нормирование и оценка факторов риска, которые могут воздействовать на беременную женщину, определяется самостоятельно фитнес-клубом/тренером/площадкой/лицом-организатором на основе совокупных данных, указанных в общих требованиях ГОСТа, медицинских рекомендациях и индивидуальных особенностях организма.

При условии, что во время беременности женщина может продолжить работать, необходимо рассмотреть санитарные правила, которые ограничивают воздействие физических факторов на рабочем месте. Основным нормативно-правовым актом является СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания» [7]. Однако данных об ограничениях в воздействии физических факторов среду на беременную женщину в данном документе *отсутствуют.* Поэтому обратимся к санитарным правилам СП 2.2.3670-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям труда», раздел 7 «Требования к организации условий труда женщин в период беременности и кормления ребенка» [8]. В данных правилах можно найти четкие запреты и ограничения, от-

носящиеся к беременным и кормящим женщинам в пункте 7.2: «Беременные женщины и в период кормления ребенка не должны выполнять производственные операции, связанные с подъемом предметов труда выше уровня плечевого пояса, подъемом предметов труда с пола, статическим напряжением мышц ног и брюшного пресса, вынужденной рабочей позой (на корточках, на коленях, согнувшись, упором животом и грудью в оборудование и предметы труда)». Данный перечень не относится к спортивным ограничениям, однако в нем четко указаны виды упражнений и положений, которые противопоказаны беременным женщинам на рабочем месте. Это *косвенный* ориентир, но очень ценный, который при отсутствии прочих ограничений, можно применять в спорте.

К вредным производственным факторам труда, помимо неоптимального положения тела, также относится подъём и перемещение тяжестей. Приказ Минтруда РФ от 14.09.2021 N 629Н «Об утверждении предельно допустимых норм нагрузок для женщин при подъёме и перемещении тяжестей вручную» регулирует предельно допустимые массы груза, которые может поднимать и перемещать женщина и характер работы, который она может при этом выполнять [9]. Однако в данном приказе *отсутствуют* данные об ограничениях, касающихся работающих беременных женщин.

Выводы

Проведённый анализ нормативно-правовой базы Российской Федерации, регулирующей физическую активность беременных женщин, позволяет сделать следующие выводы.

1. Отсутствие конкретных нормативов физической нагрузки. Действующие клинические рекомендации, приказы Минздрава и профессиональные стандарты тренера декларируют необходимость умеренной физической активности при беременности (до 20–30 минут в день), но не содержат чётких, численно выраженных параметров нагрузки: не указаны допустимые уровни интенсивности (например, процент от максимальной ЧСС), конкретные комплексы упражнений, количество повторений, длительность занятий по триместрам. Врач акушер-гинеколог, следуя нормативно-правовым документам, может дать лишь общие рекомендации, основанные на индивидуальном состоянии пациентки, но не обязан разрабатывать детальную программу тренировок. Это неизбежно приводит к вариативности назначений и перекладыванию ответственности за выбор объёма и характера упражнений либо на саму женщину, либо на фитнес-тренера.

2. Правовая неопределённость ответственности тренера. Профессиональный стандарт «Специалист по фитнесу (фитнес-тренер)» не содержит специальных разделов, посвящённых работе с особой категорией женщин, находящихся в состоянии беременности. Тренер не наделён полномочиями оценивать акушерский статус женщины. В случае причинения вреда здоровью матери или плода из-за неправильно подобранной или чрезмерной нагрузки ответственность тренера за специфический вред законодательно не детализирована. Фактически, тренер может ссылаться на рамки общей квалификации и на неимение информации обо всех медицинских рисках, которые были установлены врачом.

3. Общий характер требований безопасности. ГОСТ Р 52025-2021 и СанПиН, регламентирующие безопасность физкультурно-оздоровительных услуг и условия труда, устанавливают лишь общие требования (запрет поз с упором животом, на корточках, подъёма тяжестей выше плечевого пояса и т.д.). Однако беременные женщины не выделены в отдельную категорию работников с особыми нормами объёма и интенсивности нагрузок. Это означает, что спортивная организация или тренер самостоятельно определяют факторы риска, что создаёт правовую неопределённость и не гарантирует безопасности в случае высокоинтенсивных или силовых тренировок, не запрещённых прямо, но потенциально опасных (например, упражнения с экстремальными весами, тренировки на уровне >90% от максимальной ЧСС).

4. Отсутствие судебной практики по компенсации вреда. По результатам анализа судебных баз (судакт и другие) не выявлено примеров разрешения споров, в которых беременной женщине удалось бы получить компенсацию вреда здоровью, причинённого именно физическими нагрузками, рекомендованными врачом или тренером. Отсутствие прецедентов объясняется не столько отсутствием самих случаев причинения вреда, сколько невозможностью доказать причинно-следственную связь между выполненными упражнениями и наступившими негативными последствиями (преждевременная отслойка плаценты, гипоксия плода, фето-плацентарная недостаточность и другие). Множество факторов (исходное состояние здоровья женщины, сопутствующие заболевания, генетические особенности плода, внешние воздействия) делают прямое доказывание вины врача или тренера практически невозможными.

5. Правовая незащищенность беременной женщины. В сложившейся нормативной ситуации беременная женщина, пострадавшая из-за чрезмерных или неправильно подобранных физических нагрузок, оказывается без эффективной судебной поддержки. Ни врач (давший общие советы, но не конкретную программу), ни фитнес-тренер (действовавший в рамках неспециализированного профстандарта), ни фитнес-центр (обеспечивший общие требования безопасности) не несут юридически закреплённой ответственности за специфические риски, связанные с физической активностью беременных.

Предложения по решению проблемы

Безопасность физической активности беременной женщины может быть обеспечена междисциплинарным подходом, который включает:

- информированное участие самой пациентки (обязательное уведомление врача и тренера о своём состоянии и всех жалобах);
- чёткое определение лечащим врачом акушером-гинекологом абсолютных и относительных противопоказаний с фиксацией их в медицинской документации, а также обязательная консультация пациентки на предмет симптомов, при наличии которых необходимо экстренно остановить выполняемое упражнение;
- наличие у фитнес-тренера специальной профессиональной подготовки (сертифицированных курсов по ведению беременных в фитнесе), что должно стать обязательным требованием профессионального стандарта.

До внесения изменений в нормативные акты ответственность за возможный вред фактически полностью лежит на самой женщине, принимающей решение о занятиях спортом, при таких условиях её безопасность является делом случая, но никак не закона.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.

[2] Приказ Минздрава РФ от 21.02.2020 № 114н «О внесении изменений в отдельные приказы Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Министерства здравоохранения Российской Федерации, утверждающие порядки оказания медицинской помощи» : зарегистрировано в Минюсте РФ 28.07.2020 № 59083 // Контур.Норматив. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=505488 (дата обращения: 13.05.2026).

[3] ГОСТ Р 52025-2021 «Услуги физкультурно-оздоровительные и спортивные. Требования безопасности потребителей». – М.: Стандартинформ, 2021. – 12 с.

[4] Приказ Минздрава РФ от 20.10.2020 № 1130н (ред. от 17.03.2022) «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология»» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.03.2026).

[5] Клинические рекомендации «Нормальная беременность» (2023-2024-2025) : утв. Минздравом РФ 15.02.2024. – М., 2024. – 85 с.

[6] Профессиональный стандарт «Специалист по фитнесу (фитнес-тренер)» : утв. Приказом Минтруда России от 27.04.2023 № 353н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.03.2026).

[7] СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания». – М.: Роспотребнадзор, 2021. – 45 с.

[8] СП 2.2.3670-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям труда». – М.: Роспотребнадзор, 2020. – 30 с.

[9] Приказ Минтруда РФ от 14.09.2021 № 629н «Об утверждении предельно допустимых норм нагрузок для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную»: зарегистрировано в Минюсте РФ 25.11.2021 № 65973 // Контур.Норматив. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=412875 (дата обращения: 13.05.2026).

[10] Patel J., Bhargava V., Singh K., Madera I., Thomas N., Bachmann G.A. Effect of exercise and sports participation on maternal health in pregnant athletes [ID 1142] // Obstetrics & Gynecology. – 2025. – Vol. 145, № 6S. – P. 26S.

[11] Redondo-Delgado P., Arroyo N., De La Flor-Alemany M., Acosta-Manzano P., Coll-Risco I., Aparicio V.A. Effects of strength training on quality of life in pregnant women: A systematic review // Acta Obstetricia et Gynecologica Scandinavica. – 2025. – Vol. 104, № 7. – P. 1231-1243.

[12] Wu S., Jin J., Hu K., Wu Y., Zhang J. Prevention of Gestational Diabetes Mellitus and Gestational Weight Gain Restriction in Overweight/Obese Pregnant Women: A Systematic Review and Network Meta-Analysis // Nutrients. – 2022. – Vol. 14, № 12. – P. 2383.

[13] Cífková R. Hypertension in Pregnancy: A Diagnostic and Therapeutic Overview // High Blood Pressure & Cardiovascular Prevention. – 2023. – Vol. 30, № 4. – P. 289-303.

[14] Савустьяненко А.В., Савустьяненко Т.Л. Влияние физической активности на нормализацию сна у беременных женщин [Обзор] // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 4 (142). С. 1-4.

[15] Wowdzia J.B., Hazell T.J., Berg E.R.V., Labrecque L., Brassard P., Davenport M.H. Maternal and Fetal Cardiovascular Responses to Acute High-Intensity Interval and Moderate-Intensity Continuous Training Exercise During Pregnancy: A Randomized Crossover Trial // Sports Medicine. – 2023. – Vol. 53, № 9. – P. 1819-1833.

[16] Bhattacharjee J., Mohammad S., Adamo K.B. Does exercise during pregnancy impact organs or structures of the maternal-fetal interface? // Tissue and Cell. – 2021. – Vol. 72. – P. 101543.

[17] Goławski K., Wojtyła C. Impact of Physical Activity of Pregnant Women on Obstetric Outcomes // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2022. – Vol. 19, № 19. – P. 12541.

[18] Mérida-Téllez J.M., Vázquez-Lara J.M., Fernández-Carrasco F.J., Gómez-Salgado J., Macías-Toronjo I., Muñoz-Vela F.J., Fagundo-Rivera J., Palomo-Gómez R., Rodríguez-Díaz L. Effects of Pilates on the quality of life of pregnant women during pregnancy: A systematic review // Medicine. – 2025. – Vol. 104, № 17. – P. e41967.

References:

[1] Federal Law of 04.12.2007 No. 329-FZ (as amended on 28.11.2025) «On Physical Culture and Sports in the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2007. - No. 50. - Art. 6242.

[2] Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of 21.02.2020 No. 114n «On Amendments to Certain Orders of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation and the Ministry of Health of the Russian Federation Approving the Procedures for the Provision of Medical Care»: registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 28.07.2020 No. 59083 // Kontur.Normative. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=505488 (accessed: 13.05.2026).

[3] GOST R 52025-2021 «Physical Culture, Health, and Sports Services. Consumer Safety Requirements.» – Moscow: Standartinform, 2021. – 12 p.

[4] Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated October 20, 2020 No. 1130n (as amended on March 17, 2022) «On Approval of the Procedure for the Provision of Medical Care in the Profile of «Obstetrics and Gynecology»» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru (accessed: 10.03.2026).

[5] Clinical guidelines «Normal pregnancy» (2023-2024-2025): approved by the Ministry of Health of the Russian Federation on February 15, 2024. – Moscow, 2024. – 85 p.

[6] Professional standard «Fitness specialist (fitness trainer)»: approved by Order of the Ministry of Labor of Russia dated April 27, 2023, No. 353n // Official internet portal of legal information. URL: http://pravo.gov.ru (date of access: March 10, 2026).

[7] SanPiN 1.2.3685-21 «Hygienic standards and requirements for ensuring the safety and (or) harmlessness of environmental factors for humans.» – Moscow: Rospotrebnadzor, 2021. – 45 p.

[8] SP 2.2.3670-20 «Sanitary and Epidemiological Requirements for Working Conditions». Moscow: Rospotrebnadzor, 2020. – 30 p.

[9] Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated September 14, 2021 No. 629n «On approval of the maximum permissible load standards for women when lifting and moving heavy objects manually»: registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on November 25, 2021 No. 65973 // Kontur.Normative. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=412875 (date of access: May 13, 2026).

[10] Patel J., Bhargava V., Singh K., Madera I., Thomas N., Bachmann G.A. Effect of exercise and sports participation on maternal health in pregnant athletes [ID 1142] // Obstetrics & Gynecology. – 2025. – Vol. 145, No. 6S. – P. 26S.

[11] Redondo-Delgado P., Arroyo N., De La Flor-Alemany M., Acosta-Manzano P., Coll-Risco I., Aparicio V.A. Effects of strength training on quality of life in pregnant women: A systematic review // Acta Obstetricia et Gynecologica Scandinavica. – 2025. – Vol. 104, No. 7. – P. 1231-1243.

[12] Wu S., Jin J., Hu K., Wu Y., Zhang J. Prevention of Gestational Diabetes Mellitus and Gestational Weight Gain Restriction in Overweight/Obese Pregnant Women: A Systematic Review and Network Meta-Analysis // Nutrients. - 2022. - Vol. 14, No. 12. - P. 2383.

[13] Cífková R. Hypertension in Pregnancy: A Diagnostic and Therapeutic Overview // High Blood Pressure & Cardiovascular Prevention. - 2023. - Vol. 30, No. 4. - P. 289-303.

[14] Savustyanenko A.V., Savustyanenko T.L. The Effect of Physical Activity on Sleep Normalization in Pregnant Women [Review] // International Research Journal. – 2024. – No. 4 (142). C. 1-4.

[15] Wowdzia J.B., Hazell T.J., Berg E.R.V., Labrecque L., Brassard P., Davenport M.H. Maternal and Fetal Cardiovascular Responses to Acute High-Intensity Interval and Moderate-Intensity Continuous Training Exercise During Pregnancy: A Randomized Crossover Trial // Sports Medicine. – 2023. – Vol. 53, No. 9. – P. 1819-1833.

[16] Bhattacharjee J., Mohammad S., Adamo K.B. Does exercise during pregnancy impact organs or structures of the maternal-fetal interface? // Tissue and Cell. – 2021. – Vol. 72. – P. 101543.

[17] Goławski K., Wojtyła C. Impact of Physical Activity of Pregnant Women on Obstetric Outcomes // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2022. – Vol. 19, No. 19. – P. 12541.

[18] Mérida-Téllez J.M., Vázquez-Lara J.M., Fernández-Carrasco F.J., Gómez-Salgado J., Macías-Toronjo I., Muñoz-Vela F.J., Fagundo-Rivera J., Palomo-Gómez R., Rodríguez-Díaz L. Effects of Pilates on the quality of life of pregnant women during pregnancy: A systematic review // Medicine. – 2025. – Vol. 104, No. 17. – P. e41967.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.05.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-102-107**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

КУМЕЦКАЯ Анна Сергеевна,
студент 2 курс,
Санкт-Петербургский университет
ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации
Генерала армии Е.Н. Зиничева,
e-mail: asaykum206@yandex.ru

МОИСЕЕНКО Михаил Иванович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного права и процесса,
Санкт-Петербургский университет
ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации
Генерала армии Е.Н. Зиничева,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются особенности гражданско-правовой ответственности несовершеннолетних лиц за причиненный вред, анализируются положения действующего гражданского законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Исследуется зависимость мер гражданско-правовой ответственности от возрастной категории несовершеннолетних, наряду с оценкой роли законных представителей (родителей, опекунов). Результаты исследования позволяют оценить эффективность существующих правовых механизмов и наметить пути их совершенствования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гражданско-правовая ответственность, субсидиарная ответственность, законные представители, несовершеннолетние, деликтоспособность, дееспособность, возмещение вреда.

KUMETSKAYA Anna Sergeevna,
second-year student,
St. Petersburg University
of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations
of Russia named after Hero of the Russian Federation
General of the Army E.N. Zinichev

MOISEENKO Mikhail Ivanovich,
Candidate of Law,
Associate Professor, Department of Administrative Law and Procedure,
St. Petersburg University
of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations
of Russia named after Hero of the Russian Federation
General of the Army E.N. Zinichev

FEATURES OF CIVIL LIABILITY FOR HARM CAUSED BY MINORS

ANNOTATION. The article examines the specifics of the civil liability of minors for harm caused, analyzes the provisions of the current civil legislation of the Russian Federation and the People's Republic of China. The article examines the dependence of measures of civil liability on the age category of minors, along with an assessment of the role of legal representatives (parents, guardians). The results of the study make it possible to assess the effectiveness of existing legal mechanisms and identify ways to improve them.

KEY WORDS: civil liability, subsidiary liability, legal representatives, minors, delictworthiness, legal capacity, compensation for harm.

Нормы гражданского законодательства каждой страны формируют правовую основу гражданско-правовой ответственности. Особый интерес представляет регулирование случаев, когда вред причиняется несовершеннолетними. В разных юрисдикциях применяются различные подходы – от возложения ответственности на родителей или опекунов до учёта степени зрелости и осознанности действий самого несовершеннолетнего.

Гражданско-правовая ответственность применима к субъектам, обладающим способностью управлять своими действиями и прогнозировать их потенциальные последствия. В практике нередко фиксируются случаи существенного ущерба, нанесённого личности, имуществу физических и юридических лиц вследствие неправомерных поступков лиц младше восемнадцати лет, то есть тех, кто не наделён полной гражданской дееспособностью. Ответственность за вред, причинённый несовершеннолетними, выступает отдельной категорией в системе гражданско-правовой ответственности.

Профессор В.П. Грибанов указывает на важность учета общих, типичных условий, наличие которых необходимо для наступления гражданско-правовой ответственности: «1) наличие прав и обязанностей, нарушение которых влечет за собой возложение на их нарушителя гражданско-правовой ответственности; 2) противоправное нарушение лицом возложенных на него обязанностей и субъективных прав других лиц; 3) наличие вреда или убытков, причиненных противоправным поведением правонарушителя; 4) наличие причинной связи между противоправным поведением правонарушителя и наступившими вредоносными последствиями; 5) наличие вины правонарушителя» [8, с. 193].

В соответствии с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) возрастной порог наступления гражданско-правовой ответственности установлен на уровне 14 лет. Законодатель исходит из того, что лица в возрасте до 14 лет (малолетние) не обладают достаточной психической зрелостью для осознанного руководства своими действиями и адекватной оценки их последствий. Правовые механизмы возмещения вреда, причинённого действиями несовершеннолетних, регламентированы нормами статей 1073 и 1074 ГК РФ, которые устанавливают дифференцированный подход в зависимости от возраста нарушителя.

Статья 1064 ГК РФ устанавливает общие основания ответственности за причинение вреда: «Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред» [1], при этом закон уточняет, что обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда.

ГК РФ устанавливает особый режим ответственности за вред, причинённый малолетними лицами. В соответствии с пунктом 1 статьи 1073 ГК РФ, обязанность по возмещению вреда, причинённого несовершеннолетним, не достигшим 14-летнего возраста, возлагается на его родителей или опекунов. При этом указанные лица освобождаются от ответственности лишь при условии доказывания отсутствия своей вины в возникновении вреда. Пункт 2 статьи 1073 ГК РФ предусматривает специальный случай: если малолетний гражданин, оставшийся без попечения родителей, находится под надзором соответствующего учреждения, ответственность за причинённый им вред несёт данное учреждение.

Законодатель прямо признаёт отсутствие деликтоспособности у лиц младше 14 лет, возлагая обязанность возмещения вреда на лиц или организации, обязанные осуществлять надзор за малолетним. Деликтоспособность в гражданском праве представляет собой способность лица нести самостоятельную ответственность за совершённые им противоправные действия и причинённый вред.

Согласно пункту 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», при рассмотрении исков о возмещении вреда, причинённого малолетними и несовершеннолетними лицами, суды обязаны устанавливать наличие вины законных представителей. Основанием для привлечения родителей, усыновителей, опекунов или попечителей к ответственности выступает доказанный факт их безответственного отношения к воспитанию несовершеннолетнего либо ненадлежащего осуществления надзора за его действиями [3].

Рассмотрим конкретный случай из судебной практики. В ходе судебного разбирательства было установлено, что несовершеннолетний, не достигший 14 лет, причинил материальный ущерб имуществу ООО «ТК Брозэкс»: несовершеннолетний (не достигший 14 лет) вместе с другими подростками незаконно проник на территорию стоянки, залез в автобус с открытой дверью, нашёл ключи от замка зажигания и решил покататься. Во время езды он не справился с управлением и совершил столкновение с двумя автомобилями ООО «ТК Брозэкс», в результате чего транспортные средства получили механические повреждения, а компании был причинён материальный ущерб, размер которого подтверждён независимой экспертизой. Суд, рассматривая иск ООО «ТК Брозэкс» о возмещении причинённого ущерба, удовлетворил требования истца и взыскал с родителей несовершеннолетнего материальный ущерб. При вынесении решения суд прямо ссылался на пункт 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1. Опираясь на

положения статей 1064 и 1073 ГК РФ, суд пришёл к выводу, что ответчики не обеспечили необходимый контроль за малолетним, что и послужило основанием для привлечения их к субсидиарной ответственности. Таким образом, вина родителей была подтверждена совокупностью представленных доказательств, а их обязанность возместить ущерб прямо закреплена действующим гражданским законодательством в отношении действий несовершеннолетних до 14 лет [4].

Анализ положений статьи 1073 ГК РФ позволяет выявить существенный пробел в правовом регулировании: норма не содержит указания на необходимость установления противоправности действий малолетнего как обязательного условия ответственности его законных представителей. Это порождает правовую неопределённость в ситуациях, когда вред причинён ребёнком в обстоятельствах, исключающих противоправность деяния, например, в состоянии необходимой обороны. В подобных случаях возникает коллизия: с одной стороны, действия несовершеннолетнего юридически правомерны, с другой – родители могут быть привлечены к возмещению вреда на основании ст. 1073 ГК РФ. Отсутствие в законе чёткого механизма учёта таких обстоятельств свидетельствует о недостаточной проработанности нормы и создаёт риски необоснованного возложения ответственности на законных представителей.

Согласно нормам ГК РФ, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет обладают ограниченной дееспособностью (ст. 26 ГК РФ), но при этом признаются деликтоспособными. Способность нести гражданско-правовую ответственность возникает с 14 лет, что закреплено в ст. 1074 ГК РФ. Законодатель обосновывает это решение достижением подростками к указанному возрасту достаточного уровня психической зрелости для осознания последствий своих действий. В соответствии с пунктом 1 статьи 1074 ГК РФ несовершеннолетние граждане Российской Федерации в возрасте от 14 до 18 лет несут самостоятельную гражданско-правовую ответственность за причинённый ими вред, на тех же основаниях, что и совершеннолетние лица. При этом правовое регулирование учитывает специфику статуса несовершеннолетних. Такие лица могут иметь собственные доходы, например, получать оплату за трудовую деятельность, или обладать каким-либо имуществом. Эти ресурсы зачастую отсутствуют либо недостаточны для полного возмещения причинённого ущерба. Кроме того, до достижения 18 лет их дееспособность остаётся ограниченной, что объективно снижает возможности самостоятельного урегулирования имущественных обязательств. В связи с этим возникает вопрос: как обеспечить полноценную защиту прав потерпевшего, если несовершеннолетний не располагает средствами, достаточными для компенсации нанесённого вреда? Для разрешения данного противоречия законодатель включил в статью 1074 ГК РФ пункт 2, предусматривающий особый механизм защиты интересов пострадавшей стороны. Согласно этой норме, если собственных доходов или имущества несовершеннолетнего недостаточно для покрытия причинённого ущерба, обязанность по возмещению оставшейся части возлагается на его законных представителей – родителей, усыновителей или попечителя. Важно подчеркнуть, что такая субсидиарная ответственность не является автоматической, она наступает только при наличии вины законных представителей, то есть если будет доказано, что они ненадлежащим образом исполняли обязанности по воспитанию и надзору за несовершеннолетним.

На основании статьи 1074 ГК РФ можно заключить, что закон устанавливает сбалансированную систему гражданско-правовой ответственности: подростки старше 14 лет несут ответственность за свои действия, а права потерпевших защищены дополнительным источником возмещения за счёт законных представителей при соблюдении принципа виновной ответственности. Этот подход отражает стремление законодателя учесть возрастные особенности несовершеннолетних и обеспечить справедливое распределение нагрузки возмещения вреда в рамках гражданского права.

Анализируя ограниченную дееспособность несовершеннолетних, ряд авторов в своих исследованиях выделяют имеющиеся и возникающие проблемы и отмечают необходимость обновления правового механизма защиты и оказания несовершеннолетним помощи в реализации прав [9].

Механизм субсидиарной ответственности, закреплённый в статьях 399 и 1074 ГК РФ, выстраивает строгую последовательность предъявления требований при возмещении вреда, причинённого несовершеннолетними. Первоочередным ответчиком всегда выступает сам несовершеннолетний, непосредственно причинивший ущерб. Только если собственных средств подростка недостаточно либо они полностью отсутствуют, возникает основание для привлечения к ответственности его законных представителей – родителей, усыновителей или попечителя. Это и есть суть субсидиарной (дополнительной) ответственности, она не подменяет, а дополняет первичную обязанность самого причинителя вреда.

Правовую позицию по данному вопросу чётко сформулировала Судебная коллегия Верховного Суда РФ в Определении от 31 марта 2000 года. В документе закреплено, что исковое требование изначально должно быть предъявлено непосредственно несовершеннолетнему, именно он выступает основным ответчиком по делу. Родители или иные законные представители могут быть привлечены лишь в качестве соответчиков, и только если в ходе рассмотрения дела выяснится, что

подросток не способен в полном объёме возместить причинённый ущерб [2].

Такой процессуальный порядок обеспечивает баланс интересов всех участников правоотношений. С одной стороны, он гарантирует потерпевшему возможность получить полное возмещение ущерба, даже если у несовершеннолетнего нет достаточных средств. С другой, сохраняет принцип личной ответственности подростка и не допускает необоснованного перекладывания обязательств на его родителей. Одновременно он стимулирует законных представителей к надлежащему исполнению обязанностей по воспитанию и контролю за поведением несовершеннолетнего, поскольку риск субсидиарной ответственности служит действенным правовым стимулом.

Сочетание норм статей 399 и 1074 ГК РФ с разъяснениями Верховного Суда формирует чёткую и справедливую систему возмещения вреда, причинённого несовершеннолетними. Она последовательно защищает права потерпевших, учитывает возрастные особенности причинителя вреда и определяет условия дополнительной ответственности законных представителей.

Обратимся к примеру из судебной практики. В рамках дела № 2-69/2020, рассмотренного Канским районным судом Красноярского края, несовершеннолетний во время словесного конфликта умышленно нанёс удар кулаком в лицо потерпевшего, от которого тот упал, а затем ударил потерпевшего ногой в область лица. В результате потерпевшему были причинены телесные повреждения, квалифицированные как вред средней тяжести. Суд частично удовлетворил иск потерпевшего о компенсации морального вреда. Поскольку у ответчика не оказалось достаточных доходов или имущества для возмещения вреда, суд на основании ч. 2 ст. 1074 ГК РФ возложил субсидиарную ответственность на его родителей до достижения несовершеннолетним совершеннолетия, либо появления у него средств для самостоятельного погашения долга [5]. Таким образом, родители привлечены к субсидиарной ответственности из-за ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию и надзору за ребёнком, так как они не смогли доказать отсутствие своей вины в произошедшем, что соответствует разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1.

Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними, в Российской Федерации и зарубежных странах имеет свои сходства и отличия. Для сравнения обратимся к законодательству Китайской Народной Республики. Гражданско-правовая ответственность несовершеннолетних в КНР регламентируется Гражданским кодексом и рядом специальных нормативно-правовых актов.

В Китае при выборе мер воздействия на несовершеннолетних действует приоритет воспитательных мер над наказанием. Это находит свое отражение в подходах к гражданско-правовой ответственности в отношении несовершеннолетних: правовая система Китая ориентирована не только на возмещение вреда, она нацелена на коррекцию поведения несовершеннолетних, а также на профилактику будущих правонарушений.

В 1999 году в КНР был принят Закон «О предупреждении правонарушений среди несовершеннолетних», который заложил основы государственной политики в отношении юных правонарушителей. В документе зафиксированы ключевые принципы: направление деятельности государства «на воспитание, исправление и спасение» несовершеннолетних, а также «приоритет воспитательных мер над применением наказания» [6, с. 90].

Гражданский кодекс Китайской Народной Республики (ГК КНР) вступил в силу 1 января 2021 г., включает 7 разделов, 84 главы и 1260 статей. Кодекс является первым кодифицированным законодательным актом в истории современного Китая. В ГК КНР вопросы гражданско-правовой ответственности несовершеннолетних регулируются в контексте их дееспособности и опеки. Согласно статьям 17 и 18 ГК КНР, возраст совершеннолетия и полной дееспособности – 18 лет: «Гражданин, достигший восемнадцатилетнего возраста, считается совершеннолетним... Совершеннолетний гражданин является полностью дееспособным» [7]. Несовершеннолетние, согласно ГК КНР, делятся на две категории: дети до 8 лет – недееспособны (статья 20), дети от 8 до 18 лет – ограниченно дееспособны (статья 19).

ГК КНР выделяется на фоне зарубежных аналогов, включая ГК РФ, наличием обособленного раздела «Деликтная ответственность». Эта структурная особенность отражает особый подход китайского законодателя к регулированию обязательств, возникающих вследствие причинения вреда. В большинстве юрисдикций, в т.ч. российской, нормы деликтного права интегрированы в общие положения об обязательствах, а не выделены в самостоятельный блок.

Статья 1165 ГК КНР устанавливает общие основания для наступления ответственности: причинение вреда жизни, здоровью, имуществу граждан или имуществу иных лиц. ГК КНР устанавливает, что вред, причиненный недееспособным, ограниченно дееспособным гражданином возмещает его опекун. В то же время закон уточняет, что «если опекун в полной мере исполнил обязанности по опеке, размер возмещения вреда может быть уменьшен» (статья 1188) [7]. Китайский законодатель отмечает, в случае если несовершеннолетний обладает имуществом, то вред возмещается за счет указанного имущества, при недостаточности указанного имущества вред возмещается опекуном. К опекунам гражданское законодательство Китая относит родителей, ко-

торые должны нести обязанности по содержанию, воспитанию и защите несовершеннолетних детей.

Правовая система КНР выстраивает модель ответственности, где возмещение ущерба сочетается с воспитательным воздействием на несовершеннолетнего. Такой подход отражает стремление законодателя не просто компенсировать последствия правонарушения, а создать условия для исправления подростка и формирования у него устойчивых моделей правомерного поведения, обеспечивая при этом защиту прав потерпевших.

Анализ гражданско-правовой ответственности за вред, причинённый несовершеннолетними, в Российской Федерации и Китайской Народной Республике демонстрирует некоторые различия в подходах к регулированию этой сферы.

В Российской Федерации правовая модель строится на чёткой возрастной градации и механизме субсидиарной ответственности. Воспитательный аспект формально не закреплён как самостоятельная цель: правовая система ориентирована на компенсацию ущерба и стимулирование родителей к надлежащему надзору за детьми через риск субсидиарной ответственности. Российское право стремится к балансу, сочетая самостоятельную ответственность несовершеннолетнего (при наличии ресурсов) с субсидиарной ответственностью взрослых.

В Китайской Народной Республике гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними также, как и в Российской Федерации имеет возрастные градации, но возрастной порог ограниченно дееспособных граждан КНР начинается с 8 лет, что существенно ниже, чем в Российской Федерации. Правовой механизм возмещения вреда в Китайской Народной Республике выстраивается вокруг принципа приоритетной ответственности опекуна.

Важно отметить структурную особенность Гражданского кодекса КНР – обособленный раздел «Деликтная ответственность», позволяющий детально регламентировать вопросы возмещения вреда с учётом возрастных и ситуационных факторов.

На основе сравнения гражданского права России и Китая, в части гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними, можно отметить важный раздел законодательства КНР, перспективный для адаптации в правовом поле Российской Федерации: выделение деликтных норм в самостоятельный блок Гражданского кодекса РФ. Обособление положений о возмещении вреда (в т.ч. причинённого несовершеннолетними) в отдельный раздел улучшит системность законодательства и упростит правоприменение.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации часть 2 (ГК РФ ч.2) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 25.02.2026).

[2] Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31 марта 2000 г. N 46-В00-3 // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/1783403/ (дата обращения 01.03.2026).

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790/ (дата обращения: 01.03.2026).

[4] Решение № 2-1568/2020 от 28 октября 2020 г. по делу № 2-113/2020(2-1932/2019;)~М-1748/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/QjY4HiJinidV/ (дата обращения 01.03.2026).

[5] Решение № 2-69/2020 2-69/2020(2-891/2019;)~М-644/2019 2-891/2019 М-644/2019 от 26 февраля 2020 г. по делу № 2-69/2020 : Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/z7AbnpwJSomv/ (дата обращения 01.03.2026).

[6] Беженцев А.А. Генезис и эволюция профилактики правонарушений несовершеннолетних в зарубежных странах / А. А. Беженцев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 4(37). – С. 85-91.

[7] Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / ответственный редактор перевода профессор Ван Чжихуа; [перевод с китайского Ван Чжихуа и др.]. – Москва : Проспект, 2024. – 365 с.

[8] Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав - М.: Статут, 2000. 414 с.

[9] Моисеенко М. И. Актуальные проблемы правового положения несовершеннолетних граждан в гражданском законодательстве Российской Федерации и пути их решения / М. И. Моисеенко, Д. Д. Сыроватко // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2025. – № 1(70). – С. 55-57.

References:

*[1] Civil Code of the Russian Federation part 2 (Civil Code of the Russian Federation part 2) dated January 26, 1996 No. 14-FZ // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_*

LAW_9027/ (date of access: 02.25.2026).

[2] Determination of the Investigative Committee for civil cases of the Supreme Court of the Russian Federation of March 31, 2000 N 46-B00-3 // SPS Garant. URL: https://base.garant.ru/1783403/ (access date 03/01/2026).

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 26, 2010 No. 1 "On the application by courts of civil legislation regulating relations under obligations resulting from harm to the life or health of a citizen" // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790/ (access date: 03/01/2026).

[4] Decision No. 2-1568/2020 of October 28, 2020 in case No. 2-113/2020(2-1932/2019;)~M-1748/2019 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/QjY4HiJinidV/ (date accessed 03/01/2026).

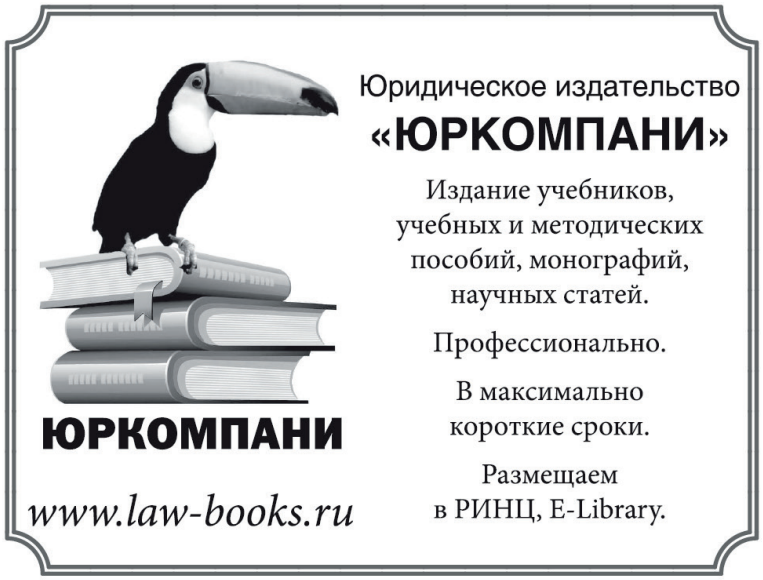
[5] Decision No. 2-69/2020 2-69/2020(2-891/2019;)~M-644/2019 2-891/2019 M-644/2019 dated February 26, 2020 in case No. 2-69/2020: Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/z7AbnpwJSomv/ (date accessed 03/01/2026).

[6] Bezhentsev A.A. Genesis and evolution of the prevention of juvenile delinquency in foreign countries / A. A. Bezhentsev // Bulletin of the Siberian Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 4(37). – P. 85-91.

[7] Civil Code of the People's Republic of China / executive editor of the translation, Professor Wang Zhihua; [translated from Chinese by Wang Zhihua et al.]. – Moscow: Prospekt, 2024. – 365 p.

[8] Gribanov V.P. Exercise and protection of civil rights - M.: Statute, 2000. 414 p.

[9] Moiseenko M.I. Current problems of the legal status of minors in the civil legislation of the Russian Federation and ways to solve them / M.I. Moiseenko, D.D. Syrovatko // Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. – 2025. – No. 1(70). – pp. 55-57.



Дата поступления рукописи в редакцию: 27.05.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-108-112**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

НИКИТИНА Мария Юрьевна,
магистрант Финансового университета
при Правительстве РФ,
e-mail: 241181@edu.fa.ru

АНАЛИЗ ТИПИЧНЫХ СПОСОБОВ НЕЗАКОННОГО ОТЧУЖДЕНИЯ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена обобщению и изучению типовых незаконных сценариев отчуждения недвижимости, сложившиеся в современной российской практике гражданских сделок в области жилого недвижимого имущества. Рассматриваются актуальные типовые схемы незаконного отчуждения жилого имущества. На основе проведенного анализа предложены способы совершенствования правовой системы для минимизации рисков незаконного отчуждения имущества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: двойная продажа, мошенничество в сфере недвижимости, недвижимость, недееспособность, отчуждение недвижимости, подложная доверенность, право собственности, регистрация прав собственности, фиктивное банкротство, черные риелторы.

NIKITINA Maria Yurievna,
Master's Student at the Financial University
under the Government of the Russian Federation

ANALYSIS OF TYPICAL METHODS OF ILLEGAL ALIENATION OF RESIDENTIAL REAL ESTATE

ANNOTATION. This article is devoted to the generalization and study of typical illegal real estate alienation scenarios that have developed in the modern Russian practice of civil transactions in the field of residential real estate. The current typical schemes of illegal alienation of residential property are considered. Based on the analysis, promising areas for improving the legal system in minimizing the risks of illegal alienation of property have been identified.

KEY WORDS: double sale, real estate fraud, real estate, incapacity, alienation of real estate, forged power of attorney, ownership, registration of property rights, fictitious bankruptcy, black realtors.

Отчуждение жилой недвижимости является одним из наиболее значимых институтов гражданского оборота, опосредующих переход права собственности на объекты, традиционно имеющие для участников оборота высокую социальную и экономическую ценность. Наряду с легальными способами отчуждения - куплей-продажей, дарением, рентой, наследованием и приватизацией - в российской правоприменительной практике сложился устойчивый набор незаконных схем, направленных на противоправное завладение объектами недвижимости. Актуализации проблематики незаконного отчуждения жилого имущества служит то, что значительное количество актов незаконного отчуждения совершается «de facto» - без формального нарушения закона на момент совершения сделки, с использованием внешне легальных гражданско-правовых конструкций, совокупная оценка которых и позволяет выявить их противоправный характер.

Так, например, распространенная схема с приобретением доли в праве общей собственности на жилое помещение, которое само по себе не является нарушением закона, в совокупности с последующими действиями по созданию невыносимых условий проживания для других сособственников и вымогательству выкупа доли по завышенной цене образует состав злоупотребления правом либо мошенничества. Более того, практика незаконного отчуждения недвижимости постоянно эволюционирует: по мере совершенствования законодательства и правоприменительной практики злоумышленники адаптируют существующие схемы и разрабатывают новые, включающие не используемые ранее инструменты, социально-психологические и правовые механизмы реализации [1].

Одной из наиболее распространенных и ранних незаконных схем является отчуждение недвижимости на основании подложных доверенностей. Механизм рассматриваемой схемы включает несколько последовательных этапов: злоумышленник изготавливает подложную доверенность от имени собственника (зачастую с использованием поддельной нотариальной отметки); на основании доверенности заключается договор купли-продажи; право собственности регистрируется на добросовестного приобретателя, в то время как реальный собственник узнает о состоявшейся сделке «post factum». Сложность

выявления данной схемы ранее была обусловлена тем, что внешне сделка выглядит легальной, а добросовестный приобретатель не имел возможности самостоятельно проверить юридическую силу доверенности на момент её выдачи. Введение реестра Федеральной нотариальной палаты (ФНП) позволило во многом решить данную проблему. Однако, при пренебрежении приобретателем проверки доверенности на предмет подлинности, указанная схема может быть реализована. Причем нередко в таких схемах задействуют целый комплект поддельных документов, что дополнительно затрудняет дальнейшую правовую защиту покупателя [1; 2].

Отдельного внимания заслуживает схема отчуждения недвижимости на основании фиктивных судебных актов. В рамках данной схемы мошенники инициируют судебное производство с участием подставных сторон, например, о признании права собственности в порядке приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ) либо о признании права собственности на самовольную постройку (ст. 222 ГК РФ). Получив судебное решение, злоумышленники регистрируют право собственности на его основании в органах Росреестра. Механизмом противодействия данной схеме является развитие системы электронного взаимодействия Росреестра с судами общей юрисдикции через государственную автоматизированную систему «Правосудие», позволяющую оперативно верифицировать подлинность судебных решений. Однако, как отмечается в правовой литературе, техническая возможность такой проверки реализована не во всех регионах, что создает «окна уязвимости» [3].

Еще одной распространенной незаконной схемой является отчуждение недвижимости в рамках фиктивного или преднамеренного банкротства. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ предусматривает легальный механизм реализации имущества должника в целях удовлетворения требований кредиторов. Однако на практике недобросовестные должники используют данный механизм для вывода ликвидных активов. В частности, к числу таких способов относятся [4]:

- создание искусственной кредиторской задолженности и последующее инициирование процедуры банкротства;

- совершение сделок по отчуждению недвижимости по заниженной цене в преддверии банкротства;

- отчуждение имущества на торгах аффилированным лицам по минимальной цене.

Среди прочих вариантов незаконного отчуждения, связанных с фальсификацией документов, широкое распространение получили схемы отчуждения недвижимости в сфере наследования. Мошеннические действия в данной сфере могут быть направлены как на фальсификацию завещания, так и на отстранение законных наследников от принятия наследства. Схема с подложным завещанием включает изготовление завещания от имени умершего собственника, причем зачастую с использованием поддельной нотариальной отметки либо с вовлечением недобросовестного нотариуса. Сложность выявления данной схемы заключается в том, что завещание является односторонней сделкой, и после смерти завещателя установить подлинность его волеизъявления крайне затруднительно, особенно в случаях, когда завещание составлено в простой письменной форме при чрезвычайных обстоятельствах (ст. 1129 ГК РФ) [5].

Другая типовая схема связана с сокрытием факта открытия наследства либо с утаиванием имущества от законных наследников. Злоумышленники, фактически владеющие недвижимостью умершего, не сообщают нотариусу о наличии других наследников, представляют подложные документы о родстве либо, напротив, скрывают наличие завещания, составленного в пользу иных лиц. Кроме того, распространены случаи незаконного отчуждения наследственного имущества до истечения срока принятия наследства, когда наследники, еще не оформившие своих прав, но фактически владеющие имуществом, осуществляют его продажу третьим лицам. Впоследствии такие сделки признаются недействительными, однако к этому моменту имущество может быть неоднократно перепродано [2].

Другой типовой незаконной схемой является так называемая «двойная продажа» - ситуация, при которой один и тот же объект недвижимости последовательно продается нескольким покупателям. Данная схема стала возможной в связи с наличием временного разрыва между подписанием договора купли-продажи и государственной регистрацией перехода права собственности. Согласно ст. 8.1 ГК РФ [6], право собственности на недвижимость возникает с момента государственной регистрации, а сам договор считается заключенным с момента его подписания сторонами. Продавец, получив задаток или полную оплату от первого покупателя, не регистрирует переход права, а заключает договор с другим лицом и осуществляет регистрацию именно в его пользу. В результате первый покупатель оказывается перед необходимостью оспаривания сделки и взыскания убытков. Однако, в настоящее время накоплена достаточно обширная положительная правоприменительная практика по пресечению применения данных схем, особенно по ст. 1064 ГК РФ и ст. 159 УК РФ, в том числе с использованием современных информационных инструментов отслеживания движения платежных средств (например, с использованием данных систем передачи финансовых сообщений) [5; 7].

Среди наиболее общественно-опасных схем незаконного отчуждения недвижимости занимают мошеннические рентные схемы, реализуемые так называемыми «черными риелторами». Под

данным термином понимаются лица, систематически совершающие мошеннические действия с жильем граждан, как правило, социально незащищенных категорий. Типовая схема работы подобных правонарушителей включает следующие этапы [1; 8]:

- поиск одиноких пожилых граждан или лиц, страдающих алкогольной либо наркотической зависимостью, установление с ними доверительных отношений;

- склонение к заключению договора пожизненного содержания с иждивением (ст. 601-605 ГК РФ);

- систематическое неисполнение обязательств по содержанию;

- после смерти собственника - оформление права собственности на мошенников либо на подставных лиц.

Еще одним вариантом схемы является использование института наследственного договора (ст. 1140.1 ГК РФ). Правонарушители склоняют одиноких пожилых граждан к заключению наследственного договора, по условиям которого все имущество переходит к ним в обмен на обещание содержания и ухода, однако после подписания договора обязательства не исполняются, а наследодатель, полагая себя связанным договором, не составляет завещание в пользу иных лиц. В случае смерти наследодателя наследники по закону лишаются возможности наследовать имущество, а наследник по договору регистрирует право собственности, несмотря на неисполнение обязательств. Судебная практика идет по пути признания таких наследственных договоров недействительными по ст. 179 ГК РФ (кабальные сделки), однако бремя доказывания кабальности возлагается на истца, что существенно осложняет защиту нарушенных прав [1; 8].

Причем нередко, в ряде случаев смерть собственника наступает в результате умышленного причинения вреда. Существенную проблему, применительно к пожилым гражданам, для квалификации данных деяний представляет часто отсутствующее достоверное установление причины смерти: вскрытие умерших старше 60 лет может проводиться без гистологического исследования, также патолого-анатомическое вскрытие не проводится при наличии письменного волеизъявления родственников, за исключением подозрения на насильственную смерть [1].

В таком случае, черные риэлторы, осуществляющие содержание по договору ренты, пользуясь данными нормами, могут не вызывать скорую помощь при ухудшении состояния собственника, а смерть в домашних условиях без внешних признаков насилия квалифицируется как ненасильственная, что зачастую не позволяет установить истинную причину смерти, особенно при использовании малых доз опасных и вредных препаратов или веществ. Квалификация таких деяний осложняется необходимостью доказывания умысла, направленного на завладение имуществом, на стадии заключения договора ренты, что требует проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий и судебно-психиатрических экспертиз. Таким образом, недостатки системы освидетельствования умерших делают данную схему одной из наиболее латентных и трудно раскрываемых.

Значительный пласт незаконного отчуждения недвижимости связан с противоправными действиями в сфере приватизации. Данный институт, будучи социально ориентированным, вместе с тем породил ряд мошеннических схем. Одной из наиболее распространенных является приватизация жилого помещения без ведома и согласия лиц, имеющих право на участие в приватизации, в частности, граждан, временно отсутствующих (отбывающих наказание, проходящих военную службу, находящихся на лечении в медицинских организациях) [9].

Злоумышленники подделывают заявления об отказе от участия в приватизации либо документы, подтверждающие отсутствие таких лиц, после чего оформляют право собственности на подставных лиц и осуществляют отчуждение объекта третьим лицам. Другой вариант схемы связан с приватизацией жилых помещений с использованием подложных документов о регистрации, когда мошенники фиктивно регистрируются в квартире и в последующем реализуют право на приватизацию.

В данном ключе используется еще одна схема, при которой приватизация осуществляется от имени умерших граждан - мошенники не сообщают в уполномоченные органы о смерти лица, имеющего право на приватизацию, и оформляют документы задним числом. Дополнительную сложность представляет ситуация, когда квартира, незаконно приватизированная, была впоследствии неоднократно перепродана добросовестным приобретателям. В таком случае суды, руководствуясь разъяснениями, содержащимися в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10/22 от 29.04.2010, как правило, отказывают в виндикации имущества, ограничиваясь взысканием убытков с непосредственных виновников незаконной приватизации [9].

В последние годы в российской правоприменительной практике получила широкое распространение схема незаконного отчуждения недвижимости, с фиктивным или реальным воздействием на продавца со стороны мошенников с целью склонения его к добровольному отчуждению недвижимости и последующим востребованием продавцом отчуждения имущества у добросовестного приобретателя на основании отсутствия у продавца понимания о значении своих действий вследствие влияния третьих лиц. Типовая схема включает следующие этапы: злоумышленники вступают в доверительный контакт с собственником с применением комплекса

приемов так называемой социальной инженерии (психо-эмоциональное воздействие), убеждают его продать недвижимость с фиктивной целью (для последующего приобретения более выгодного объекта, сохранения прав собственности, предупреждения правонарушения, уголовного преследования, кражи и т.д.), после чего полученные денежные средства похищаются, а недвижимость переходит в собственность подставных лиц или добросовестного приобретателя, с передачей средств от продажи мошенникам. После чего, бывший собственник имущества требует признания недействительности сделки по основаниям ст. 177 ГК РФ (недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими) [10].

Правовая проблема квалификации данной схемы заключается в том, что формально сделка купли-продажи совершается самим собственником добровольно, что исключает возможность её оспаривания по основаниям ст. 177 ГК РФ. Однако в судебной практике сформировался подход, согласно которому при наличии доказательств нахождения продавца под влиянием мошенников (заключения психологических и психиатрических экспертиз, переписка, свидетельские показания) сделка может быть признана недействительной.

По схожему правовому механизму квалифицируются и сделки по отчуждению недвижимости лицами, впоследствии признанными недееспособными. В данном случае злоумышленники также используют уязвимое состояние собственника - однако не путём временного психологического воздействия, а пользуясь хроническим психическим расстройством, лишающим гражданина способности понимать значение своих действий. Ключевое правовое значение в данной категории дел имеет принцип обратной силы признания недееспособности: сделка может быть признана недействительной, если впоследствии (даже спустя несколько месяцев или лет) собственник был признан недееспособным в судебном порядке, и судебно-психиатрическая экспертиза установила, что на момент совершения сделки он страдал психическим расстройством, лишавшим его способности понимать значение своих действий [10].

Таким образом, оба механизма - психологическое воздействие на дееспособное лицо и последующее признание недееспособности (хроническое психическое расстройство) - объединяет общая правовая конструкция оспаривания сделки по ст. 177 ГК РФ, где ключевым доказательством выступает неспособность продавца понимать значение своих действий в момент совершения сделки, устанавливаемая посредством судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз.

В настоящее время указанные коллизии разрешаются судебной практикой следующим образом. При оспаривании сделки по ст. 177 ГК РФ ключевое значение имеет не формальное наличие или отсутствие решения о недееспособности на момент сделки, а доказанность факта психического расстройства, лишавшего гражданина способности понимать значение своих действий, устанавливаемая посредством судебно-психиатрической экспертизы. Кроме того, существенное занижение цены сделки по сравнению с рыночной стоимостью и передача денежных средств третьим лицам рассматриваются судами как косвенные доказательства неспособности продавца осознавать значение своих действий, что особенно характерно для сделок с участием лиц пожилого возраста [10].

На основе проведённого анализа могут быть предложены следующие меры по совершенствованию механизмов противодействия незаконному отчуждению недвижимости:

- закрепление обязательной нотариальной формы договоров купли-продажи недвижимости с проверкой доверенностей через реестр ФНП;

- завершение внедрения системы электронной верификации судебных решений через ГАС «Правосудие» во всех регионах;

- усиление контроля за деятельностью арбитражных управляющих и ответственности за фиктивное и преднамеренное банкротство;

- установление обязательного патолого-анатомического вскрытия с гистологическим исследованием при смерти одиноких пожилых лиц, в отношении которых заключён договор ренты или наследственный договор;

- введение обязательной видеофиксации удостоверения завещаний и наследственных договоров нотариусом;

- сокращение срока регистрации перехода права собственности и установление обязанности продавца уведомлять покупателя о подаче заявления через портал «Госуслуги» в целях снижения риска двойных продаж;

- установление нотариальной формы отказа от участия в приватизации с обязательной видеофиксацией;

- законодательное закрепление обязательного назначения независимой судебно-психиатрической и психолого-психиатрической экспертиз при оспаривании сделок, связанных с мошенническими действиями и участием лиц с психическими расстройствами.

Список литературы:

[1] Веселов В. В. Проблемы квалификации преступлений против собственности, связанных с хищением, кражей и мошенничеством / В. В. Веселов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 5. – С. 105-108.

[2] Ако Г. С. Некоторые вопросы уголовной ответственности за мошенничество, связанное с незаконным оборотом и регистрацией недвижимости / Г. С. Ако // Судебная экспертиза и исследования. – 2025. – № 4. – С. 7-11.

[3] Кузьмина И. Д. Недобросовестность приобретателя как условие истребования имущества из чужого незаконного владения / И. Д. Кузьмина // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2023. – № 497. – С. 222-228.

[4] Холова О. А., Арзамасцев М. В. Незаконное обогащение за счет неправомерного получения имущественных прав при банкротстве / О. А. Холова, М. В. Арзамасцев // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2025. – № 4. – С. 96-101.

[5] Усович Л. В. Ответственность лиц, участвующих в государственной регистрации прав на недвижимое имущество / Л. В. Усович // Имущественные отношения в РФ. – 2013. – № 2 (137). – С. 29-36.

[6] Гражданский кодекс Российской Федерации на 2026 год. Со всеми изменениями, законопроектами и постановлениями судов. – Москва : АСТ, 2026. – 720 с.

[7] Мальбин Д. А. Защита добросовестного приобретателя и недействительность сделки: в поисках стабильности гражданских правоотношений / Д. А. Мальбин // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 2 (159). – С. 140-150.

[8] Вецкая С. А. Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере оборота недвижимости, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / С. А. Вецкая, В. В. Пушкарев, М. М. Макаренко // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 4. – С. 28-33.

[9] Незнамова З. А. Защита экономических интересов государства уголовно-правовыми средствами (на примере преступлений против собственности) / З. А. Незнамова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 3 (42). – С. 134-140.

[10] Матвеев А. Г. Обеспечение стабильности сделок с недвижимостью: новое в практике Верховного Суда Российской Федерации / А. Г. Матвеев, В. В. Рудич, Д. А. Мартыненко // Теория и практика общественного развития. 2026. – № 3. – С. 180-186.

References:

[1] Veselov V. V. Problems of qualification of crimes against property related to theft, robbery and fraud / V. V. Veselov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. - 2021. - No. 5. - Pp. 105-108.

[2] Ako G. S. Some issues of criminal liability for fraud related to illegal circulation and registration of real estate / G. S. Ako // Forensic examination and research. - 2025. - No. 4. - Pp. 7-11.

[3] Kuzmina I. D. Bad faith of the acquirer as a condition for the recovery of property from someone else's illegal possession / I. D. Kuzmina // Vestn. Tomsk. state University. - 2023. - No. 497. - Pp. 222-228.

[4] Kholova O. A., Arzamascev M. V. Illegal enrichment through the unlawful acquisition of property rights during bankruptcy / O. A. Kholova, M. V. Arzamascev // Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences. - 2025. - No. 4. - Pp. 96-101.

[5] Usovich L. V. Liability of persons participating in the state registration of rights to real estate / L. V. Usovich // Property relations in the Russian Federation. - 2013. - No. 2 (137). - Pp. 29-36.

[6] Civil Code of the Russian Federation for 2026. With all amendments, bills and court decisions. - Moscow: AST, 2026. - 720 p.

[7] Malbin D. A. Protection of a bona fide purchaser and invalidity of a transaction: in search of stability of civil legal relations / D. A. Malbin // Current problems of Russian law. - 2024. - No. 2 (159). - P. 140-150.

[8] Vetskaya S. A. Criminal-legal characteristics of crimes in the sphere of real estate turnover committed with the use of information and telecommunication technologies / S. A. Vetskaya, V. V. Pushkarev, M. M. Makarenko // Bulletin of Economic Security. - 2023. - No. 4. - P. 28-33.

[9] Neznamova Z. A. Protection of the economic interests of the state by criminal-legal means (on the example of crimes against property) / Z. A. Neznamova // Law and order: history, theory, practice. - 2024. - No. 3 (42). – P. 134-140.

[10] Matveyev A. G. Ensuring the stability of real estate transactions: new in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation / A. G. Matveyev, V. V. Rudich, D. A. Martynenko // Theory and practice of social development. 2026. – No. 3. – P. 180-186.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.04.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-113-117**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

ЛОБЫЗЕНКОВА В.А.,
кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России,
Донецк (ДНР), Россия,
магистрант,
1 курс, (специальность) 40.04.01 Юриспруденция
Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС,
Волгоград, Россия,
тел: 89053944267,
e-mail: Feklacat@yandex.ru

ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА ЖЕНЩИН ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

АННОТАЦИЯ. На основе анализа уголовно-процессуальных источников, в работе описываются особенности тактических и психологические приёмов всех стадий допроса – свободного рассказа, рабочей и стадии фиксации. Допрос рассматривается как ключевое следственное действие. В статье автор разделяет допрашиваемых на категорию лиц состоящей из женщин подозреваемых и обвиняемых, совершившие преступления террористической направленности. Отмечено, что непрофессионализм следователя, нежелание уйти во время допроса от психологического давления на допрашиваемого - факторы, снижающие эффективность получения достоверной информации и пагубно влияющие на эмоциональное и психологическое состояние. В ходе расследования преступлений террористической направленности, совершаемые женщинами, в зависимости от конкретной следственной ситуации (конфликтной и бесконфликтной), следователем могут применяться тактические приемы и методы допроса, способствующие раскрытию преступлений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: допрос женщин, психологическое особенности, подготовка к допросу, получение информации, женская преступность, женщины-террористки, террористический акт, допрос, тактические приёмы допроса.

LOBYZENKOVA V.A.,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Social
and Humanitarian Disciplines of the Donetsk Branch
of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Donetsk (DPR), Russia,
Master's student,
first year, (specialization) 40.04.01 Jurisprudence
Volgograd Institute of Management - branch of RANEPA,
Volgograd, Russia

TACTICAL ASPECTS OF INTERROGATION OF FEMALE SUSPECTS AND ACCUSED DURING THE INVESTIGATION OF TERRORIST CRIMES

ANNOTATION. Based on the analysis of criminal procedure sources, the paper describes the features of tactical and psychological techniques of all stages of interrogation – free narrative, working and fixation stage. Interrogation is considered as a key investigative action. In the article, the author divides the interrogated into a category of persons consisting of women suspects and accused of committing crimes of a terrorist nature. It has been noted that the investigator's lack of professionalism and unwillingness to avoid psychological pressure on the interrogated person during the interrogation are factors that reduce the effectiveness of obtaining reliable information and have a detrimental effect on the emotional and psychological state of the

person being interrogated. During the investigation of terrorist crimes committed by women, depending on the specific investigative situation (conflicting or non-conflicting), the investigator may use tactical techniques and methods of interrogation that contribute to the disclosure of crimes.

KEY WORDS: interrogation of women, psychological characteristics, preparation for interrogation, obtaining information, female crime, female terrorists, terrorist act, interrogation, and interrogation tactics.

В контексте криминологических исследований многие авторы склоняются к единому мнению о том, что женщины занимают определенную нишу в террористической деятельности. Преступления террористической направленности – деяния, направленные на нарушение общественной безопасности, устрашение населения, связанные с террористической деятельностью [1, с.36].

Работая над вопросом расследования преступлений террористической направленности, совершаемые женщинами, автором были рассмотрены научно-теоретические аспекты допроса в условиях бесконфликтной и конфликтной ситуации. Когда следователь чётко осознаёт и понимает цели допроса, он может избежать не нужных временных затрат на второстепенных моментах следственной ситуации, что важно при расследовании преступлений террористической направленности.

Анализируя научные источники информации, можно выделить ряд специфических особенностей допроса, которые связаны с психологией личности допрашиваемых, иногда и с влиянием на поведенческие мотивы социальных факторов. Эти особенности требуют особенной тактики проведения допроса, направленной на выявление и устранение психологических мотивов, противоречий.

Отметим, что на законодательном уровне, в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, отсутствует закрепленное определение допроса, что провоцирует повод дискуссии для различных авторов о формулировании сути допроса. Многие учёные-процессуалисты, видят основную цель допроса в уточнении деталей произошедшего, выявление ложности в показаниях, получение признательных показаний или сбор дополнительных сведений, необходимых для раскрытия преступления. Подчеркнем процессуальные правила проведения допроса. В своём развитии допрос базируется на следующих стадиях: свободного рассказа (допрашиваемый интерпретирует факты в естественной для него логике); рабочей (применение тактических приёмов и методов); фиксации (документальное закрепление полученных результатов, их логический анализ) закрепленные в уголовно-процессуальном кодексе статье 189.

Для наиболее полного понимания сути допроса, представляется возможным конкретизировать понятие «допрос».

«Допрос – термин, который связан со следственным или судебным действием, цель которого фиксацией показаний допрашиваемого субъекта, опрос лица (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля) об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела» [2, с.105].

Законодатель процессуально классифицировал допрашиваемых по статусу (подозреваемые, потерпевшие, свидетели), а также по возрастной категории (несовершеннолетние, достигшие 14 лет, достигшие 16 лет и совершеннолетние) [3].

Особое внимание следует уделить женщинам, подозреваемым и обвиняемым совершившие преступления террористической направленности. Рассматривая данную категорию, следует сказать, что в нормативно-правовых актах отсутствует отдельное выделение женщин как категории допрашиваемых. В статусе подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления террористической направленности предполагаются лица, задержанные в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (от 18.12.2001 №174-ФЗ), в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Анализируя работы многих авторов, можно сказать о том, что не существует рекомендаций, которые бы позволили выявить поведение, реакцию и особенности допроса женщин подозреваемых и обвиняемых в террористической деятельности. Закон устанавливает количество часов допроса в день, согласно ст. 187 п.2, не может длиться непрерывно более 4 часов, общая продолжительность в течение дня не должна превышать 8 часов. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (от 18.12.2001 №174-ФЗ), прописывает полномочия защитника во время ведения допроса (ст.53).

Статьи 42,56 УПК РФ – содержат запрет на дачу ложных показаний свидетелем и потерпевшим, но не учитывает особенности женщин [3]. Женщины подозреваемые (обвиняемые) согласно процессуальному статусу, могут отказаться от дачи показаний и не нести уголовную ответственность за отказ от дачи заведомо ложных показаний. Такой шаг позволяет лицу причастного к преступлению террористической направленности выработать на весь период предварительного расследования устойчивую защитную позицию [4].

Охватывая проблему допроса, психолог Н.И. Порубов выделяет понятие «психологический контакт», под которым подразумевается - система взаимодействия людей, в процессе которой осуществляется их общение, основанное на доверии, осуществляется информационный обмен [5, С.45].

При предъявлении доказательств, следователю необходимо обратить внимание на вербальный канал общения. Женщины, совершившие акт терроризма, могут быть жертвами насилия, эксплуатации или неблагоприятных жизненных обстоятельств, что приводит к изменениям в психическом восприятии окружающей действительности [4].

В процессе психологического контакта необходимо учитывать личностные особенности женщин, совершивших криминогенное действие. Например, учёт темперамента характерен для женщин с сангвиническим типом и строится на быстром изложении показаний, перескакивании с одних эпизодов на другие. Для обеспечения эффективности и полноты информации, важна фиксация реакции допрашиваемого на применяемый фактор внезапности задаваемых вопросов.

Совпадение процессуальных интересов следователя и допрашиваемого характерно для бесконфликтной ситуации. Опишем типовые приёмы допроса женщин-террористок (схема 1).

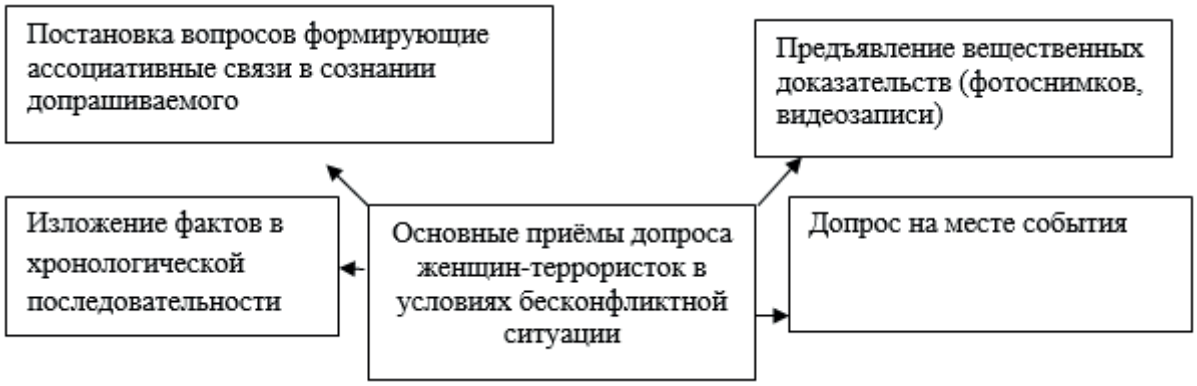


Схема 1. Основные приёмы допроса женщин-террористок в бесконфликтной ситуации

Процедура допроса женщин, совершивших преступление террористической направленности, требует от следователя не только знания норм уголовно-процессуального законодательства, но и умение применять тактические приемы.

Под понятием «тактический прием» принято понимать заранее спланированную и скоординированную последовательность действий. Тактический приём рассматривается как инструмент, требующий быстрого и эффективного решения проблемы в ограниченный период, позволяющий оптимизировать процесс принятия решений и повысить вероятность достижения желаемого результата.

Тактический приём допроса – наиболее оптимальная линия поведения следователя, применяемая для получения от допрашиваемого достоверных и точных показаний.

Охарактеризуем основные тактические приёмы допроса женщин-террористок в условиях конфликтной ситуации (схема 2).

Схема 2. Основные тактические приёмы допроса женщин-террористок в условиях конфликтной ситуации

Сильной стороной тактического приёма является его гибкость и адаптивность, что позволяет учитывать специфику конкретной ситуации в соответствии с меняющимися обстоятельствами. Эффективность применения тактического приёма связана с умением быстро принимать решение, анализировать ситуацию, определять приоритеты и выбирать наиболее подходящий способ действий.

В криминалистическом отношении тактика следственного действия строится на некоторых группах тактических приёмов допроса:

- побуждающие допрашиваемого к рассуждению и даче показаний (например, постановка вопросов, уточняющую информацию);

- оказывающее психологическое воздействие на допрашиваемого (побуждение допрашиваемого отказаться от введения следствия в заблуждение);

- создание доброжелательной обстановки с целью ликвидации пробелов и неточностей;

- применяемые в конфликтной ситуации и направленные на распознавание ложных и правдивых показаний.

На выбор приёма тактического допроса оказывает влияние вид преступления, объем и качество собранной к моменту допроса доказательной базы и другое.

Однако важно учитывать, что тактический приём не является универсальным решением и может быть не эффективным. Практическое применение тактического приёма при допросе должно быть обоснованным и соответствовать целям и задачам, стоящим перед лицом, принимающим решение. Поспешные и нерациональные правовые действия могут привести к нежелательным последствиям или ухудшить ситуацию.

Допрос – индивидуальный процесс в следственном действии, позволяющий получить, сформировать и проанализировать информацию имеющую важное значение для уголовного дела. Тактика следственных действий – ориентир, позволяющий достичь максимальной эффективности в процессе расследования преступлений террористической направленности с участием женщин.

Стремление подозреваемого (обвиняемого) в совершении террористического акта избежать уголовной ответственности характерно для конфликтного допроса, сопровождающийся напряженностью и противостоянием. Допрос происходит в условиях психологического конфликта, противоборства. Следователь вынужден самостоятельно выявлять основные детали расследуемого события террористической направленности. Иногда наоборот, задержанный, признает факт участия в совершении преступления. Полученные показания от подобных лиц, могут быть применены в различных видах судебных экспертиз.

При проведении допроса женщин подозреваемых и обвиняемых в совершении террористического действия, следователю важно ориентироваться не только на полученные сведения о допрашиваемом, но и на личностные характерные черты, реакции и фиксировать их на видео. Отметим, что у лиц женского пола, которым предъявлено обвинение, или же которые являются подозреваемыми в совершении преступления террористической направленности, происходят изменения в эмоциональной, интеллектуальной, волевой сфере личности. Для успешного выполнения задач допроса, следователь должен быть опытным, бдительным, так как для женщин характерна симуляция реакций, сексуальный шантаж и истерия.

В зависимости от конкретной следственной ситуации (конфликтной и бесконфликтной), следователю или иному лицу, важно уметь применять тактические приемы и методы допроса, способствующие раскрытию преступлений террористической направленности с участием женщин.

Список литературы:

[1] Ахмедшин Р.Л. Терроризм: психологические, информационные, криминалистические аспекты: учебное пособие / Р. Л. Ахмедшин, Н. В. Ахмедшина. – Томск: Издательство Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, 2023. – 186 с.

[2] Эдилова П.В. Тактические особенности допроса женщин // Право и практика. 2018. №3. С. 104-108.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 13.04.2026).

[4] Курдюкова Е. А., Шерхов Р. Р. Феномен женского терроризма в России // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. №4. С. 115-119.

[5] Порубов Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии / Н.И. Порубов. М., 1998. 208 с.

References:

[1] Akhmedshin R.L. Terrorism: Psychological, Informational, and Forensic Aspects: A Textbook / R. L. Akhmedshin, N. V. Akhmedshina. - Tomsk: Publishing House of Tomsk State University of Control Systems

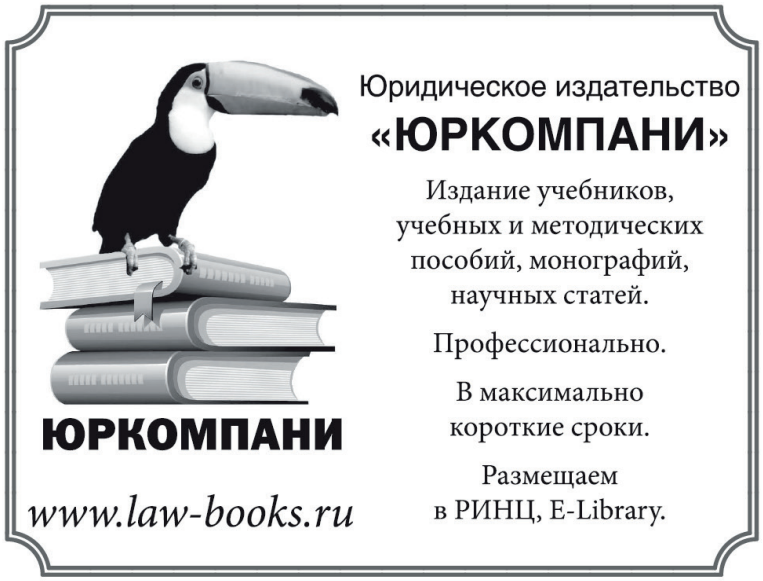
and Radioelectronics, 2023. - 186 p.

[2] Edilova P.V. Tactical Features of Interrogating Women // Law and Practice. 2018. No. 3. Pp. 104-108.

[3] Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 08.03.2026) // SPS Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed: 13.04.2026).

[4] Kurdyukova E. A., Sherkhov R. R. The Phenomenon of Female Terrorism in Russia // Legal Bulletin of the Dagestan State University. 2021. No. 4. pp. 115-119.

[5] Porubov N. I. Interrogation Tactics during Preliminary Investigation / N. I. Porubov. Moscow, 1998. 208 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 27.05.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-118-124**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

БАБКИНА Мария Алексеевна,
магистрант факультета подготовки специалистов
для судебной системы (юридического), 2 курс,
Северо-Кавказский филиал РГУП им. В. М. Лебедева,
Краснодар, Россия,
e-mail: babkinamariya2001@yandex.ru

ТАРАСОВ Анатолий Вячеславович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики
Северо-Кавказского филиала РГУП им. В. М. Лебедева,
заслуженный юрист Кубани,
Краснодар, Россия,
e-mail: tarasov-av@mail.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ: СОДЕРЖАНИЕ, СТРУКТУРА И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены содержание, структура и значение криминалистической характеристики захвата заложников как элемента частной методики расследования преступлений, предусмотренных статьей 206 Уголовного кодекса Российской Федерации. На материале современных научных публикаций и судебной практики 1995–2025 годов раскрыты пять опорных элементов характеристики. Способу совершения сопоставлены крупнейшие отечественные эпизоды – Буденновск, Кизляр-Первомайское, Норд-Ост, Беслан, события 2024 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы и теракт в концертном зале «Крокус Сити Холл». Картина следообразования раскрыта с акцентом на современные цифровые следы и аппаратно-программные средства их выявления, принятые на снабжение подразделений МВД. Обоснована связующая роль криминалистической характеристики между уголовно-правовой характеристикой состава и тактическими рекомендациями расследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: криминалистическая характеристика, захват заложников, методика расследования, способ совершения преступления, цифровые следы, типичная следственная ситуация, следообразование, статья 206 Уголовного кодекса Российской Федерации.

BABKINA Maria Alekseevna,
Master's student, Faculty of Training Specialists
for the Judicial System (Law), second year,
North Caucasus Branch of the V. M. Lebedev Russian State University of Justice,
Krasnodar, Russia

TARASOV Anatoly Vyacheslavovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law and Forensic Science,
North Caucasus Branch of the V. M. Lebedev Russian State University of Justice,
Honored Lawyer of Kuban,
Krasnodar, Russia

FORENSIC CHARACTERISTICS OF HOSTAGE-TAKING: CONTENT, STRUCTURE AND SIGNIFICANCE FOR THE INVESTIGATION METHODOLOGY

ANNOTATION. The article examines the content, structure and significance of the forensic characteristics of hostage-taking as an element of the private methodology for investigating crimes provided for in Article 206 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on contemporary research and judicial practice of 1995–2025, the five supporting elements of the characteristics are revealed. The method of commission is illustrated by the largest Russian episodes – Budyonnovsk, Kizlyar-Pervomayskoye, Nord-Ost, Beslan, the

2024 events in penitentiary institutions, and the Crocus City Hall terrorist act. The pattern of trace formation is presented with an emphasis on modern digital traces and the hardware-software complexes used for their detection by the Russian Ministry of Internal Affairs. The connecting role of forensic characteristics between the criminal-law characteristics of the crime composition and the tactical recommendations of the investigation is substantiated.

KEY WORDS: orensic characteristics, hostage-taking, investigation methodology, method of commission, digital traces, typical investigative situation, trace formation, Article 206 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Захват заложников десятилетиями сохраняет место среди наиболее тяжких посягательств на общественную безопасность. Захват больницы в Буденновске Шамилем Басаевым (июнь 1995 года), захваты в Кизляре и в селе Первомайское (январь 1996 года), захват 916 человек в театральном центре на Дубровке во время мюзикла «Норд-Ост» (23–26 октября 2002 года), захват 1128 человек в средней школе № 1 города Беслана (1–3 сентября 2004 года) образовали в общественном сознании россиян линию событий, остро поставивших задачу выработки эффективной частной методики расследования преступлений данного вида. В 2024 году линия пополнилась тремя резонансными эпизодами: терактом в концертном зале «Крокус Сити Холл» 22 марта (квалифицированным по ст. 205 УК РФ), захватом сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний в следственном изоляторе № 1 города Ростова-на-Дону 16 июня и в исправительной колонии № 19 города Суровикино 23 августа. Каждое из этих событий поставило перед следственной практикой методические задачи, существенно расходящиеся с задачами расследования «классического» захвата заложников.

Возрастает на этом фоне значимость одного из центральных элементов частной криминалистической методики – криминалистической характеристики преступления. Именно она образует фактологически-обобщенный фундамент, на котором следователь основывает выбор тактических приемов производства отдельных следственных действий, построение типичных следственных ситуаций и выдвижение частных версий расследования. Современные исследования по теме раскрывают: проблематику отграничения захвата заложников от смежных составов [10], уголовно-правовую характеристику его объективных и субъективных признаков [2], криминалистическую характеристику террористических преступлений в целом [8], применение методики расследования по конкретным категориям дел [5], методологическую роль типичных следственных ситуаций [4] и потенциал цифровых следов в расследовании преступлений [3].

Цель статьи – раскрыть содержание и структуру криминалистической характеристики захвата заложников применительно к современному состоянию правоприменительной практики и обосновать ее значение для построения частной методики расследования. Задачи исследования предполагают уточнение понятия и места криминалистической характеристики в системе частной методики, раскрытие ее опорных структурных элементов с акцентом на современной картине следообразования и определение методического значения для последующих этапов расследования. Методологическую основу составили диалектический, формально-логический и сравнительно-правовой методы; из специально-криминалистических использованы ситуационный, типологический и моделирования механизма преступной деятельности.

Криминалистическая характеристика преступления – это система обобщенных сведений о криминалистически значимых свойствах преступлений определенного вида, имеющих значение для разработки методики их расследования. В современном учебнике под общей редакцией И. В. Александрова она рассматривается как информационно-аналитический фундамент частной методики, через который нормативные признаки состава преобразуются в эмпирические ориентиры следственной работы [7]. А. Д. Клещева и В. И. Майоров подчеркивают, что криминалистическая характеристика выступает для следователя информационной базой с конечной целью оптимизации процесса расследования: на ее основе принимаются процессуальные и тактические решения по мере воспроизведения обстоятельств совершения преступления, а определение взаимосвязей между ее структурными элементами позволяет получить информацию о еще неустановленных элементах расследуемого преступления [5].

Криминалистическая характеристика не подменяет уголовно-правовую характеристику состава. У захвата заложников связь двух характеристик особенно тесна. В. В. Трифанова отмечает: основным непосредственным объектом ст. 206 УК РФ является общественная безопасность, тогда как у похищения человека (ст. 126 УК РФ) – свобода человека; для квалификации деяния по ст. 206 УК РФ требуется наличие специальной цели понуждения государства, организации или гражданина к совершению какого-либо действия или воздержанию от него как условия освобождения заложника [10]. А. М. Горшкова дополняет: захват заложников – многообъектное преступление, посягающее на комплекс охраняемых уголовным законом отношений, в качестве дополнительных непосредственных объектов выступают личная свобода, здоровье и личная неприкосновенность человека, а в качестве факультативного – жизнь

личности [2].

Применение криминалистической характеристики на практике опосредуется категорией следственной ситуации. А. Н. Калюжный аргументирует, что следственные ситуации выступают неотъемлемой составляющей криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства, отражая конкретные условия и обстановку, складывающиеся в ходе предварительного расследования; при этом автор обосновывает четырехзвенную периодизацию этапов расследования, включающую доследственный, первоначальный, последующий и заключительный этапы, каждому из которых присущи свои типичные ситуации [4]. Полнота разработки следственных ситуаций, по А. Н. Калюжному, находится в корреляционной зависимости от учета пяти групп условий: информационных, технических, тактических, процессуальных и иных – организационных, психологических, аналитических, коммуникационных [4].

Структуру криминалистической характеристики захвата заложников целесообразно выстраивать по пяти опорным элементам: способу совершения преступления, обстановке его совершения, личности преступника, личности потерпевшего и типичной картине следообразования. Такая структура воспроизводится в учебнике методики расследования преступлений 2025 года [7] и соответствует подходу, применяемому в современных исследованиях криминалистической характеристики террористических преступлений [8].

Способ совершения захвата заложников вариативен. Анализ современных публикаций и судебной практики позволяет выделить несколько типичных моделей. Захват в общественном месте – на транспорте, в учебных, лечебных, торговых и культурно-зрелищных учреждениях – дал наиболее крупные эпизоды отечественной практики. Захват больницы в Буденновске летом 1995 года, при котором в заложниках одновременно оказалось более полутора тысяч человек, стал отправной точкой формирования методики расследования этой категории преступлений в России. Захваты в Кизляре и Первомайском в январе 1996 года продолжили эту линию. Захват 916 человек в театральном центре на Дубровке в октябре 2002 года в ходе мюзикла «Норд-Ост» и захват 1128 человек, преимущественно школьников и их родителей, в средней школе № 1 города Беслана 1 сентября 2004 года стали кульминацией модели и одновременно крупнейшими актами международного терроризма на территории Российской Федерации.

Захват в условиях изоляции – в учреждениях уголовно-исполнительной системы или иных учреждениях закрытого типа – проявился в событиях 2024 года в СИЗО-1 города Ростова-на-Дону и в ИК-19 города Суровикино. Семейно-бытовой захват предполагает удержание родственника или знакомого с целью понуждения публичных властей к каким-либо действиям; характерным примером служит казанский эпизод марта 2020 года, по итогам которого приговором Ново-Савиновского районного суда г. Казани от 24 июня 2021 года виновный был осужден по пунктам «в», «г», «д», «ж» части 2 статьи 206 УК РФ к семи годам лишения свободы. Захват в производственной обстановке встречается реже, обычно при попытках заставить администрацию предприятия совершить определенное действие.

Особняком стоят террористические акты с массовым расстрелом и поджогом помещения, формально не квалифицируемые по ст. 206 УК РФ. Таков теракт 22 марта 2024 года в концертном зале «Крокус Сити Холл», в ходе которого виновные, не выдвигая требований к третьей стороне, расстреляли посетителей концерта и подожгли здание; этот эпизод подлежит квалификации по ст. 205 УК РФ, однако с криминалистической точки зрения тактика обнаружения, преследования и установления виновных принципиально совпадает с тактикой расследования крупных захватов заложников.

Обстановка совершения захвата заложников отличается от обстановки смежных преступлений выраженной публичностью. А. М. Горшкова отмечает, что захват может производиться как открыто, на виду у посторонних лиц, так и тайно, однако обязательным элементом объективной стороны выступает выдвижение требования соответствующему адресату, что предполагает оглашение факта захвата [2]. Эта установка на публичность принципиально отличает захват заложника от похищения человека и незаконного лишения свободы. Д. А. Леонов и Е. В. Смахтин отмечают, что преступники такого рода стремятся к максимально возможной известности факта своих действий: только так может быть достигнута цель – создание чувства страха и паники у населения и общества в целом [8]. Эпизоды на Дубровке и в Беслане иллюстрируют этот тезис в крайней форме: захват заложников сопровождался прямыми трансляциями отечественных и зарубежных СМИ, телефонными переговорами захватчиков с журналистами и распространением заявлений через сторонние ресурсы. В криминалистическом измерении публичность расширяет круг свидетелей и упрощает фиксацию деталей преступления на видеоносителях, но одновременно усложняет осмотр места происшествия, которое нередко оказывается обширным по площади и фрагментированным.

Личность преступника по делам о захвате заложников дифференцирована. Идеологический тип объединяет лиц, действующих в составе организованной группы по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, в том числе под влиянием международных террористических организаций. Применительно к нему высокую методическую значимость имеют исследования П. В. Агапова и

А. Г. Хлебушкина об особенностях квалификации деятельности террористической организации через призму норм о формах соучастия в преступлении: для квалификации деяния по ст. 205.5 УК РФ не требуется дополнительного установления признаков соучастия, поскольку данные признаки не являются обязательными для террористической организации [1]. Захваты в Буденновске, Беслане, на Дубровке и в учреждениях ФСИН в 2024 году характеризуются именно этим типом виновных. Индивидуально-психопатологический тип объединяет одиночных преступников, действующих на почве психического расстройства, личной обиды, тяжелого семейного конфликта или корыстного мотива; этот тип чаще встречается при захватах в семейно-бытовой и производственной обстановке. А. М. Горшкова обращает внимание, что у террористов практически отсутствует ярко выраженная психическая патология, что свидетельствует об особой опасности этого контингента и трудностях, связанных с предупреждением и пресечением подобных преступлений [2].

Личность потерпевшего у захвата заложника, в отличие от похищения человека, в большинстве случаев случайна. Виновного, оказывающего давление на третье лицо, мало интересует, кто именно окажется в положении заложника; важно, чтобы личность заложника обладала способностью «обеспечивать» давление, то есть была значима для адресата требований. А. М. Горшкова обращает внимание, что для квалификации деяния по ст. 206 УК РФ не имеет значения, осознают ли люди, оказавшиеся в заложниках, что они захвачены или удерживаются [2]. Случайной была личность большинства из 916 заложников на Дубровке и 1128 заложников в школе города Беслана. В пенитенциарном сценарии 2024 года потерпевшими становились преимущественно сотрудники ФСИН и отбывающие наказание лица, оказавшиеся в зоне действий захватчиков. Эта вариативность ставит перед следователем самостоятельную задачу – установить уже на первоначальном этапе расследования, был ли захват адресным или случайным.

Типичная картина следообразования при захвате заложников многоплановая. К традиционным следам относятся биологические – кровь и иные биологические объекты на месте происшествия; следы применения оружия и взрывчатых веществ, требующие баллистических и взрывотехнических исследований; дактилоскопические и трасологические следы пребывания захватчиков – отпечатки пальцев, следы обуви, оставленные предметы; следы, образующиеся в результате действий подразделений специального назначения при освобождении заложников. По таким эпизодам подлежит проведению целая серия судебных экспертиз с участием специалистов в области криминалистической, судебно-баллистической, взрывотехнической, судебно-медицинской экспертизы [9].

Радикальные изменения в картине следообразования за последнее десятилетие связаны с цифровизацией повседневной жизни. А. А. Егорова и М. А. Калужина систематизируют источники цифровых следов современного преступника: компьютерные системы и сети, электронные гаджеты и ключи, системы мобильных коммуникаций, навигационные системы, системы дистанционного мониторинга, видеонаблюдения и регистрации, электронные платежные системы [3]. Применительно к захвату заложников практическое значение имеет каждая из перечисленных групп цифровых следов, в чем и заключается принципиальное обогащение пятого элемента криминалистической характеристики на современном этапе.

Записи камер наружного наблюдения. Системы городского видеонаблюдения, аккумулирующие материал в единых хранилищах в рамках государственной информационной системы «Безопасный город», образуют основной источник идентификации виновных и реконструкции их маршрутов до момента совершения преступления. Эпизод в концертном зале «Крокус Сити Холл» 22 марта 2024 года иллюстрирует значение этого источника: установление личности виновных и направления их движения произведено в значительной степени на основании записей придомовых, дорожных и иных камер на маршруте от Москвы к границе с Республикой Беларусь, последующее задержание – в Брянской области. По эпизодам в учреждениях ФСИН 2024 года значимую роль сыграли записи внутренних камер видеонаблюдения учреждений.

Сведения о трафике проезда автотранспорта. Аппаратно-программный комплекс «Поток» и его аналоги, фиксирующие государственные регистрационные знаки транспортных средств в автоматическом режиме, дают объективные данные о времени, направлении и скорости движения автомобилей в зоне действия камер. Эти сведения становятся опорным материалом при установлении подготовки к захвату (рекогносцировка местности, подвоз оружия и взрывчатых веществ), маршрута следования к месту совершения преступления и маршрута отхода с места происшествия.

Сведения о соединениях абонентских устройств. Биллинговая информация операторов сотовой связи, истребуемая по запросу следователя, позволяет установить факты соединений между предполагаемыми соучастниками, привязку их абонентских устройств к базовым станциям в районе места происшествия в интересующее следствие время, а также круг абонентских контактов виновных за период подготовки преступления. Для пенитенциарного сценария 2024 года эта группа следов получает специфическое значение: использование мобильных устройств в учреждениях ФСИН прямо запрещено, и сам по

себе факт таких соединений уже указывает на сговор виновных с лицами вне учреждения и образует один из ключевых элементов доказательственной базы по сопряженным составам, в том числе по части 3 статьи 293 УК РФ в отношении должностных лиц учреждения.

Контент социальных сетей и мессенджеров. Современные террористические организации активно используют мессенджеры – прежде всего Telegram – для рекрутинга, координации, инструктажа и распространения заявлений после совершения преступления. А. А. Егорова и М. А. Калужина указывают, что в МВД России с 2020–2021 годов на снабжение приняты и введены в эксплуатацию аппаратно-программные комплексы для мониторинга и анализа социальных сетей: программный комплекс «Демон Лапласа», позволяющий выявлять аккаунты, публикующие противоправный контент, и визуализировать виртуальные связи между ними; АПК «Виток-OSINT» для поисково-аналитических мероприятий по открытым источникам; система мониторинга и анализа действий аккаунтов «Крибрум»; АПК «Insider Telegram» для идентификации пользователей соответствующего мессенджера [3]. Анализ контента социальных сетей виновных и их контактов позволяет реконструировать процесс радикализации, установить идеологическую мотивацию, выявить факты подготовки преступления, обнаружить ранее не известных соучастников.

Геопозиционные данные. Сведения о местоположении абонентских устройств, навигационные данные мобильных приложений и информация, получаемая с автомобильных навигационных систем, позволяют построить точную хронологию перемещений виновных в дни, предшествующие захвату, в момент его совершения и после освобождения заложников или задержания части соучастников. Эти данные обладают повышенной доказательственной ценностью, поскольку являются объективными и независимыми от показаний участников событий.

Сведения о финансовых операциях. Сведения о денежных переводах, операциях с банковскими картами, операциях через системы быстрых платежей, использовании криптовалют становятся ключевыми при установлении источников финансирования преступления. Захваты заложников, инспирированные международными террористическими организациями, как правило, связаны с поступлением средств из-за рубежа; история банковских операций виновных и их контактов позволяет выявить эти связи и привлечь к ответственности организаторов и пособников по совокупности с нормами о финансировании терроризма.

Биометрические данные. Системы автоматического распознавания лиц, в частности АПК FindFace, принятый на снабжение подразделений МВД с заявленной точностью распознавания от 76 до 79 % [3], позволяют идентифицировать виновных по записям городских камер видеонаблюдения, а также по фотографиям и видеоматериалам, обнаруженным у их контактов в социальных сетях и в мессенджерах. Применительно к крупным захватам биометрическое сопоставление становится критическим в условиях, когда непосредственная идентификация виновных по предъявлению для опознания затруднена в силу гибели большинства из них при штурме.

Методическое значение криминалистической характеристики проявляется на нескольких уровнях. Через нее проводится типизация следственных ситуаций. А. Н. Калюжный обоснованно рассматривает их как информационную основу деятельности субъектов расследования в конкретных условиях уголовного судопроизводства и как методологический фундамент для формирования криминалистических методик [4]. У захвата заложников типизацию следственных ситуаций целесообразно выстраивать по двум основаниям – судьбе захватчиков (задержаны живыми, нейтрализованы при штурме, часть задержана, не задержаны) и судьбе заложников (освобождены без вреда, освобождены с причинением вреда, погибли). К этой классификации добавляется специфический «пенитенциарный» тип, который оправданно выделять в самостоятельную категорию ввиду особой обстановки совершения преступления. А. Д. Клещева и В. И. Майоров справедливо отмечают недостатки построения версий в российской следственной практике: следователи часто ограничиваются построением версий о событии в целом, исключая поиск неявных оснований для иных версий, а сами версии строятся абстрактно и имеют лишь общий характер, не развивающийся до деталей, обусловленных конкретными обстоятельствами дела [5].

Криминалистическая характеристика конкретизирует круг обстоятельств, подлежащих установлению по статье 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, придавая каждому из них специфическое содержательное наполнение применительно к захвату заложников. По части 4 статьи 206 УК РФ характеристика ориентирует следователя на тщательное установление обстоятельств умышленного причинения смерти заложнику; вопрос о соотношении этой нормы с правилом исключения двойного учета подробно рассмотрен в современном исследовании Д. Ю. Краева [6].

Обобщая типичную картину следообразования и личность участников преступного события, криминалистическая характеристика помогает следователю выработать тактически обоснованный план производства осмотра места происшествия, допросов освобожденных заложников и задержанных захватчиков, назначения судебных экспертиз. Типичная картина следообразования при крупном захвате – значительная площадь места происшествия, существенное повреждение обстановки в результате штурмовых действий,

массовое присутствие потерпевших и свидетелей – предопределяет особенности тактики осмотра: необходимость привлечения значительного числа специалистов, поэтапного проведения осмотра, обязательного применения средств видеофиксации, безотлагательного истребования материалов городских и ведомственных систем видеонаблюдения, сведений о трафике проезда автотранспорта, биллинговой информации операторов связи.

Пенитенциарный сценарий захвата заложников 2024 года заслуживает отдельного методического обобщения. Уголовные дела о захватах в СИЗО-1 города Ростова-на-Дону и в ИК-19 города Суровикино показали ограниченность прежних криминалистических рекомендаций, ориентированных на «классический» захват в общественном месте. По итогам событий в ИК-19 двое бывших сотрудников учреждения были осуждены приговором Суровикинского районного суда Волгоградской области, оставленным без изменения апелляционным определением Волгоградского областного суда от 10 апреля 2025 года, по части 3 статьи 293 УК РФ за халатность, повлекшую смерть людей при захвате заложников. Этот эпизод показателен: криминалистическая характеристика современного пенитенциарного захвата должна охватывать обстоятельства, способствующие совершению преступления, и характер ответственности должностных лиц учреждения за такие обстоятельства.

Криминалистическая характеристика захвата заложников представляет собой систему обобщенных сведений о криминалистически значимых свойствах данного вида преступлений, отличающую преступления, предусмотренные статьей 206 УК РФ, от смежных составов и образующую эмпирический фундамент частной криминалистической методики. Ее структура включает пять опорных элементов: способ совершения преступления, обстановку, личность преступника, личность потерпевшего и типичную картину следообразования. Через нее нормативные признаки состава превращаются в эмпирически обоснованные ориентиры следственной работы – в типичные следственные ситуации, в специфическое содержание обстоятельств доказывания и в тактику отдельных следственных действий.

Наиболее существенным изменением характеристики на современном этапе является преобразование пятого элемента. Помимо традиционных биологических, баллистических, взрывотехнических, дактилоскопических и трасологических следов ключевое значение приобрели цифровые следы – записи камер наружного наблюдения, сведения о трафике проезда автотранспорта, биллинговая информация операторов сотовой связи, контент социальных сетей и мессенджеров, геопозиционные сведения, данные о финансовых операциях, биометрические данные. Соответствующие изменения в характеристике должны быть синхронизированы с расширением арсенала технико-криминалистических средств следствия и со специализированной подготовкой следователей по работе с аппаратно-программными комплексами для анализа цифровой информации.

Приоритетным направлением развития частной методики расследования захвата заложников на ближайшие годы видится разработка двух специальных составляющих: модуля, посвященного цифровым следам и современным методам их выявления, и модуля, посвященного пенитенциарному сценарию захвата. Решение этих задач способно повысить эффективность раскрытия и расследования преступлений данной категории и обеспечить превентивный эффект применительно к новым формам криминальных посягательств на общественную безопасность.

Список литературы:

[1] Агапов П. В., Хлебушкин А. Г. Террористическая организация и формы соучастия в преступлении: вопросы квалификации // Уголовное право. – 2022. – № 6. – С. 3–10.

[2] Горшкова А. М. К вопросу об уголовно-правовой характеристике объективных и субъективных признаков захвата заложника // Молодой ученый. – 2022. – № 50 (445). – С. 213–216.

[3] Егорова А. А., Калужина М. А. Цифровые следы преступника и потенциал их использования в расследовании преступления // Молодой ученый. – 2024. – № 15 (514). – С. 335–338.

[4] Калюжный А. Н. Типичные следственные ситуации как составляющие криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 36. – № 4. – С. 70–80.

[5] Клещева А. Д., Майоров В. И. Некоторые вопросы применения методики расследования убийств следователями Следственного комитета Российской Федерации // Молодой ученый. – 2023. – № 43 (490). – С. 129–131.

[6] Краев Д. Ю. Один плюс один равно двум, или Еще раз к вопросу о квалификации убийства и преступления, с которым оно сопряжено // Сибирское юридическое обозрение. – 2025. – № 1. – С. 84–95.

[7] Криминалистика: в 5 т. Т. 5. Методика расследования преступлений: учебник для вузов / под общ. ред. И. В. Александрова. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 242 с.

[8] Леонов Д. А., Смахтин Е. В. Криминалистическая характеристика терроризма // Молодой уче-

ный. – 2024. – № 50 (549). – С. 301–304.

[9] Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2023. – 576 с.

[10] Трифанова В. В. Отграничение захвата заложников от смежных составов преступлений // Молодой ученый. – 2024. – № 45 (544). – С. 354–357.

References:

[1] Agapov P. V., Khlebushkin A. G. Terrorist organization and forms of complicity in crime: issues of qualification // Criminal law. - 2022. - No. 6. - Pp. 3-10.

[2] Gorshkova A. M. On the issue of criminal-legal characteristics of objective and subjective signs of hostage-taking // Young scientist. - 2022. - No. 50 (445). - Pp. 213-216.

[3] Egorova A. A., Kaluzhina M. A. Digital traces of a criminal and the potential for their use in crime investigation // Young scientist. - 2024. - No. 15 (514). - Pp. 335-338.

[4] Kalyuzhny A. N. Typical investigative situations as components of forensic support for the detection and investigation of crimes // Forensic science: yesterday, today, tomorrow. - 2025. - Vol. 36. - No. 4. - Pp. 70-80.

[5] Kleshcheva A. D., Mayorov V. I. Some issues of the application of the methodology of investigation of murders by investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation // Young scientist. - 2023. - No. 43 (490). - Pp. 129-131.

[6] Kraev D. Yu. One plus one equals two, or Once again on the issue of the qualification of murder and the crime with which it is associated // Siberian legal review. - 2025. - No. 1. - Pp. 84-95.

[7] Forensic Science: in 5 volumes. Volume 5. Methodology of Crime Investigation: textbook for universities / edited by I. V. Alexandrov. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. – 242 p.

[8] Leonov D. A., Smakhtin E. V. Forensic Characteristics of Terrorism // Young Scientist. – 2024. – No. 50 (549). – Pp. 301–304.

[9] Rossinskaya E. R. Forensic Examination in Civil, Arbitration, Administrative, and Criminal Procedure: monograph. – 4th ed., revised and enlarged. – Moscow: Norma; INFRA-M, 2023. – 576 p.

[10] Trifanova V. V. Distinction between Hostage-Taking and Related Crimes // Young Scientist. – 2024. – No. 45 (544). – pp. 354–357.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-125-127

НИКОЛЕНКО Виктория Александровна,
студентка Крымского филиала
ФГБОУ ВО «РГУП имени В.М. Лебедева»,
Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ КОРРУПЦИИ И УГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРАКТИКА ПЕРЕКВАЛИФИКАЦИИ СТ. 19.28 КОАП РФ И СТ. 204 УК РФ

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье исследуются проблемы разграничения административной ответственности юридических лиц за незаконное вознаграждение (ст. 19.28 КоАП РФ) и уголовной ответственности за коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ). Анализируются законодательные конструкции объективной стороны указанных составов, выявляются трудности, связанные с определением субъекта правонарушения и установлением факта действия «в интересах юридического лица». Рассматриваются подходы судов к переквалификации деяний, а также последствия привлечения юридического лица к административной ответственности при отсутствии обвинительного приговора в отношении физического лица. На основе изученных источников формулируются предложения по совершенствованию нормативного регулирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммерческий подкуп, административная ответственность, юридическое лицо, незаконное вознаграждение, разграничение составов, коррупция, переквалификация.

NIKOLENKO Victoria Alexandrovna,
Student of the Crimean branch of
Federating State Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»,
Simferopol, Russia

PROBLEMS OF DISTINGUISHING BETWEEN ADMINISTRATIVE CORRUPTION AND CRIMINAL OFFENSES: PRACTICE OF RE-QUALIFICATION OF ART. 19.28 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ART. 204 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

ANNOTATION. This article examines the problems of distinguishing between administrative liability of legal entities for illegal remuneration (Article 19.28 of the Administrative Code of the Russian Federation) and criminal liability for commercial bribery (Article 204 of the Criminal Code of the Russian Federation). The legislative constructions of the objective side of these offenses are analyzed, difficulties associated with determining the subject of the offense and establishing the fact of acting «in the interests of a legal entity» are identified. The approaches of courts to the re-qualification of acts, as well as the consequences of bringing a legal entity to administrative liability in the absence of a conviction against an individual are considered. Based on the studied sources, proposals for improving regulatory regulation are formulated.

KEY WORDS: commercial bribery, administrative liability, legal entity, illegal remuneration, differentiation of offenses, corruption, re-qualification.

Проблема разграничения административной коррупции и уголовных преступлений в сфере подкупа приобретает особую остроту в правоприменительной практике. С одной стороны, законодатель установил административную ответственность юридических лиц за незаконное вознаграждение (ст. 19.28 КоАП РФ), с другой – уголовную ответственность физических лиц за коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ). Однако на практике один и тот же фактический эпизод передачи денежных средств может квалифицироваться по-разному, а порой возникает ситуация, когда юридическое лицо привлекается к ответственности, а виновное физическое лицо избегает наказания, или наоборот. Я полагаю, что ключевая проблема кроется в различной юридической природе субъектов ответственности: административное право допускает ответственность организации без установления вины конкретного работника в уголовно-правовом

смысле, что и порождает коллизии при переквалификации.

Анализ составов преступления, предусмотренного ст. 204 УК РФ, позволяет выделить его ключевые признаки: предмет – деньги, ценные бумаги, иное имущество, услуги имущественного характера; субъект – лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. Как верно отмечает М.А. Чижиков, «коммерческий подкуп представляет собой формальный состав преступления», который считается оконченным с момента принятия решения в интересах передающего лица независимо от того, возникла ли реальная возможность использовать полученные ценности [1]. Я обращаю внимание на то, что в уголовном законе четко определен статус получателя подкупа, тогда как административная норма ст. 19.28 КоАП РФ описывает деяние от имени юридического лица, что создает принципиально иную конструкцию состава, ориентированную не на личную корысть, а на «интерес» организации.

При сравнении административной и уголовной ответственности в сфере коррупции обнаруживается проблема установления субъекта правонарушения. Как справедливо указывают П.Е. Шубина и Я.А. Крутова, «в отличие от уголовного права и криминологии в административном праве не выделяется отдельно группа правонарушений коррупционной направленности», а состав ст. 19.28 КоАП РФ в силу того, что юридическое лицо представляют уполномоченные физические лица, доказать достаточно проблематично [2]. Я разделяю эту позицию и считаю, что именно размытость конструкции «от имени или в интересах юридического лица» позволяет правоприменителю широко толковать данные признаки, что влечет за собой как необоснованное привлечение организаций к ответственности, так и, напротив, уход от уголовного преследования виновных физических лиц путем замены его административным штрафом для компании.

Критическому осмыслению подвергается сама логика применения ст. 19.28 КоАП РФ, которая, по мнению Е.А. Дмитриковой и К.Ю. Сасыкина, фактически ввела в практику презумпцию вины юридического лица. Авторы отмечают, что «по смыслу рассматриваемой статьи для признания юридического лица виновным в совершении рассматриваемого правонарушения буквально установлен стандарт достаточности установления лишь самого факта незаконного вознаграждения (со стороны любого субъекта) и наличия какой-либо связи такого (вознаграждающего) субъекта с привлекаемым к ответственности юридическим лицом» [3]. Я полагаю, что такой подход вступает в противоречие с общим принципом презумпции невиновности (ст. 1.5 КоАП РФ) и позволяет привлекать организации к ответственности за действия рядовых сотрудников, которые не были санкционированы руководством и не приносили реальной выгоды компании. При этом уголовное дело в отношении такого сотрудника может быть прекращено, а юридическое лицо – оштрафовано на миллионы рублей.

Обзор судебной практики, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 8 июля 2020 года, содержит показательный пример, иллюстрирующий проблему разграничения. В деле с водителем ЗАО «С.», который предложил взятку инспектору ДПС за несоставление протокола, мировой судья прекратил производство в отношении юридического лица, поскольку водитель действовал от своего имени и в своих интересах, опасаясь увольнения [4]. Судья обоснованно указал, что отсутствовала экономическая или иная заинтересованность организации в совершении незаконных действий. Я считаю этот подход правильным, однако, как показывает практика, он не является доминирующим. Чаще суды, особенно на стадии возбуждения дела, исходят из того, что любое действие работника, направленное на избежание негативных последствий для компании (даже если эти последствия выражаются в штрафе за самого водителя), автоматически признается совершенным «в интересах юридического лица».

Практика также демонстрирует случаи, когда юридическое лицо освобождается от административной ответственности благодаря активному сотрудничеству со следствием. Во Владимирском областном суде было отменено постановление о штрафе в 10 миллионов рублей в отношении ЗАО «Выбор», поскольку общество самостоятельно обратилось в прокуратуру и способствовало раскрытию преступления, а в отношении него имело место вымогательство со стороны конкурсного управляющего. Заместитель председателя суда прекратил производство на основании п. 9 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, применив примечание 5 к ст. 19.28 КоАП РФ, которое было введено Федеральным законом от 3 августа 2018 г. [5] Я полагаю, что данное освободительное основание является важным механизмом стимулирования добросовестного поведения юридических лиц, однако его применение остается редким и зависит от усмотрения суда.

Сложность разграничения усугубляется тем, что уголовное преследование физического лица по ст. 204 УК РФ и административное производство в отношении юридического лица по ст. 19.28 КоАП РФ могут идти параллельно, причем доказательства, полученные в рамках уголовного дела, активно используются в административном процессе. Как видно из приговора Свердловского районного суда г. Иркутска, главный инженер ООО «ТЭП» ФИО2 был осужден за коммерческий подкуп по п. «б» ч. 3 ст. 204 УК РФ за то, что через посредника передал руководителю территориального сектора Фонда капитального ремонта 20 000 рублей за фиктивное указание его в акте осмотра и подделку подписи [6]. При этом сам факт

передачи денег расценивался как уголовное преступление, хотя действия формально могли быть охвачены и административной нормой (передача от имени юридического лица). Я обращаю внимание на то, что суд в приговоре подробно исследовал отсутствие штрафных санкций для организации, что не помешало квалифицировать деяние как уголовное. Возникает вопрос: если бы суд установил, что денежные средства передавались именно «от имени ООО «ТЭП» и в его интересах», не последовала бы переквалификация на административное правонарушение?

Подводя итог, я формулирую следующие выводы. Во-первых, действующее законодательство не содержит четких критериев разграничения административной коррупции по ст. 19.28 КоАП РФ и уголовного коммерческого подкупа по ст. 204 УК РФ, что порождает противоречивую судебную практику. Во-вторых, категории «от имени юридического лица» и «в интересах юридического лица» трактуются правоприменителем чрезмерно широко, что позволяет привлекать организации к административной ответственности без установления прямой вины их руководства. В-третьих, для устранения правовой неопределенности необходимо, на мой взгляд, внести изменения в КоАП РФ, закрепив легальное определение «интереса юридического лица» как прямой экономической выгоды, а также уточнить, что совершение коррупционного деяния рядовым работником без ведома и одобрения органов управления не влечет ответственности организации. Только при таких условиях будет обеспечено справедливое разграничение публично-правовой ответственности юридических и физических лиц за коррупционные деяния.

Список литературы:

[1] Чижиков М.А. Особенности квалификации коммерческого подкупа // Вестник экономики и права. 2021. №65. С. 252.

[2] Шубина П.Е., Крутова Я.А. Проблема эффективности административной ответственности за коррупционные правонарушения // Вестник экономики и права. 2021. №57. С. 388.

[3] Дмитрикова Е.А., Сасыкин К.Ю. «Круговая порука», или Проблематика применения статьи 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Наука. Общество. Государство. 2022. №3 (39). С. 39.

[4] Обзор судебной практики рассмотрения дел о привлечении к административной ответственности, предусмотренной статьей 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020). С. 3-4.

[5] Постановление № 4А-214/2018 от 28 октября 2018 г. по делу № 4А-214/2018 (Владимирский областной суд). // Судакт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/4yiXE752zKgK/ (дата обращения: 19.05.2026).

[6] Приговор № 1-105/2025 от 19 ноября 2025 г. по делу № 1-105/2025 (Свердловский районный суд г. Иркутска). // Судакт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/xSHkrFMuXZ8/ (дата обращения: 19.05.2026).

References:

[1] Chizhikov M.A. Features of the qualification of commercial bribery // Bulletin of Economics and Law. 2021. No. 65. P. 252.

[2] Shubina P.E., Krutova Ya.A. The problem of the effectiveness of administrative liability for corruption offenses // Bulletin of Economics and Law. 2021. No. 57. P. 388.

[3] Dmitrikova E.A., Sasykin K.Yu. «Multiple responsibility», or the Problems of applying Article 19.28 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses // Science. Society. State. 2022. No. 3 (39). P. 39.

[4] Review of judicial practice in considering cases on bringing to administrative liability, provided for by Article 19.28 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 8, 2020). Pp. 3-4.

[5] Resolution No. 4A-214/2018 of October 28, 2018 in case No. 4A-214/2018 (Vladimir Regional Court). // Sudact. URL: https://sudact.ru/regular/doc/4yiXE752zKgK/ (date of access: May 19, 2026).

[6] Sentence No. 1-105/2025 of November 19, 2025 in case No. 1-105/2025 (Sverdlovsk District Court of Irkutsk). // Sudact. URL: https://sudact.ru/regular/doc/xSHkrFMuXZ8/ (date accessed: May 19, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-128-132**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

ПРОКОПЕНКО Михаил Викторович,
студент, Российский технологический университет МИРЭА (РТУ МИРЭА), Москва, Россия,
e-mail: prokopenko.m.v@edu.mirea.ru

ГАЛАНОВ Кирилл Алексеевич,
студент, Российский технологический университет МИРЭА (РТУ МИРЭА), Москва, Россия,
e-mail: galanov.k.a@edu.mirea.ru

ЖУРАВЛЕВ Михаил Игоревич,
студент, Российский технологический университет МИРЭА (РТУ МИРЭА), Москва, Россия,
e-mail: zhuravlev.m.i1@edu.mirea.ru

САВЕЛОВ Геннадий Александрович,
преподаватель кафедры связи военного учебного центра при РТУ МИРЭА, Москва, Россия,
e-mail: savelov@mirea.ru

КАЛАЧ Геннадий Петрович,
доцент кафедры проблем управления института искусственного интеллекта РТУ МИРЭА, кандидат военных наук, Москва, Россия,
e-mail: kalach_g@mirea.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье проведён комплексный анализ административно-правового статуса военнослужащего в Российской Федерации как динамичной системы, сочетающей конституционные права граждан с особыми обязанностями и ограничениями, обусловленными спецификой военной службы. Исследованы правовые основы статуса, закреплённые в Конституции РФ, федеральных законах («О статусе военнослужащих», «О воинской обязанности и военной службе») и подзаконных актах. Раскрыто содержание ключевых элементов статуса: защита чести и достоинства, ограничения свободы слова и передвижения, гарантии в сфере труда, отдыха, медицинского и жилищного обеспечения, страховые и образовательные права. Особое внимание уделено механизмам защиты прав военнослужащих, включая судебную защиту и деятельность военной прокуратуры. Выявлены актуальные проблемы реализации статуса: юридическая неопределённость отдельных норм, отставание законодательства от современных вызовов (киберугрозы, гибридные конфликты), задержки в предоставлении социальных гарантий, низкая правовая грамотность военнослужащих и сложности обжалования неправомерных действий командования. Предложены перспективные направления совершенствования правового регулирования: детализация норм о социальных гарантиях, внедрение цифровых решений (электронные реестры льгот, онлайн-приёмные), повышение правовой грамотности, усиление общественного контроля и адаптация законодательства к новым условиям службы. Сделан вывод о необходимости гармонизации интересов государства и личности для повышения престижа военной службы и эффективности выполнения задач обороны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: административно-правовой статус, военнослужащий, права и обязанности военнослужащих, социальные гарантии, защита прав, военная служба, законодательство РФ, правовое регулирование.

PROKOPENKO Mikhail Viktorovich,
Student, Russian Technological University of MIREA (RTU MIREA), Moscow, Russia

GALANOV Kirill Alekseevich,
Student, Russian Technological University of MIREA (RTU MIREA), Moscow, Russia

ZHURAVLEV Mikhail Igorevich,
Student, Russian Technological University MIREA (RTU MIREA), Moscow, Russia

SAVELOV Gennady Aleksandrovich,
Lecturer of the Department of Communications of the Military Training Center RTU MIREA, Moscow, Russia

KALACH Gennady Petrovich,
Associate Professor at the Department of Management Issues of the Institute of Artificial Intelligence, RTU MIREA, Candidate of Military Sciences, Moscow, Russia

ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF A SERVICEMAN IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT CHALLENGES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

ANNOTATION. The article provides a comprehensive analysis of the administrative and legal status of a serviceman in the Russian Federation as a dynamic system combining constitutional rights of citizens with special duties and restrictions due to the specifics of military service. The legal foundations of the status enshrined in the Constitution of the Russian Federation, federal laws (“On the Status of Servicemen”, “On Military Duty and Military Service”) and by-laws are studied. The content of key elements of the status is revealed: protection of honor and dignity, restrictions on freedom of speech and movement, guarantees in the field of labor, rest, medical and housing provision, insurance and educational rights. Special attention is paid to mechanisms for protecting the rights of servicemen, including judicial protection and the activities of the military prosecutor’s office. Current problems of implementing the status are identified: legal uncertainty of certain norms, lagging legislation behind modern challenges (cyber threats, hybrid conflicts), delays in providing social guarantees, low legal literacy of servicemen and difficulties in appealing against unlawful actions of command. Promising directions for improving legal regulation are proposed: detailing norms on social guarantees, introducing digital solutions (electronic registers of benefits, online reception offices), increasing legal literacy, strengthening public control and adapting legislation to new service conditions. The conclusion is made about the need to harmonize the interests of the state and the individual to increase the prestige of military service and the effectiveness of defense tasks.

KEY WORDS: administrative and legal status, serviceman, rights and duties of servicemen, social guarantees, protection of rights, military service, legislation of the Russian Federation, legal regulation.

Введение

В связи с усилением внешних и внутренних вызовов военная служба приобретает всё более важную роль в обеспечении национальной безопасности России, что и обусловливает актуальность настоящего исследования. Признавая высокий уровень научной разработанности вопроса, следует отметить, что динамично развивающееся административное законодательство и противоречивая практика его применения требуют постоянной ревизии устоявшихся представлений об административно-правовом статусе военнослужащего.

Основная часть

Цель настоящей работы заключается в проведении комплексного анализа текущего состояния административно-правового статуса военнослужащего в РФ, выявлении проблем реализации указанного статуса, а также в определении перспектив дальнейшего развития его правовой регламентации.

Для достижения указанной цели в работе решаются следующие задачи: изучить нормативно-правовую базу статуса, охарактеризовать его содержательное наполнение, провести анализ механизмов обеспечения защиты прав военнослужащих, обнаружить наиболее острые проблемы и сформулировать возможные способы их преодоления.

Методологическую основу исследования составляют как общенаучные методы (диалектический, системно-структурный, анализ и синтез), так и частнонаучные методы юридической науки (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм).

Административно-правовой статус военнослужащего, зафиксированный в Федеральном законе «О статусе военнослужащих» [3], есть не что иное как комплексное правовое явление, под которым понимается совокупность прав, свобод, обязанностей и ответственности, установленных законодательством РФ. Военнослужащие, хотя и наделены всеми конституционными правами и свободами [1], не могут реализовывать их в полной мере ввиду ограничений, продиктованных условиями военной службы. Иллюстрацией служит свобода передвижения и выбора места жительства, которая уступает приоритету поддержания постоянной боевой готовности воинских частей.

Нормативную базу правового статуса военнослужащего образуют Конституция РФ [1], федеральные конституционные законы, специальное военное законодательство (включая ФЗ «О статусе военнослужащих» [3] и ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [2]), подзаконные нормативные правовые акты [4; 5; 6], а также международные обязательства Российской Федерации. Законодательство закрепляет единую систему правовой и социальной защиты, действие которой распространяется на действующих военнослужащих, лиц, уволенных в запас, а также членов их семей. При этом особую юридическую значимость имеет норма, запрещающая произвольное ограничение гарантированных прав, — данное положение служит основополагающей гарантией неприкосновенности статуса. Взаимосвязанные элементы позволяют раскрыть содержание статуса. Строгие меры юридической ответственности за любые посягательства на личность и имущество военнослужащих гарантируют защиту их чести, достоинства и безопасности. Свобода слова и выражения мнений ограничена в силу необходимости сохранения государственной и военной тайны, а также соблюдения принципа единоначалия — критика приказов и разглашение секретных сведений недопустимы на военной службе. Вместе с тем за военнослужащими сохраняется право на свободу вероисповедания, однако его реализация имеет свои особенности: участие в религиозных обрядах разрешается только в частном порядке и не должно быть связано с исполнением служебных обязанностей.

Военная служба выступает формой реализации права на труд, сочетая в себе профессиональную деятельность и исполнение конституционного долга. При этом государство гарантирует военнослужащим карьерный рост, профессиональное развитие и зачёт стажа службы в общий трудовой стаж. Реализация права на отдых достигается путём нормирования служебного времени и предоставления компенсаций при его превышении, что имеет критическое значение для сохранения боеспособности и морально-психологического состояния военнослужащих. Материальное обеспечение складывается из денежного довольствия, продовольственного и вещевого снабжения, а также доступа к торгово-бытовым услугам, позволяющим частично освободить военнослужащих от решения бытовых вопросов.

Особое значение в системе социальных гарантий принадлежит праву на жилище. Законодательством предусмотрены следующие способы его реализации: предоставление служебных жилых помещений, участие в накопительно-ипотечной системе и получение целевых жилищных субсидий [5]. Бесплатная медицинская помощь предоставляется в военно-медицинских учреждениях, включая протезирование (за исключением дорогостоящих материалов), а при отсутствии профильных организаций — в гражданских больницах с финансированием из бюджета [6]. В систему медицинского обеспечения также включены члены семей офицеров. Страховые гарантии выражаются в обязательном государственном страховании жизни и здоровья, что позволяет минимизировать риски, обусловленные спецификой военной службы.

Доступ к образованию и культурным ценностям даёт военнослужащим возможность всестороннего развития: они могут наравне с другими гражданами пользоваться библиотеками, посещать музеи и участвовать в культурных мероприятиях. Механизм защиты прав предусматривает обжалование неправомерных действий командования в суде или через военную прокуратуру; при этом призывники освобождаются от уплаты государственной пошлины по служебным спорам, что делает правовую защиту более доступной.

Однако реализация статуса сопряжена с рядом трудностей. Юридическая неопределённость некоторых норм осложняет их применение на практике, а законодательство не всегда успевает реагировать на новые вызовы, например на кибе-

ругрозы. Социальные гарантии зачастую предоставляются с задержками: обеспечение жильём, медицинская помощь или трудоустройство после увольнения могут растягиваться во времени. Низкий уровень правовой грамотности военнослужащих увеличивает риск нарушения их прав, а бюрократические препятствия усложняют процедуру обжалования. Недостаток независимого общественного контроля, а также влияние экономических факторов на финансирование социальных программ дополнительно обостряют ситуацию, особенно в периоды повышенной нагрузки (например, при мобилизации).

Перспективные направления развития включают детализацию законодательства, повышение прозрачности механизмов защиты прав и внедрение цифровых решений — электронных реестров льгот, онлайн-приёмных для обращений, автоматизированных систем учёта жилья. Необходимо также повышать правовую грамотность через регулярные консультации и информационные ресурсы, расширять полномочия военной прокуратуры и создавать общественные советы с участием юристов и ветеранов. Адаптация нормативной базы к современным реалиям (киберугрозам, миротворческим операциям) и развитие системы психологической поддержки позволят сбалансировать обязанности и гарантии, укрепив престиж военной службы.

Заключение

Подводя итог, следует подчеркнуть, что административно-правовой статус военнослужащего не является статичной конструкцией, закреплённой раз и навсегда. Напротив, это динамичная, развивающаяся система элементов (прав, свобод, обязанностей и ответственности), которая находится под воздействием постоянных изменений законодательства, правоприменительной практики и современных вызовов (геополитических, технологических, социальных). Именно поэтому она требует системного и непрерывного совершенствования.

Ключевым условием эффективности этой системы выступает гармонизация двух начал: с одной стороны, интересов государства, заинтересованного в безусловном выполнении военнослужащими своих обязанностей и поддержании боеготовности; с другой стороны, интересов личности военнослужащего, нуждающегося в надёжной правовой защите, достойном материальном обеспечении и социальных гарантиях. Достижение такого баланса возможно через: 1) чёткое, непротиворечивое и детализированное регулирование обязанностей; 2) создание эффективных механизмов защиты прав (судебных, прокурорских, общественных); 3) формирование условий, при которых военная служба перестаёт быть исключительно тяглом или долгом и становится социально привлекательной, уважаемой и востребованной профессией.

Реализация предложенных в статье перспективных направлений — от цифровизации учёта льгот до адаптации законодательства к киберугрозам и расширения полномочий военной прокуратуры — позволит не только повысить качество правового регулирования административно-правового статуса военнослужащего, но и устранить наиболее острые проблемы правоприменения. В конечном счёте это будет способствовать укреплению обороноспособности Российской Федерации и повышению престижа военной службы в глазах граждан.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 20.04.2026).

[2] Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/ (дата обращения: 10.04.2026).

[3] Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18853/ (дата обращения: 11.04.2026).

[4] Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооружённых Сил Российской Федерации» (вместе с Дисциплинарным уставом ВС РФ). // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/ (дата обращения: 20.04.2026).

[5] Постановление Правительства РФ от 30.12.2011 № 1223 «Об утверждении Правил предоставления военнослужащим жилых помещений по договору социального найма или в собственность бесплатно» // Интерфакс. URL: https://base.garant.ru/70115436/ (дата обращения: 15.04.2026).

[6] Постановление Правительства РФ от 04.07.2013 № 565 «Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе» // Интерфакс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149096/ (дата обращения: 19.04.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (accessed: 20.04.2026).

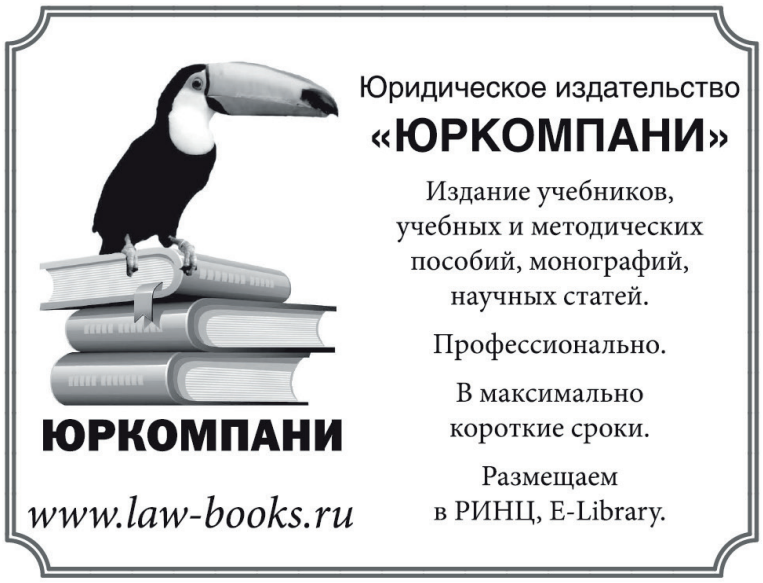
[2] Federal Law of 28.03.1998 No. 53-FZ «On Military Duty and Military Service». // Official Internet Portal of Legal Information. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/ (accessed: 10.04.2026).

[3] Federal Law of May 27, 1998 No. 76-FZ «On the Status of Military Personnel» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18853/ (date accessed: April 11, 2026).

[4] Decree of the President of the Russian Federation of November 10, 2007 No. 1495 «On Approval of the General Military Regulations of the Armed Forces of the Russian Federation» (together with the Disciplinary Regulations of the Armed Forces of the Russian Federation). // Official Internet Portal of Legal Information. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/ (date accessed: April 20, 2026).

[5] RF Government Resolution No. 1223 of 30.12.2011 «On Approval of the Rules for Providing Military Personnel with Residential Premises under a Social Tenancy Agreement or as Free Ownership» // Interfax. URL: https://base.garant.ru/70115436/ (accessed on 15.04.2026).

[6] RF Government Resolution No. 565 of 04.07.2013 «On Approval of the Regulation on Military Medical Examination» // Interfax. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149096/ (accessed on 19.04.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 14.04.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-133-136**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

СИНЁВ Иван Ильич,
аспирант Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: ivansinev2000@gmail.com

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР КАК СПОСОБ ПРОФИЛАКТИКИ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению проблем, связанных с профилактикой семейно-бытового насилия путем применения мер административного надзора с целью предотвращения рецидивов преступлений, совершенных на семейно-бытовой почве, к данным преступлением на практике чаще всего относится преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 117 УК РФ. В научной статье будет проведено исследование административного надзора как способа профилактики семейно-бытового насилия. Основным препятствием для эффективной реализации административного надзора выступает недостаточная координация между правоохранительными органами, социальными службами и институтами гражданского общества. Отсутствие единой информационной платформы и регламентированных процедур обмена данными приводит к фрагментарности принимаемых мер, дополнительную сложность создаёт низкий уровень доверия жертв к системе защиты, что затрудняет сбор доказательной базы для своевременного применения надзорных мер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: побои, истязания, семейно-бытовое насилие, профилактика семейно-бытового насилия, административный надзор, семейное неблагополучие, дети, рецидив преступлений, семейное благополучие, противодействие семейно-бытовому насилию.

SINYOV Ivan Ilyich,
Postgraduate Student at the V.M. Lebedev Russian State University of Justice

ADMINISTRATIVE SUPERVISION AS A WAY TO PREVENT DOMESTIC VIOLENCE

ANNOTATION. The article is devoted to the study of problems related to the prevention of domestic violence through the use of administrative supervision measures to prevent the recurrence of crimes committed on domestic grounds. In practice, this crime most often refers to the crime provided for in Part 2 of Article 117 of the Criminal Code of the Russian Federation. The scientific article will conduct a study of administrative supervision as a way to prevent domestic violence. The main obstacle to the effective implementation of administrative supervision is the lack of coordination between law enforcement agencies, social services and civil society institutions. The lack of a unified information platform and regulated data exchange procedures leads to the fragmentation of measures taken, and the low level of victim confidence in the protection system creates additional complexity, making it difficult to collect evidence for the timely application of surveillance measures.

KEY WORDS: beatings, torture, domestic violence, prevention of domestic violence, administrative supervision, family problems, children, recidivism, family well-being, countering domestic violence.

Изучая причины семейно-бытового насилия, следует отметить, что данная проблема является актуальной в настоящее время, поскольку на сегодняшний день не существует единого правового механизма, связанного с профилактикой не только совершения преступлений на семейно-бытовой почве, но и рецидивной преступности. Как показывает статистика, в России на сегодняшний день складывается достаточно сложная обстановка с профилактикой семейно-бытового насилия. Всего в 2021 году их фиксировали более 150 тысяч раз. В последовавшем году похожие показатели. В материале также приводятся данные о случаях угроз убийством в отношении женщин: 21 141 случай в 2021 году и 18 224 случая в 2022 году. 80% авторов домашнего насилия — мужчины, 19% — женщины и около 1% — дети. В большинстве случаев (76%) они находились в состоянии алкогольного опьянения.

Согласно официальной статистике МВД РФ, в 40% случаев, лица осужденные за побои и истязания совершают преступления повторно, данная тенденция вызвана тем, что осужденные не встают на путь исправления и отбыв назначенное судом наказание возвращаются в семью и продолжают применять насилие, при этом, лица отбывшие наказания за побои и истязания на прак-

тике испытывают повышенный уровень агрессии к потерпевшим от внутрисемейного насилия, что значительно усугубляет ситуацию, на мой взгляд одним из эффективных решений данной проблемы является установление за данными лицами административного надзора. Административный надзор устанавливается судом в соответствии со ст. ст. 272,273 КАС РФ, следует отметить, что в соответствии со ч. 1 ст. 173.1 УИК РФ административный надзор устанавливается при опасном или особо опасном рецидиве, за лицами совершившими преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности, а также за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, предусмотренных пунктом «л» части второй статьи 105, пунктом «е» части второй статьи 111, пунктом «з» части второй статьи 117, частью четвертой статьи 150, при этом, в данной статье не указаны преступления, предусмотренные п. п. «а», «в», «г», «д», «и» ч. 2 ст. 117 УК РФ, указан лишь «з» части второй статьи 117 УК РФ, не указаны преступления, предусмотренные п. п. «а», «в», «г», «д», «и» ч. 2 ст. 117 УК РФ, которые в настоящее время наиболее актуальны и имеют непосредственное отношение к внутрисемейному насилию, следует отметить, что разработка мер административно-правового регулирования, связанных с наблюдением за поведением лица, совершившего семейно-бытовое насилие наряду с уголовным преследованием является наиболее эффективным решением проблем, связанных с не только с профилактикой совершения преступлений на семейно-бытовой почве, но и предотвращением рецидива преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 117 УК РФ [1, с. 102].

Систематический контроль создает психологический эффект сдерживания от противоправных действий. Поднадзорные обязаны информировать о смене места жительства, трудоустройства или семейного положения. Своевременное получение такой информации позволяет корректировать надзорные мероприятия, в свою очередь это способствует оперативному реагированию на потенциально опасные изменения в поведении лица, совершившего семейно-бытовое насилие. Совокупность обязанностей формирует систему раннего предупреждения рецидивов семейно-бытового насилия, регулярное взаимодействие с надзорными органами дисциплинирует подконтрольных лиц, одновременно обеспечивается сбор актуальной информации для оценки криминологических рисков внутрисемейного насилия. Профилактический эффект достигается за счет постоянного осознания контроля со стороны государства [2, с. 21-25].

Применение административного надзора в отношении лиц, осужденных за преступление предусмотренного ч. 2 ст. 117 УК РФ, позволит снизить криминологические риски, связанные с семейно-бытовым насилием, а также предотвратить повторное совершение данных преступлений в будущем, однако существуют и иные точки зрения по поводу данного введения правовых ограничений в отношении внутрисемейных агрессоров. Против законопроекта, связанного с профилактикой внутрисемейного насилия высказывается профессор А.Б. Синельников, выступающий за сохранение традиционной семьи: «Если этот закон будет принят, это просто убьет семью, а вместе с ней убьет и общество, и государство. Общество бессмертно, пока на смену умершим приходят родившиеся, а это обеспечивает семья, но если семья будет разрушена, то этой смены не будет» [3, с. 17-19]. С данными высказываниями нельзя согласиться, поскольку главным аргументом противников указанного законопроекта является мнение о том, что чрезмерный контроль института семьи органами государственной власти приведет к её разрушению, однако, противники данного законопроекта забывают про то что защита детей от насильственных преступных посягательств на здоровье детей, их нравственность является одним из основных направлений государственной политики, защита детей и женщин от внутрисемейного насилия, поддержание традиционных семейных ценностей является одним из приоритетных направлений политики государства, в связи с чем аргументы противников данного законопроекта, связанные с чрезмерным вмешательством органов государственной власти в институт семьи и увеличением количества разводов в связи с этим, несостоятельны, в том случае если в семье нарушаются права ребенка или других членов семьи, необходимо применять к виновным меры государственного принуждения, с целью предотвращения более тяжких преступлений, а также криминологического рецидива, связанного с семейно-бытовым насилием [4, с. 53-59]. Оппоненты данного проекта федерального закона, также указывают на то, что законопроект нарушает такие конституционные права и свободы человека и гражданина, как право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, право на защиту своей чести и доброго имени (ст. 23), право на неприкосновенность жилища (ст. 25), право на охрану частной собственности (ст. 40), однако, они забывают права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в целях защиты, здоровья, прав и законных интересов других лиц, в данном случае речь идёт о защите семьи, в связи с чем конституционные права виновного, могут быть ограничены законом с целью охраны и защиты традиционных семейных ценностей и обеспечения конституционных прав потерпевших от внутрисемейного насилия [5, с. 10].

Противники законопроекта своими аргументами подчеркивают, что семейное неблагополучие не является главной проблемой, которую нужно решать в первую очередь, они больше обеспокоены статистикой разводов в России и чрезмерным внедрением административно-пра-

вовых механизмов, направленных на контроль внутреннего состояния семей и тем самым упускают из виду основную проблему, связанную с насилием в семье, что является не совсем корректным с точки зрения профилактики семейно-бытового насилия. При рассмотрении данной проблемы приоритет необходимо отдавать защите традиционных семейных ценностей, защите женщин и детей от внутрисемейного насилия с целью обеспечения благополучия внутри семьи [6, с. 90].

Противники законопроекта также указывают на то, что в отношении лиц, совершающих семейно-бытовое насилие существует достаточное количество правовых рычагов: ст. 6.1.1 КоАП РФ («Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль… если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния»); ст. 116 («Побои или иные насильственные действия, причинившие физическую боль») и 117 УК РФ («Причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями») [7, с. 157]. Аналогом «охранной грамоты» является ст. 105.1 УПК РФ, ограничивающая права виновного, однако, как показывает практика, данных методов по профилактике семейно-бытового насилия явно недостаточно, в связи с чем, принятие Федерального закона «О противодействии семейно-бытовому насилию», является наиболее эффективным решением проблем, связанных с насилием в семье, как и применение мер административного надзора в отношении лиц, осужденных за преступления по ст. ст. 116,117 УК РФ [8, с. 108-118].

Повышению эффективности надзорных процедур будет способствовать разработка единых методических рекомендаций по организации профилактической работы с агрессорами, целесообразно внедрение специализированных обучающих программ для сотрудников органов внутренних дел, направленных на формирование компетенций в области раннего выявления признаков семейного насилия. Стандартизация алгоритмов межведомственного взаимодействия при работе с поднадзорными лицами позволит минимизировать риски несогласованности действий, целесообразно создать единую информационную платформу для оперативного обмена данными между субъектами профилактики, включая органы опеки, социальные службы и медицинские учреждения. Особое внимание следует уделить внедрению системы оценки индивидуального риска рецидива правонарушений для дифференцированного подхода к применению надзорных мер. Реализация этих предложений позволит сформировать комплексный механизм превентивного воздействия на потенциальных правонарушителей.

Таким образом, с целью профилактической защиты лиц от семейно-бытового насилия и предотвращения рецидивов при совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 117 УК РФ целесообразно установление за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы административного надзора, целесообразным также является внесение изменений и дополнений в ч. 1 ст. 173.1 УИК РФ, устанавливающей порядок применения административного надзора, в данную статью следует дополнить положением, регламентирующим порядок установления административного надзора в отношении лиц, совершивших преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 117 УК РФ, в Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» следует также внести изменения и дополнения, касающиеся установления административного надзора в отношении лиц, совершивших преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 117 УК РФ [9, с. 48-51].

Список литературы:

[1] Борзенков Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья. М.: Зерцало-М, 2005. С. 102.

[2] Беспалов Ю. Ф. Семейное насилие в Российской Федерации как порок жизни и деятельности семьи и ее членов: социально-правовой аспект / Ю. Ф. Беспалов // Нотариус. 2019. № 1. С. 21–25.

[3] Зебницкая А. К. Некоторые вопросы правовой регламентации «бытового (домашнего) насилия» в России и США / А. К. Зебницкая // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 3. С. 17–19.

[4] Кудрявцев В. Л. Объективная сторона квалифицированного состава принуждения к даче показаний (ч. 2 ст. 302 УК РФ): вопросы теории и практики / В. Л. Кудрявцев // Адвокат. 2016. № 10. С. 53–59.

[5] Константинов П. Уголовная ответственность за истязание /П. Константинов//Законность. 2000. № 4. С. 10.

[6] Лукьянова И.В. Угроза как преступление: социальная обусловленность криминализации и проблемы ответственности. Калуга: Форт, 2004. С. 90.

[7] Синельников А.Б. Россия и Западная Европа – две формы семьи и два варианта социально-экономического развития // Социология. 2017. № 2. С. 155-157.

[8] Харламов В. С. Уголовно-правовая интерпретация виктимной стороны внутрисемейного насилия / В. С. Харламов // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 108–118.

[9] Шикула И. Р. Актуальные проблемы уголовно-правовой охраны прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии, от насилия в семейно-бытовой сфере / И. Р. Шикула // Российский следователь. 2020. № 3. С. 48–51.

References:

[1] Borzenkov G.N. Qualification of Crimes against Life and Health. Moscow: Zertsalo-M, 2005. P. 102.

[2] Bespalov Yu. F. Domestic Violence in the Russian Federation as a Vice of Life and Activities of the Family and Its Members: Social and Legal Aspect / Yu. F. Bespalov // Notary. 2019. No. 1. Pp. 21–25.

[3] Zebnitskaya A.K. Some Issues of Legal Regulation of "Domestic Violence" in Russia and the USA / A.K. Zebnitskaya // International Criminal Law and International Justice. 2020. No. 3. Pp. 17–19.

[4] Kudryavtsev V. L. The objective side of the qualified composition of coercion to give testimony (Part 2 of Article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of theory and practice / V. L. Kudryavtsev // Advocate. 2016. No. 10. pp. 53-59.

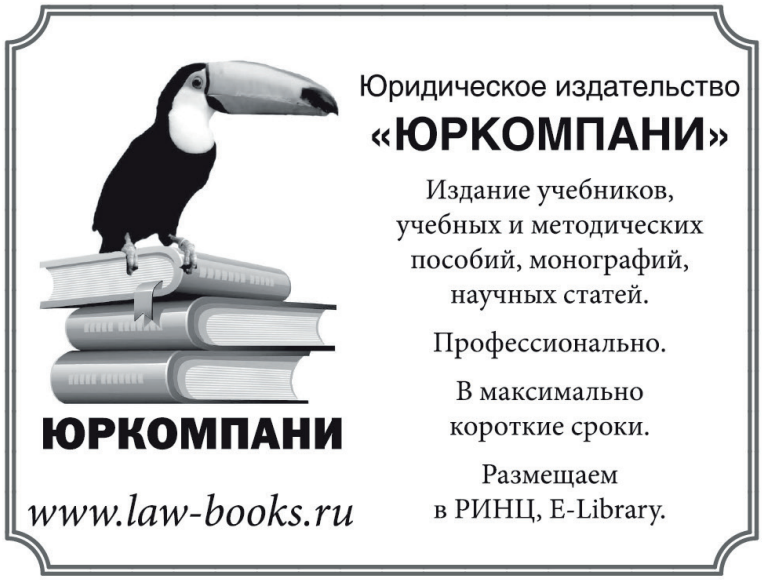
[5] Konstantinov P. Criminal liability for torture /P. Konstantinov// Legality. 2000. No. 4. p. 10.

[6] Lukyanova I. V. Threat as a crime: social determination of criminalization and problems of liability. Kaluga: Fort, 2004. p. 90.

[7] Sinelnikov A. B. Russia and Western Europe - two forms of family and two options for socio-economic development // Sociology. 2017. No. 2. pp. 155-157.

[8] Kharlamov V. S. Criminal-legal interpretation of the victim aspect of domestic violence / V. S. Kharlamov // Journal of Russian Law. 2016. No. 4. pp. 108–118.

[9] Shikula I. R. Actual problems of criminal-legal protection of the rights and freedoms of a victim in a helpless state from violence in the family and domestic sphere / I. R. Shikula // Russian investigator. 2020. No. 3. pp. 48–51.



Дата поступления рукописи в редакцию: 28.04.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-137-141**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

АЛФИМОВА Д.В.,
студент Московского финансового-юридического университета (МФЮА),
Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРИНЦИПЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В КОНТЕКСТЕ СПОРОВ О РЕГИСТРАЦИИ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется специфика реализации принципов административного судопроизводства при рассмотрении споров, связанных с государственной регистрацией актов гражданского состояния. На основе анализа норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ), Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» и судебной практики 2022–2024 годов выявлены особенности применения принципов законности, состязательности, гласности, равенства и активной роли суда в данной категории дел. Показано, что публично-правовой характер споров с органами ЗАГС обусловливает специфическое распределение доказательственного бремени и расширение процессуальных полномочий суда по истребованию доказательств. Научная новизна состоит в системном анализе реализации всего комплекса принципов ст. 6 КАС РФ применительно к регистрационным спорам с органами ЗАГС с учётом актуальной судебной практики и Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 41, а также в авторском предложении о законодательном разграничении процессуальных форм оспаривания действий органов ЗАГС.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: административное судопроизводство, принципы правосудия, акты гражданского состояния, органы ЗАГС, состязательность, активная роль суда, принцип гласности, принцип равенства, КАС РФ, публично-правовой спор, научная новизна, судебная практика.

ALFIMOVA D.V.,
student at the Moscow University of Finance and Law (MFUA),
Moscow, Russia

PRINCIPLES OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF DISPUTES CONCERNING THE REGISTRATION OF ACTS OF CIVIL STATUS

ANNOTATION. The article examines the specifics of implementing the principles of administrative proceedings in the consideration of disputes related to the state registration of civil status acts. Based on the analysis of the provisions of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation (CAP RF), Federal Law of 15.11.1997 No. 143-FZ «On Acts of Civil Status» and judicial practice of 2022-2024, the features of the application of the principles of legality, adversarial proceedings, publicity, equality and the active role of the court in this category of cases are identified. It is shown that the public-law nature of disputes with civil registry offices determines a specific distribution of the evidentiary burden and the expansion of the procedural powers of the court to obtain evidence. The scientific novelty lies in the systemic analysis of the implementation of the entire set of principles of Art. Article 6 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation as applied to registration disputes with civil registry offices, taking into account current judicial practice and Resolution No. 41 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 17, 2024, as well as the author's proposal on the legislative delineation of procedural forms for challenging the actions of civil registry offices.

KEY WORDS: administrative proceedings, principles of justice, civil status acts, civil registry offices, adversarial proceedings, active role of the court, principle of transparency, principle of equality, Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, public-law dispute, scientific novelty, judicial practice.

Введение

Органы ЗАГС занимают особое место в системе исполнительной власти: они фиксируют юридически значимые события жизни человека - рождение, вступление в брак, расторжение брака, усыновление, установление отцовства, перемену имени и смерть [1]. Каждая из этих записей порождает, изменяет или прекращает конкретные права и обязанности гражданина, а потому процедуры взаимодействия с органами ЗАГС прямо затрагивают конституционный статус личности. Именно поэтому к форме и содержанию судебного контроля над деятельностью этих органов предъявляются повышенные требования.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (Федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ) создал самостоятельную процессуальную форму для разрешения публично-правовых конфликтов. Вопрос о том, насколько принципы, закреплённые в ст. 6 КАС РФ, применимы к спорам с органами ЗАГС, по-прежнему дискуссионен [2]. Споры о правомерности действий органов ЗАГС рассматриваются в порядке гл. 22 КАС РФ, однако смешанная - частная и публичная - природа затрагиваемых правоотношений порождает процессуальные трудности, которые судебная практика решает по-разному [3].

Цель настоящей статьи - проанализировать, каким образом ключевые принципы административного судопроизводства преломляются при рассмотрении споров о регистрации актов гражданского состояния, и выявить пробелы в их реализации. Методологическую основу исследования составляют: формально-юридический метод (анализ текста норм ст. 6, 11, 14, 63 КАС РФ и ст. 3, 11 Федерального закона № 143-ФЗ), сравнительно-правовой метод (сопоставление норм КАС РФ и ГПК РФ по вопросам разграничения подведомственности), системный метод (изучение принципов как взаимосвязанной системы), а также эмпирический метод анализа судебной практики судов общей юрисдикции 2020–2024 годов, включая определения кассационных инстанций. Практическая значимость работы определяется возможностью использования выводов при совершенствовании процессуального законодательства и правоприменительной деятельности судов в сфере регистрационных споров.

Научная новизна исследования состоит в следующем. Во-первых, впервые проведён системный анализ всего комплекса принципов ст. 6 КАС РФ применительно к спорам с органами ЗАГС - в существующей литературе рассматривались лишь отдельные принципы (преимущественно состязательность и активная роль суда). Во-вторых, выявлена и обоснована неправомерность применения термина «дискреционные полномочия суда» в контексте ст. 63 и ч. 11 ст. 226 КАС РФ - введён и обоснован альтернативный термин «процессуальные полномочия активного суда». В-третьих, на основе актуальной судебной практики 2022–2024 годов сформулированы предложения по законодательному уточнению ст. 11 Федерального закона № 143-ФЗ, направленные на устранение процессуальной неопределённости в разграничении административного и особого производства.

1. Публично-правовая природа споров с органами ЗАГС

Перечень актов гражданского состояния установлен ст. 3 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ: рождение, заключение и расторжение брака, усыновление, установление отцовства, перемена имени, смерть [1]. И.А. Трофимец квалифицирует зарегистрированный акт гражданского состояния как «универсальный юридический факт», одновременно порождающий правоотношения частного и публичного характера [4]. Именно эта двойственность определяет процессуальную форму защиты: когда гражданин оспаривает не само правоотношение, а решение государственного органа об отказе в регистрации или внесении изменений, спор переходит в административную юрисдикцию.

В российской судебной практике данный подход закреплён в ч. 1 ст. 218 КАС РФ: гражданин вправе обратиться в суд с административным иском об оспаривании бездействия органа государственной власти, в том числе органа ЗАГС [5]. Принципы, перечисленные в ст. 6 КАС РФ, распространяются на данную категорию дел в полном объёме. Рассмотрим подробнее, как каждый из них реализуется в специфических условиях регистрационных споров.

2. Принципы законности, равенства и разумного срока

Принцип законности - первый и системообразующий в перечне ст. 6 КАС РФ. В спорах с органами ЗАГС он проявляется в обязанности суда проверить, соответствует ли отказ в регистрации исчерпывающему перечню оснований, закреплённых в ст. 11 Федерального закона № 143-ФЗ [6]. Если орган ЗАГС ссылается на иные обстоятельства, суд признаёт такой отказ незаконным - данный вывод воспроизводится в решениях судов общей юрисдикции, в том числе по делу № 2А-3883/2023 Железнодорожного районного суда г. Новосибирска от 09.01.2024 [5].

Принцип равенства всех перед законом и судом (п. 2 ст. 6 КАС РФ) в спорах с органами ЗАГС имеет выраженную структурную специфику: стороны процессуально равноправны, однако фактически занимают неравное положение. Орган ЗАГС располагает монопольным доступом к данным Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния (ЕГР ЗАГС), введённого в эксплуатацию с 2018 года, тогда как гражданин лишён возможности самостоятельно получить архивные сведения без содействия

суда. Эта информационная асимметрия является прямым следствием публично-правовой природы отношений и выступает структурным препятствием для реализации равенства в доказывании [7]. Именно поэтому суд в подобных делах обязан не просто соблюдать нейтралитет, но активно нивелировать фактическое неравенство сторон посредством механизма истребования доказательств (ст. 63 КАС РФ) и распределения бремени доказывания на публичного ответчика (ч. 11 ст. 226 КАС РФ). Апелляционное определение Московского городского суда от 13.03.2024 по делу № 33а-2476/2024 (оспаривание отказа Управления ЗАГС г. Москвы в выдаче документов об усыновлении) подтверждает: суды в целом реализуют данный подход, перекладывая на орган ЗАГС обязанность документально обосновать правомерность отказа [11].

3. Состязательность и активная роль суда

Пункт 7 ст. 6 КАС РФ закрепляет принцип состязательности и равноправия сторон при активной роли суда - именно этот принцип наиболее дискуссионен в административном судопроизводстве. Г.В. Пищальников указывает, что включение понятия «активная роль суда» в КАС РФ было обусловлено необходимостью сбалансировать процессуальное положение участников, поскольку одной из сторон является орган публичной власти, располагающий значительными ресурсами [8]. В спорах с органами ЗАГС этот дисбаланс проявляется особенно отчётливо: гражданин зачастую лишён прямого доступа к архивным записям, которые хранятся в базах регионального управления ЗАГС, а орган - в силу ч. 11 ст. 226 КАС РФ - несёт бремя доказывания законности своих действий. Термин «дискреционные полномочия», нередко употребляемый применительно к суду в контексте КАС РФ, является дискуссионным: в российской доктрине под судебной дискрецией понимается свобода суда в выборе правовых последствий при наличии нескольких законных вариантов решения [13], тогда как полномочия, предусмотренные ст. 63 и ч. 11 ст. 226 КАС РФ, носят обязывающий, а не дискреционный характер. Поэтому корректнее использовать термин «процессуальные полномочия активного суда».

А.Г. Белорусов, анализируя формы активности суда, выделяет как ключевое полномочие истребование доказательств по собственной инициативе суда (ст. 63 КАС РФ), включая электронные сведения из государственных реестров [9]. Это полномочие приобретает практическое значение в делах о восстановлении утраченных архивных записей актов гражданского состояния: согласно ст. 74 Федерального закона № 143-ФЗ, восстановление актовой записи производится тем органом ЗАГС, которым запись составлялась, - суд обязан самостоятельно запросить сведения о её наличии в областном архиве [6].

Выявлено, что суды неоднородно применяют принцип активной роли: часть ограничивается формальной проверкой документов органа ЗАГС, тогда как другие самостоятельно истребуют архивные материалы и назначают экспертизы. Так, в кассационном определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.04.2024 по делу № 8а-4766/2024 суд констатировал нарушение нижестоящей инстанцией принципа активной роли: суд первой инстанции не истребовал из Управления ЗАГС Алтайского края документы, подтверждающие правомерность отказа в регистрации брака лицам, содержащимся под стражей, ограничившись ссылкой на позицию административного ответчика [12]. Вместе с тем апелляционное определение Московского городского суда от 13.03.2024 по делу № 33а-2476/2024 демонстрирует противоположный подход: суд активно запросил у Управления ЗАГС г. Москвы дополнительные материалы и на их основании признал отказ в выдаче документов незаконным [11]. Эту вариативность Пленум Верховного Суда РФ стремился устранить Постановлением от 17.12.2024 № 41 [7].

4. Гласность, непосредственность и разграничение подведомственности

Принцип гласности (ст. 11 КАС РФ) в делах о регистрации актов гражданского состояния реализуется в условиях нормативно закреплённого ограничения: разбирательство переводится в закрытый режим по ходатайству стороны, ссылающейся на необходимость охраны персональных данных или неприкосновенность частной жизни (ч. 2 ст. 11 КАС РФ). Сведения об усыновлении или установлении отцовства составляют охраняемую законом тайну в силу п. 8 ст. 6 Федерального закона № 143-ФЗ, поэтому суды, как правило, рассматривают такие дела в закрытом заседании [1]. Однако конкуренция принципа гласности и режима тайны порождает правоприменительную проблему: суды нередко переходят в закрытый режим без вынесения мотивированного определения, что прямо нарушает ч. 6 ст. 11 КАС РФ. Данная практика выявлена, в частности, при анализе дел Восьмого кассационного суда общей юрисдикции за 2023–2024 годы [12]. Содержательно принцип гласности сохраняет действие применительно к праву сторон на получение информации о ходе и результатах дела (ч. 3 ст. 11 КАС РФ) и ознакомление с вступившим в силу судебным решением (ч. 4 ст. 11 КАС РФ) - эти гарантии не могут быть ограничены даже при закрытом заседании [10].

Принцип непосредственности (п. 6 ст. 6 КАС РФ) обязывает суд лично исследовать актовые записи, архивные документы, справки об отсутствии записи. Е.В. Михайлова подчёркивает, что стандарт непосредственного изучения документов органов ЗАГС должен быть строже, чем при исследовании доказательств между частными

лицами, поскольку публично-правовые образования нередко реализуют властные полномочия даже в рамках частноправовых отношений [10].

Центральная процессуальная трудность - разграничение административного судопроизводства и особого производства по ГПК РФ. Требование об установлении факта регистрации акта гражданского состояния при утрате архивов суды рассматривают в порядке особого производства (гл. 36 ГПК РФ), тогда как оспаривание отказа органа ЗАГС - в порядке гл. 22 КАС РФ [3]. Критерием разграничения служит наличие или отсутствие спора о субъективном праве: его появление переводит дело в исковое производство (ст. 263 ГПК РФ) [6]. В 2020–2024 годах суды общей юрисдикции неоднократно переходили от одного вида судопроизводства к другому в ходе рассмотрения дела, опираясь на ч. 2.1 ст. 33 КАС РФ [2], что указывает на системную неопределённость.

Заключение

Принципы административного судопроизводства, закреплённые в ст. 6 КАС РФ, в целом адаптированы к рассмотрению споров о регистрации актов гражданского состояния, однако их применение сопряжено с рядом специфических трудностей. Принцип состязательности при активной роли суда требует широкого использования полномочия истребовать доказательства из государственных реестров; принцип гласности объективно ограничен режимом охраны персональных данных при сохранении гарантий уведомления сторон; принцип равенства компенсирует структурный информационный дисбаланс через перераспределение доказательственного бремени на орган ЗАГС; принцип законности реализуется через проверку исчерпывающего перечня оснований для отказа в регистрации [1; 6]. Анализ практики 2022–2024 годов - в том числе определений Восьмого кассационного суда и Московского городского суда - выявляет существенную вариативность в применении принципа активной роли суда, что свидетельствует о сохраняющейся правоприменительной неопределённости [11; 12].

Системная неопределённость в разграничении административного и гражданского судопроизводства применительно к данной категории дел, а также нечёткость оснований перехода в закрытое заседание указывают на необходимость законодательного уточнения. В порядке de lege ferenda предлагается: (1) дополнить ст. 11 Федерального закона № 143-ФЗ нормой, прямо указывающей на административно-процессуальный порядок оспаривания отказов органов ЗАГС; (2) закрепить в ст. 14 КАС РФ конкретные критерии активного истребования доказательств судом по данной категории дел. Реализация данных предложений позволит устранить процессуальную вариативность и обеспечить единообразие в применении принципов КАС РФ при рассмотрении регистрационных споров.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. - 1997. - № 47. - Ст. 5340.

[2] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. - 2015. - № 10. - Ст. 1391.

[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023): глава 36 «Рассмотрение дел о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния» // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.

[4] Трофимец И.А. Акты гражданского состояния как юридические факты // Вестник ТвГУ. Серия: Право. - 2021. - № 1 (65). - С. 119–128.

[5] Решение Железнодорожного районного суда г. Новосибирска по делу № 2А-3883/2023 от 09.01.2024 // СудАкт. - URL: https://sudact.ru/regular/doc/q19b2KxJSqVV/ (дата обращения: 10.03.2026).

[6] Ваничкина В.Н. (ред.) Комментарий к Федеральному закону от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния». - М.: Проспект, 2021. - 320 с.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 41 «О подготовке административного дела к судебному разбирательству в суде первой инстанции» // Официальный сайт ВС РФ. - URL: https://vsrf.ru/documents/own/34138/ (дата обращения: 10.03.2026).

[8] Пищальников Г.В. Пределы активности суда в административном судопроизводстве // Государственная власть и местное самоуправление. - 2024. - № 4. - С. 42–47.

[9] Белорусов А.Г. Принцип активной роли суда в административном судебном процессе // Юридический мир. - 2025. - № 7. - С. 36–39.

[10] Михайлова Е.В. Участие публично-правовых образований в цивилистическом процессе: актуальные проблемы // Юрист. - 2024. - № 6. - С. 2–8.

[11] Апелляционное определение СК по административным делам Московского городского суда от 13.03.2024 по делу № 33а-2476/2024 (оспаривание отказа Управления ЗАГС г. Москвы в выдаче документов об усыновлении) // Система ГАРАНТ. - URL: https://base.garant.ru/339431360/ (дата обращения: 10.03.2026).

[12] Кассационное определение СК по административным делам Восьмого кассационного

суда общей юрисдикции от 10.04.2024 по делу № 8а-4766/2024[88а-7049/2024] (оспаривание отказа в регистрации брака) // Система ГАРАНТ. - URL: https://base.garant.ru/339436822/ (дата обращения: 10.03.2026).

[13] Соловьёв Ю.П. Стандарты судебной оценки дискреционных актов публичной администрации // Сибирский юридический вестник. - 2015. - № 4. - С. 78-86.

References:

[1] Federal Law of November 15, 1997 No. 143-FZ "On Acts of Civil Status" (as amended on July 14, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1997. - No. 47. - Art. 5340.

[2] Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation dated 03/08/2015 No. 21-FZ (as amended on 12/25/2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2015. - No. 10. - Art. 1391.

[3] Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on December 25, 2023): Chapter 36 "Consideration of cases on making corrections or changes in civil status records" // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 46. - Art. 4532.

[4] Trofimets I.A. Acts of civil status as legal facts // Bulletin of Tver State University. Series: Law. - 2021. - No. 1 (65). - pp. 119–128.

[5] Decision of the Zheleznodorozhny District Court of Novosibirsk in case No. 2A-3883/2023 dated 01/09/2024 // SudAct. - URL: https://sudact.ru/regular/doc/q19b2KxJSqVV/ (access date: 03/10/2026).

[6] Vanichkina V.N. (ed.) Commentary on the Federal Law of November 15, 1997 No. 143-FZ "On Acts of Civil Status". - M.: Prospekt, 2021. - 320 p.

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 17, 2024 No. 41 "On the preparation of an administrative case for trial in the court of first instance" // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. - URL: https://vsrf.ru/documents/own/34138/ (access date: 03/10/2026).

[8] Pishchalnikov G.V. Limits of court activity in administrative proceedings // State power and local self-government. - 2024. - No. 4. - P. 42–47.

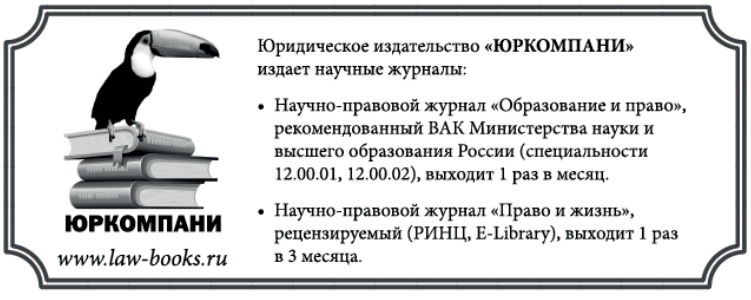
[9] Belorusov A.G. The principle of the active role of the court in the administrative judicial process // Legal World. - 2025. - No. 7. - P. 36–39.

[10] Mikhailova E.V. Participation of public legal entities in the civil process: current problems // Lawyer. - 2024. - No. 6. - P. 2–8.

[11] Appeal ruling of the Investigative Committee for administrative cases of the Moscow City Court dated March 13, 2024 in case No. 33a-2476/2024 (challenging the refusal of the Moscow Civil Registry Office to issue adoption documents) // System GARANT. - URL: https://base.garant.ru/339431360/ (access date: 03/10/2026).

[12] Cassation ruling of the Investigative Committee for administrative cases of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction dated April 10, 2024 in case No. 8a-4766/2024 [88a-7049/2024] (challenging the refusal to register a marriage) // System GARANT. - URL: https://base.garant.ru/339436822/ (access date: 03/10/2026).

[13] Solovyov Yu.P. Standards for judicial assessment of discretionary acts of public administration // Siberian Legal Bulletin. - 2015. - No. 4. - P. 78-86.



Дата поступления рукописи в редакцию: 06.06.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-142-147**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

ЯН Тао,
доцент, аспирант
Профессиональный институт
новых энергетических технологий провинции Цзянси,
Алтайский государственный университет,
e-mail: 153318244@qq.com

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ КИТАЙСКОГО ВУЗА СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ

АННОТАЦИЯ. Целью исследования является разработка организационно-педагогической модели развития предпринимательской компетентности студентов китайских вузов на основе комплексного подхода. Методология базируется на интеграции диагностических, образовательных и практических компонентов в единую систему с применением современных педагогических технологий. Результатом является предложенная трёхблочная модель, позволяющая снизить разрыв между намерениями студентов и их реальной готовностью к предпринимательской деятельности. Область применения – высшие учебные заведения Китая, реализующие политику «массовых инноваций». Диагностический блок выявляет предпринимательские склонности через систему тестирования, что обеспечивает дифференциацию образовательных траекторий в соответствии с уровнем готовности обучающихся. Образовательный блок реализуется через малогрупповую работу над стартап-проектами на китайском и английском языках, где преподаватель выступает наставником в режиме реального времени. Практический блок замыкает цикл защитой проектов перед внешними экспертами с предоставлением грантов на запуск реального бизнеса при юридической и инфраструктурной поддержке университета. Модель опирается на четыре организационно-педагогических условия, где мотивационная среда строится на быстром получении обратной связи без санкций за провал, а наставничество практикующих предпринимателей обеспечивает еженедельное погружение в реальные бизнес-кейсы. Интеграция с региональным рынком достигается через оплачиваемые заказы от компаний, что формирует ответственность за качество результата и снимает барьер между учебным процессом и профессиональной средой. Содержательное наполнение реализуется через пять компонентов компетентности: когнитивный развивается через изучение экономики и маркетинга, мотивационный усиливается ежемесячными конкурсами стартапов, операциональный формируется ведением переговоров и написанием бизнес-планов, рефлексивный укрепляется анализом ошибок после каждой защиты, личностный развивается еженедельными психологическими тренингами по стрессоустойчивости. Цифровизация предпринимательского образования обеспечивает прозрачность оценки компетенций, сокращение времени от идеи до запуска проекта и устойчивое развитие студенческих бизнес-инициатив.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: предпринимательское образование, организационно-педагогическая модель, предпринимательские компетенции, образовательная экосистема, бизнес-инкубатор, психологический капитал, наставничество, стартап-проекты, китайский вуз, мотивация студентов.

YANG Tao,
Associate Professor, Graduate student
Professional Institute of New Energy
Technologies of Jiangxi Province,
Altai State University

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR DEVELOPING STUDENT ENTREPRENEURSHIP IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF A CHINESE UNIVERSITY: STRUCTURE AND CONTENT

ANNOTATION. The aim of this study is to develop an organizational and pedagogical model for developing entrepreneurial competence in students at Chinese universities using a comprehensive approach. The methodology is based on the integration of diagnostic, educational, and practical components into a single system using modern pedagogical technologies. The proposed three-part model helps narrow the gap between students' intentions and their actual readiness for entrepreneurship. The study focuses on Chinese higher education institutions implementing a «mass innovation» policy. The diagnostic part identifies entrepreneurial inclinations through a testing system, ensuring the differentiation of educational pathways according to students' level of readiness. The educational part is implemented through small-group work on startup projects in Chinese and English, with the instructor acting as a mentor in real time. The practical part concludes the cycle with the presentation of projects to external experts and the provision of grants for the launch of real businesses with the legal and infrastructural support of the university. The model relies on four organizational and pedagogical conditions, where the motivational environment is built on rapid feedback without penalties for failure, and mentorship from practicing entrepreneurs ensures weekly immersion in real business cases. Integration with the regional market is achieved through paid assignments from companies, which fosters accountability for the quality of results and removes the barrier between the educational process and the professional environment. Substantive content is realized through five competency components: cognitive development through the study of economics and marketing, motivational enhancement through monthly startup competitions, operational development through negotiations and business plan writing, reflective enhancement through error analysis after each defense, and personal development through weekly psychological training sessions on stress resilience. The digitalization of entrepreneurship education ensures transparent competency assessment, a reduction in the time from idea to project launch, and the sustainable development of student business initiatives.

KEY WORDS: entrepreneurship education, organizational and pedagogical model, entrepreneurial competencies, educational ecosystem, business incubator, psychological capital, mentoring, start-up projects, Chinese university, student motivation.

Введение

Китай реформирует систему предпринимательского образования более двух десятилетий, что обусловлено государственной политикой «массовых инноваций», которая требует конкретных измеримых результатов от высших учебных заведений. Актуальность исследования определяется противоречием между декларируемыми намерениями студентов и их реальной готовностью к самостоятельной предпринимательской деятельности, где разрыв достигает критических значений. Исследования показывают, что ответственность за результат у студентов-менеджеров в два раза выше контрольной группы, а локус контроля напрямую влияет на предпринимательское поведение, поэтому формирование психологического капитала становится ключевым фактором готовности к риску.

Степень научной разработанности проблемы характеризуется фрагментарностью подходов, где отдельные исследователи концентрируются на изолированных аспектах образовательной среды. Р.Н. Литвинова выделила восемь факторов образовательной среды вуза, а кадровые условия требуют опыта бизнеса у преподавателей, что подтверждается ростом академических результатов студентов [4]. Е.А. Дагаева проанализировала три блока условий, где компетентностный блок включает стандарты и программы акселерации, а средовой блок формирует экосистему через мероприятия, но психологический блок снижает страх неудачи тренингами самоэффективности [3].

Сравнительный анализ международного опыта демонстрирует системные различия в организационно-педагогических подходах, где Т.М. Резер установила, что Китай связывает образование с идеологией партии, а Россия опирается на воспитательную работу вне учебного процесса [5]. Ni Wen оценили студентов и установили, что мотивация к предпринимательству высокая, но практические навыки и знания развиты слабо, поэтому традиционная модель обучения не подходит для ситуативной природы предпринимательства [10]. Zhang Caichan доказали, что климат в аудитории влияет на креативность, а качество обратной связи усиливает эффект, где частичная медиация подтверждена через bootstrap-анализ [8].

Теоретические модели последних лет предлагают интегративные решения, где Ци Вэйпин разработал концепцию «двойной спирали», которая объединяет позитивную психологию и предпринимательское мышление на базовом уровне, а на профессиональном уровне встраивает психологические способности в предметную цепочку [7]. А.Н. Романова диагностировала российские вузы и выделила восемь компонентов экосистемы, где система мониторинга развита хуже всего, поэтому главной проблемой является страх студентов перед бизнесом [6]. М.В. Андросов экспериментально проверил алгоритм формирования навыков, где экспериментальная группа превзошла контрольную по всем направлениям, а индивидуальное консультирование и педагогическое сопровождение усилили эффект [1].

Обобщение накопленного опыта позволило сформировать целостное представление о механизмах воздействия на предпринимательское становление студентов, что создало основу для

разработки прикладного инструмента. Понимание этих взаимосвязей обнаружило фундаментальное противоречие, где невозможно обучать бизнесу без погружения в бизнес, но и погружение без подготовки приводит к отторжению опыта, поэтому модель должна выстраиваться как движение от диагностики индивидуальных особенностей через освоение знаний и навыков к реализации собственных проектов.

Целью данной статьи является разработка организационно-педагогической модели развития предпринимательской компетентности студентов китайских вузов на основе комплексного подхода, который интегрирует диагностические, образовательные и практические компоненты в единую систему. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: обосновать структуру трёхблочной модели с выделением диагностического, образовательного и практического блоков, определить четыре организационно-педагогических условия эффективного функционирования модели, раскрыть содержательное наполнение пяти компонентов предпринимательской компетентности студентов через когнитивный, мотивационный, операциональный, рефлексивный и личностный элементы.

Методы исследования

В исследовании проводился анализ научных работ по предпринимательскому образованию в России и Китае. Изучались результаты опросов студентов и преподавателей китайских вузов относительно удовлетворённости образовательным процессом. Применялось сравнение показателей российских и китайских педагогических университетов.

Результаты и обсуждение

Китай реформирует систему предпринимательского образования более 20 лет. Политика «массовых инноваций» требует конкретных результатов. Исследования показывают разрывы между намерениями студентов и реальными действиями. Р.Н. Воронина и Е.Н. Махмутова доказали, что ответственность за результат у студентов-менеджеров в два раза выше контрольной группы. Применяли шкалу субъективного контроля. Локус контроля напрямую влияет на предпринимательское поведение. Психологический капитал формирует готовность к риску [2, с. 151].

Р.Н. Литвинова выделила восемь факторов образовательной среды вуза. Кадровые условия требуют опыта бизнеса у преподавателей. Методические условия повышают вовлечённость через адаптивные технологии. Организационная культура должна поощрять проактивность. Мониторинг показал рост академических результатов и практических достижений студентов [4, с. 360].

Е.А. Дагаева проанализировала три блока условий. Компетентностный блок включает стандарты, программы акселерации, защиту стартапов как дипломов. Средовой блок формирует экосистему через мероприятия и медийную поддержку. Психологический блок снижает страх неудачи тренингами самоэффективности. Опрос выявил барьеры: нехватка капитала, неуверенность, дефицит навыков [3, с.54].

Y. Huang, L. Liu и L. An опросили преподавателя из китайских вузов. Университеты «двойного мирового класса» показали удовлетворённость 3,87 балла. Остальные типы вузов отстают значимо. Организационное руководство влияет на удовлетворённость сильнее других факторов. Конкурсы оторваны от практики. Студенты оценивают мероприятия, но не создают реальный бизнес [9, с.8].

Т.М. Резер, Л. Бао и В.С. Мокрищева сравнили российские и китайские педагогические вузы. Китай связывает образование с идеологией партии. Иерархия выстроена вертикально. Патерналистские ценности поддерживают 80% студентов. Государственный контроль регулирует содержание через партийные документы. Россия опирается на воспитательную работу вне учебного процесса [5, с. 812].

Ni Wen и Songsak Phusee-orn оценили 570 студентов Sichuan Tourism University. Структура включала личностные качества, навыки, знания. Мотивация к предпринимательству высокая. Практические навыки и знания развиты слабо. Метод нечёткой оценки выявил разрывы в компетенциях. Традиционная модель обучения не подходит для ситуативной природы предпринимательства [10, с.27].

Zhang Caichan и Yingmei Li провели лонгитюдное исследование в четырёх городах. Климат в аудитории влияет на креативность. Качество обратной связи усиливает эффект. Нарративная практика переосмысления модерирует связь. Частичная медиация подтверждена через bootstrap-анализ. Студенты нуждаются в психологической безопасности и своевременной критике [8, с.5].

Ци Вэйпин, Ян Мань и У Сяодун предложили модель «двойной спирали». Базовый уровень интегрирует позитивную психологию и предпринимательское мышление. Профессиональный уровень встраивает психологические способности в предметную цепочку. Расширенный уровень связывает образовательную и индустриальную сферы через симуляционные лаборатории. Преподаватели объединяются в команды: психолог, наставник, академический руководитель. Оценка включает психологический капитал, инновационную самоэффективность, социальное влияние [7].

А.Н. Романова, И.П. Геращенко и О.А. Гешко диагностировали 21 российский вуз. Выделили восемь компонентов экосистемы: институциональную среду (37 баллов), популяризацию (35 баллов), инфраструктуру (28 баллов). Система мониторинга развита хуже всего (18 баллов).

Главной проблемой является страх студентов перед бизнесом. Только 2-4% выпускников планируют предпринимательство. Несогласованность между ректоратом и деканатами тормозит изменения [6, с.284].

М.В. Андросов экспериментально проверил алгоритм формирования навыков. Критерии включали мотивацию, коммуникацию, поведение, когнитивные и деятельностные аспекты. Экспериментальная группа превзошла контрольную по всем направлениям. Индивидуальное консультирование и педагогическое сопровождение усилили эффект. Стратегическое мышление развивается поэтапно через проектирование и практику [1, с. 270].

Обобщение накопленного опыта позволило сформировать целостное представление о механизмах воздействия на предпринимательское становление студентов в условиях китайского вуза. Понимание этих взаимосвязей создало основу для разработки прикладного инструмента. Невозможно обучать бизнесу без погружения в бизнес, но и погружение без подготовки приводит к отторжению опыта. Поэтому модель выстроена как движение от диагностики индивидуальных особенностей через освоение знаний и навыков к реализации собственных проектов.

Модель включает три блока (рис.1). В диагностическом блоке преподаватели выявляют предпринимательские склонности студентов. Используются тесты и опросы. Результаты распределяют учащихся по группам готовности. В образовательном блоке студенты изучают бизнес-дисциплины на китайском и английском языках. Занятия проходят в малых группах. Каждая группа разрабатывает стартап-проект. Преподаватель выступает наставником. Он корректирует идеи и направляет поиск решений. В практическом студенты защищают проекты перед экспертами. Лучшие команды получают гранты от вуза. Деньги идут на запуск реального бизнеса. Университет предоставляет юридическую поддержку. Работают коворкинги и технопарки на территории кампуса.

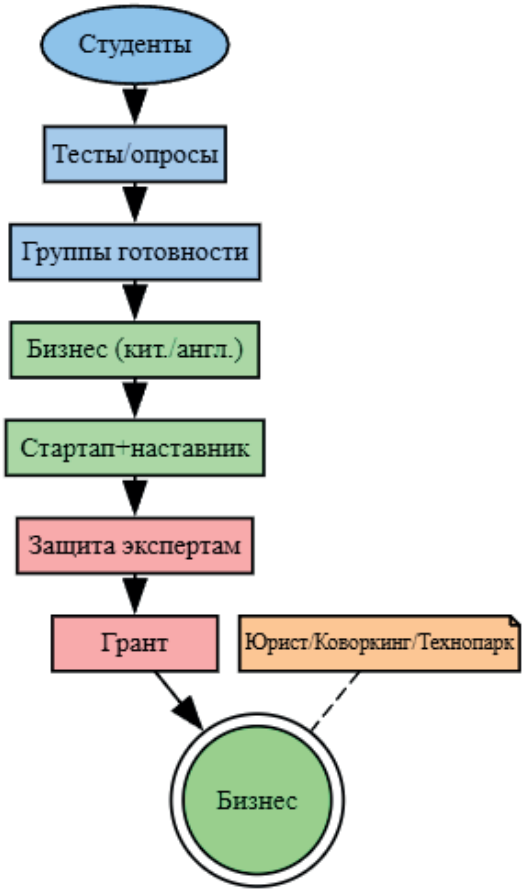


Рисунок 1. Организационно-педагогическая модель развития предпринимательских компетенций студентов

Модель опирается на четыре условия (рис. 2). Мотивация строится на быстром результате. Студент презентует идею и слышит отклик аудитории. Вуз создаёт среду для экспериментов без санкций. Провал проекта не портит оценки. Страх ошибок исчезает. Наставники из бизнеса встречаются со студентами еженедельно. Они рассказывают кейсы и отвечают на вопросы. Проекты решают реальные задачи компаний региона. Заказчики платят за разработку. Деньги стимулируют ответственность за качество.

Рисунок 2. Организационно-педагогические условия формирования предпринимательской компетентности студентов

Содержание компонентов. Когнитивный компонент формирует знания о бизнесе. Студенты учат экономику и маркетинг. Они анализируют конкурентов и спрос. Преподаватель даёт задачи на расчёт прибыли. Мотивационный компонент пробуждает желание действовать. Вуз организует конкурсы стартапов ежемесячно. Победители выступают на форумах. Слава мотивирует сильнее денег. Операциональный компонент развивает навыки. Студенты ведут переговоры с инвесторами. Они пишут бизнес-планы и презентации. Каждый защищает проект минимум три раза за семестр. Рефлексивный компонент учит анализу ошибок. После защиты команда обсуждает промахи. Преподаватель задаёт вопросы о причинах неудач. Студенты пишут отчёты о выводах. Личностный компонент укрепляет характер предпринимателя. Вуз проводит тренинги по стрессоустойчивости. Психологи работают с группами еженедельно. Студенты учатся справляться с критикой и давлением.

Модель соединяет диагностику, обучение и практику запуска бизнеса. Студенты проходят путь от идеи до защиты за семестр. Лучшие команды получают гранты на реализацию проектов. Четыре условия обеспечивают мотивацию и безопасность эксперимента. Наставники из бизнеса делятся опытом еженедельно. Интеграция с рынком превращает учебные задачи в оплачиваемые заказы. Компоненты компетентности развиваются параллельно через практику.

Заключение

Проведённое исследование позволило разработать организационно-педагогическую модель, которая последовательно объединяет диагностический, образовательный и практический блоки в единый цикл формирования предпринимательской компетентности. Диагностический этап выявляет индивидуальные склонности студентов через систему тестирования, что позволяет дифференцировать образовательные траектории в соответствии с уровнем готовности обучающихся. Образовательный блок реализуется через малогрупповую работу над стартап-проектами, где преподаватель выступает не транслятором знаний, а наставником, корректирующим поиск решений в режиме реального времени. Практический блок замыкает цикл защитой проектов перед внешними экспертами и предоставлением грантов, что трансформирует учебную активность в реальную предпринимательскую деятельность при юридической и инфраструктурной поддержке университета.

Выделенные четыре организационно-педагогических условия образуют систему, где мотивационная среда строится на быстром получении обратной связи от аудитории без санкций за провал, а наставничество практикующих предпринимателей обеспечивает еженедельное погружение в реальные бизнес-кейсы. Интеграция с региональным рынком достигается через оплачиваемые заказы от компаний, что формирует ответственность за качество результата и снимает барьер между учебным процессом и профессиональной средой.

Содержательное наполнение модели через пять компонентов компетентности демонстрирует, что когнитивный элемент развивается параллельно с операциональным при решении расчётных задач и ведении переговоров, тогда как мотивационный компонент усиливается публичностью конкурсов и форумов. Рефлексивный анализ ошибок после каждой защиты формирует навык критического осмысления опыта, а личностный компонент укрепляется систематическими психологическими тренингами по преодолению стресса и работе с критикой.

Наиболее перспективным направлением апробации представляется внедрение модели в университетах различного уровня для проверки её адаптивности к специфике образовательной экосистемы, поскольку исследование Y. Huang выявило значимые различия в удовлетворённости между элитными вузами и региональными учреждениями. Дальнейшая работа должна сосредоточиться на измерении долгосрочных эффектов модели через лонгитюдное отслеживание предпринимательской активности выпускников, где ключевым показателем станет не участие в конкурсах, а создание жизнеспособных бизнесов в течение трёх лет после окончания обучения.

Список литературы:

[1] Андросов М. В. Алгоритм реализации опытно-экспериментальной работы по изучению эффективности модели формирования стратегических навыков будущих предпринимателей / М. В. Андросов, О. В. Попова // Глобальный научный потенциал. – 2025. – № 5-1 (170). – С. 269–272.

[2] Воронина Р. Н. Организационно-педагогическое моделирование предпринимательского образования в вузе: психологический аспект / Р. Н. Воронина, Е. Н. Махмутова // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31, № 11. – С. 141–154.

[3] Дагаева Е. А. Организационно-педагогические условия формирования готовности студентов вуза к предпринимательству / Е. А. Дагаева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2023. – № 7. – С. 48–67.

[4] Литвинова Р. Н. Организационно-педагогические условия формирования предпринимательских компетенций в образовательной среде вуза / Р. Н. Литвинова // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2021. – № 4. – С. 357–363.

[5] Резер Т. М. Сравнение организационно-педагогических условий формирования профессионально-ценностных ориентаций у студентов педагогических вузов России и Китая / Т. М. Резер, Луси Бао, В. С. Мокрищева // ЦИТИСЭ. – 2025. – № 2. – С. 808–817.

[6] Романова А. Н. Диагностика среды формирования предпринимательских компетенций студентов / А. Н. Романова, И. П. Геращенко, О. А. Гешко // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 76-4. – С. 282–286.

[7] Ян М. Формирование воспитательного формата психологического здоровья и инновационно-предпринимательского образования / М. Ян, С. У // Yunnan Daily. – 2025. – 4 с.

[8] Caichan, Z. Learning to launch: Classroom climate, feedback, narrative therapy, and the development of entrepreneurial creativity in college / Z. Caichan, Y. Li // Acta Psychologica. – 2026. – Vol. 263. – Article 106296. – P. 1–10.

[9] Huang, Y. Are the Teachers and Students Satisfied: Sustainable Development Mode of Entrepreneurship Education in Chinese Universities? / Y. Huang, L. Liu, L. An // Frontiers in Psychology. – 2020. – Vol. 11. – Article 1738. – P. 1–14.

[10] Wen, N. A Study on the College Students' Entrepreneurial Ability in China / N. Wen, S. Phusee-orn // Higher Education Studies. – 2025. – Vol. 15, № 1. – P. 22–29.

References:

[1] Androsov, M. V. Algorithm for the Implementation of Experimental Work to Study the Effectiveness of the Model for Forming Strategic Skills of Future Entrepreneurs / M. V. Androsov, O. V. Popova // Global Scientific Potential. – 2025. – No. 5-1 (170). – Pp. 269–272.

[2] Voronina, R. N. Organizational and Pedagogical Modeling of Entrepreneurial Education at the University: Psychological Aspect / R. N. Voronina, E. N. Makhmutova // Higher Education in Russia. – 2022. – Vol. 31, No. 11. – Pp. 141–154.

[3] Dagaeva, E. A. Organizational and Pedagogical Conditions for Forming University Students' Readiness for Entrepreneurship / E. A. Dagaeva // Scientific and Methodological Electronic Journal «Concept». – 2023. – No. 7. – Pp. 48–67.

[4] Litvinova R. N. Organizational and pedagogical conditions for the formation of entrepreneurial competencies in the educational environment of a university / R. N. Litvinova // Herzen Readings: psychological research in education. – 2021. – No. 4. – Pp. 357–363.

[5] Rezer T. M. Comparison of organizational and pedagogical conditions for the formation of professional-value orientations among students of pedagogical universities in Russia and China / T. M. Rezer, Lusi Bao, V. S. Mokrishcheva // CITISE. – 2025. – No. 2. – Pp. 808–817.

[6] Romanova, A. N. "Diagnosing the Environment for the Formation of Students' Entrepreneurial Competencies." Problems of Modern Pedagogical Education, No. 76-4 (2022): 282–286.

[7] Yang, M. "Formation of an Educational Format for Psychological Health and Innovative-Entrepreneurial Education." Yunnan Daily, 2025, 4 p.

[8] Caichan, Z. "Learning to Launch: Classroom Climate, Feedback, Narrative Therapy, and the Development of Entrepreneurial Creativity in College." Acta Psychologica, Vol. 263, Article 106296 (2026): 1–10.
[9] Huang, Y. Are the Teachers and Students Satisfied: Sustainable Development Mode of Entrepreneurship Education in Chinese Universities? / Y. Huang, L. Liu, L. An // Frontiers in Psychology. – 2020. – Vol. 11. – Article 1738. – P. 1–14.

[10] Wen, N. A Study on the College Students' Entrepreneurial Ability in China / N. Wen, S. Phusee-orn // Higher Education Studies. – 2025. – Vol. 15, No. 1. – P. 22–29.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.06.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-148-152**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

ДЕВЯТКИНА Анна Петровна,
старший преподаватель,
Бузулукский гуманитарно-технологический
институт (филиал) ОГУ,
e-mail: annadevyat919855@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается процесс формирования культуры безопасного поведения студентов как ключевой задачи современной образовательной среды вуза. С позиции деятельностного подхода обобщается практика высшего учебного заведения, продемонстрировано, что вовлечение вопросов безопасности в профильные учебные дисциплины, моделирование практических ситуаций способствует формированию компетенций безопасности и становлению субъектной позиции в вопросах личной и общественной безопасности. Показано, что образовательная среда, организованная на принципах деятельностного подхода, становится стратегическим ресурсом формирования гражданской идентичности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: деятельностный подход, культура безопасного поведения, образовательная среда, междисциплинарный подход, компетентность безопасности, субъектная позиция, гражданская ответственность.

DEVYATKINA Anna Petrovna,
Senior Lecturer,
Buzuluk Humanitarian and Technological
Institute (branch) of OSU

ACTIVITY APPROACH TO FORMING A CULTURE OF SAFE BEHAVIOR OF STUDENTS IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY

ANNOTATION. The article considers the process of forming a culture of safe behavior of students as a key task of the modern educational environment of the university. From the standpoint of the activity approach, the practice of a higher educational institution is summarized, it is demonstrated that the involvement of students in active forms of educational and extracurricular activities, the inclusion of security issues in specialized educational disciplines, modeling of practical situations contributes to the formation of security competencies and the formation of a subject position in matters of personal and public safety. It is shown that the educational environment, organized on the principles of an activity approach, becomes a strategic resource for the formation of civic identity.

KEY WORDS: activity approach, culture of safe behavior, educational environment, interdisciplinary approach, safety competence, subject position, civic responsibility.

Высшее профессиональное образование представляет собой сложное социокультурное пространство, которое, с одной стороны, постоянно испытывает влияние внешних факторов (социально-экономических, технологических, политических и экологических), но и само воздействует на всех участников образовательного пространства. Формируясь в русле государственной образовательной политики, запросов рынка труда и ценностных установок общества, вузовская среда выступает одним, из ключевых условий профессионального становления, личностного развития и гражданского самоопределения обучающихся [1]. Именно поэтому она является предметом пристального внимания исследователей в области высшего образования.

Образовательное пространство вуза, представляющее собой взаимосвязанную совокупность материальных, организационных, информационных и ценностно-смысловых компонентов, на сегодняшний день, как и любая сфера социальной практики, подвержена многообразным рискам от социально-экономических до природно-техногенных. Однако на сегодняшний день в системе высшего образования отсутствует единый общепризнанный подход к управлению этими рисками [6]. Минимизация этих угроз требует постоянного контроля учебного

пространства и оценки каждого решения с точки зрения возможных угроз и превентивных мероприятий против них. Следовательно, управление ими должно стать одним из ключевых направлений деятельности вуза [7].

При этом непосредственную угрозу безопасности и благополучию студентов представляют не столько сами внешние вызовы, сколько внутренние пробелы образовательной среды, традиционно рассматриваемые как образовательные риски.

К ним относятся недостаточная информированность обучающихся о правилах поведения в чрезвычайных ситуациях. Низкий уровень культуры безопасного поведения, ответственности за индивидуальную и коллективную безопасность, отсутствие эффективности практических мер по вовлечению студентов в формирование безопасной среды вуза.

Самостоятельный поиск подходов к выявлению и снижению рисков, с которыми сталкивается учебное заведение внутри и вовне, неизбежно подводит к необходимости формирования устойчивой культуры безопасного поведения среди обучающихся. Собственно, такая культура способствует осознанному восприятию угроз, повышает готовность к ответственным действиям в нештатных ситуациях и снижает вероятность возникновения инцидентов, связанных с халатностью, агрессией или дезинформацией.

Становление культуры безопасности как внутренней нормы поведения в повседневной жизни вуза является важным этапом формирования культуры безопасного поведения. Выходя за пределы индивидуальных навыков, она воспитывает у студентов чувство коллективной ответственности, взаимопомощи и уважения к корпоративным ценностям, что в совокупности укрепляет доверие и способствует созданию устойчивой и безопасной вузовской среды.

Формирование культуры безопасного поведения человека представляет собой длительный и непрерывный процесс, сопровождающий его на протяжении всей жизни и обусловленный влиянием разнообразных социокультурных факторов, таких как уровень его образования, научных знаний и ценностных установок, норм общественной морали, а также практического опыта, приобретенного в условиях образовательной, профессиональной и повседневной деятельности.

В современных условиях культура безопасного поведения все чаще рассматривается в контексте деятельностного подхода, в котором важнее не то, какие знания имеет человек, а как он способен применять их на практике в непростых ситуациях, как он осознанно и ответственно реагирует на потенциальные угрозы. Такой подход особенно значим в профессиональной среде, поскольку безопасное поведение становится важным показателем гражданской и профессиональной зрелости обучающихся.

Следует отметить, что деятельностное понимание культуры как феномена социальной жизни было теоретически разработано еще в конце 1970-х годов в работах Э.С. Маркаряна, З.И. Файнбурга и других исследователей, определивших культуру как «универсальное свойство» общественного бытия - качество, проявляющееся именно в практике жизнедеятельности индивида и коллектива [3]. В педагогическом процессе вуза это реализуется через обращение к фундаментальным положениям классиков отечественной психологии и педагогики (А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин). Механизм формирования культуры безопасности здесь понимается как интериоризация внешних действий во внутренний план сознания. Нормы безопасного поведения усваиваются студентами не пассивно, а через выполнение предметных действий, опирающихся на ориентировочную основу действий, что позволяет перевести внешние требования безопасности во внутреннюю убежденность или даже приверженность.

Культура безопасного поведения (в педагогической науке) – это индивидуальный уровень культуры безопасности жизнедеятельности, который состоит из мировоззрения, норм поведения, индивидуальных ценностей и личной готовности в области безопасности жизнедеятельности. Таким образом, «культура безопасного поведения» обладает универсальностью, без нее не может быть осуществлена успешная производственная и трудовая деятельность, особенно педагогическая [3].

Процесс развития культуры безопасности обучающихся вузов включает в себя четыре структурных составляющих: деятельностную, когнитивную, ценностную и мотивационную. Каждая и перечисленных составляющих характеризуется своим содержательным компонентом [5].

Рассматривая данные составляющие через призму фундаментальных философских аспектов, их можно обозначить как – аксиологические, гносеологические и праксиологические.

Аксиологический компонент культуры безопасного поведения определяет мотивацию к безопасному поведению, внутреннее принятие самой безопасности как ценности, предполагает устойчивые поведенческие установки. Данный компонент развивается на протяжении всего периода обучения и воспитания человека на основе ценностных приоритетов общества, положительно оцениваемых им и законодательно зафиксированных норм, и правил [8]. Следовательно, аксиологический подход определяет мировоззрение личности и стратегию ее жизни, при этом ценность жизни и здоровья не перестают быть таковыми, если они осознаются человеком [9]. Гносеологический компонент обеспечивает формирование компетенций безопасности для осознанного принятия решений в условиях нео-

пределенности и является необходимой предпосылкой для формирования культуры безопасности. Праксиологический компонент закрепляет имеющиеся знания в активной практике, создает активные поведенческие установки, которые становятся частью повседневного поведения.

Основываясь на этом, культура безопасного поведения формируется в единстве ценностного отношения (аксиология), системного знания (гносеология) и практической активности (праксиология), что обеспечивает не только усвоение знаний и понимание сути угроз, но и личностное принятие норм безопасности, а также их последовательное воплощение в повседневной жизни вуза.

В течение последнего десятилетия Министерство образования и науки РФ утвердило ФГОС ВО, внедряющие компетентностный подход, в котором вузы обязаны формировать у студентов общекультурные компетенции (ОК) и профессиональные компетенции (ПК), включая компетентность безопасности. Это обеспечивает соответствие образовательных результатов современным требованиям и готовит выпускников к безопасному поведению в профессиональной и повседневной жизни, повышая индивидуальную и общественную защищенность.

В этих условиях особое значение приобретают педагогические и организационные подходы, направленные не только на формирование требуемых компетенций, но и на глубокое усвоение ценностей, знаний и устойчивых поведенческих установок, лежащих в основе культуры безопасного поведения. Однако эффективность таких подходов напрямую зависит от того, насколько они органично вписаны в конкретную образовательную среду.

Специфика организации учебного процесса в Бузулукском гуманитарно-технологическом институте (филиале) Оренбургского государственного университета (далее – филиал) обусловлена многопрофильностью реализуемых направлений подготовки: гуманитарной, социально-экономической, педагогической, естественнонаучной и технической. Такое разнообразие создает уникальную вузовскую среду где общие проекты, мероприятия формируют междисциплинарное мышление и комплексное восприятие реальных проблем, включая вопросы безопасности.

Взаимосвязь профильных дисциплин создает основу для целостного формирования культуры безопасного поведения, поскольку позволяет внедрять и адаптировать принципы безопасности в соответствии с профессиональным профилем каждого направления, одновременно объединяя обучающихся вокруг общих ценностей и практических задач. Благодаря этому, вопросы безопасности воспринимаются не как абстрактные правила, а как неотъемлемая часть будущей профессиональной деятельности.

Эта связь конкретизируется в интеграции элементов безопасности непосредственно в профильные дисциплины, что позволяет органично встраивать соответствующие компетенции в образовательную траекторию обучающихся. Проведенный контент-анализ рабочих программ дисциплин подтверждает наличие модулей, посвященных безопасности, в профилях подготовки, что свидетельствует о системности подхода и наличии эмпирической базы исследования.

Выпускник вуза должен обладать широтой знаний и умений не только в своей предметно-профессиональной области, но и в других областях, особенно касающихся вопросов обеспечения безопасности, что является необходимым для решения определенного круга профессиональных задач [4].

Так, на направлении «Педагогическое образование» вопросы безопасности осваиваются не только в контексте личной защищенности, но и как профессиональная задача, когда студенты осваивают принципы создания безопасной развивающей среды в школах, изучают методы психолого-педагогического сопровождения детей в условиях чрезвычайной ситуации, а также технологии формирования у учащихся основ здорового и безопасного образа жизни. Это особенно актуально в свете современных вызовов, связанных с необходимостью обеспечения психологической и физической безопасности детей в школе и в детском саду.

В рамках экономических и юридических дисциплин акцент смещается в сторону нормативно-правового и управленческого измерения безопасности. Студенты направлений подготовки «Экономика» и «Юриспруденция» изучают механизмы управления профессиональными и организационными рисками, правовые основы обеспечения охраны труда, ответственность за нарушения требований безопасности, а также вопросы защиты граждан в чрезвычайных ситуациях. Такой подход позволяет будущим специалистам (экономистам, юристам) не только соблюдать правила безопасности, но и активно участвовать в выстраивании систем предупреждения и реагирования на уровне организации и учреждений.

На технических направлениях подготовки «Строительство» и «Нефтегазовое дело» безопасность приобретает выраженный практико-ориентированный характер. Здесь студенты осваивают навыки безопасной работы с оборудованием и химическими веществами, учатся проектировать работу с учетом требований пожарной, экологической и техногенной безопасности, а также проводить анализ потенциальных угроз на производственных и строительных площадках. Практические занятия, лабораторные работы и производственные практики становятся реальными площадками для отработки реальных навыков безопасного поведения в профессиональной среде.

В подготовке биологов вопросы безопасности также приобретают ярко выраженную практико-ориентированную и научно-прикладную направленность. В процессе обучения студенты осваивают навыки безопасной работы с биологическими материалами, химическими реагентами, лабораторным оборудованием, а также учатся соблюдать санитарно-гигиенические и биоэтические нормы при проведении экспериментов.

Благодаря междисциплинарной связи безопасность перестает быть изолированной темой, изучаемой лишь в рамках отдельного курса определенной дисциплины, например, «Безопасность жизнедеятельности», и вплетается в профессиональную основу каждой специальности [9]. Это не только повышает мотивацию к освоению соответствующих знаний, но и обеспечивает их практическую значимость, долговременную устойчивость и перенос в будущую профессиональную деятельность. Соответственно формируется не просто набор компетенций, а целостная установка на безопасность как на личностную и профессиональную ценность, что составляет суть современной культуры безопасного поведения в вузе.

Формирование культуры безопасного поведения в филиале на ограничивается только междисциплинарным подходом. Важнейшую роль в этом процессе играет внеучебная деятельность и социальные практики, реализуемые в рамках Комплексной программы безопасного поведения студентов (филиала) на 2024-2026 годы. Ее мероприятия направлены на укрепление культуры безопасности студентов и практически всегда носят системообразующий характер. Например, при организации таких практик как «Неделя безопасности», тренинги по первой помощи, профилактические кампании или моделирование чрезвычайных ситуаций, студенты разных направлений подготовки объединяют свои компетенции для достижения общей цели. Юристы вносят вклад, анализируя правовые аспекты обеспечения безопасности и разрабатывая рекомендации по соблюдению законодательства в сфере защиты прав граждан на безопасность. Будущие педагоги создают образовательные материалы от тематических буклетов и ситуационных игр до интерактивных занятий, ориентированных как на младших школьников (в рамках практик), так и на студенческую аудиторию (в рамках внеучебных кейсов, Хакатонов). Студенты технических строительных направлений предлагают конкретные решения по модернизации инфраструктуры филиала (улучшение систем оповещения, разработка схем эвакуации, оценка техногенных рисков). Будущие биологи реализуют коммуникационные инициативы, повышающие осведомленность о биоэкологических угрозах. Их деятельность в рамках внеучебных мероприятий формирует ответственное отношение к безопасности, снижает информационную тревожность за счет научно обоснованного и доступного объяснения рисков.

В рамках эмпирического исследования, проведенного в 2024-2026 учебном году на базе Бузулукского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ, был осуществлен мониторинг вовлеченности студентов в мероприятия, направленные на формирование культуры безопасного поведения. Выборка составила 312 обучающихся 8 направлений подготовки.

Для оценки уровня сформированности субъектной позиции использовалась авторская анкета, включающая три критерия: инициативность (готовность выступать организатором мероприятий по безопасности), осознанность (понимание личной ответственности за безопасность в образовательной среде) и практическая активность (участие в проектах, тренингах, волонтёрских акциях).

Сравнительный анализ результатов входного (сентябрь 2024 года) и итогового (январь 2026 года) контроля продемонстрировал положительную динамику по всем показателям. Так, доля студентов, проявивших инициативу в организации мероприятий по безопасности, возросла с 18% до 47%. Количество обучающихся, оценивающих свою роль как «активного участника», а не пассивного получателя информации, увеличилось с 31% до 68%. Доля студентов. Применивших знания по безопасности в реальных учебных, бытовых или профессиональных ситуациях, выросла с 24% до 59%. Кроме того, интерес к продолжению участия в проектах по безопасности отметили 81% респондентов по итогам года против 42% в начале исследования.

Качественный анализ ответов на открытые вопросы анкеты позволил выявить значимый социально-культурный эффект: установка на личную безопасность перестает быть самой главной для него, студенты принимают ритуалы коллективной безопасности и готовы помогать другим в жизни обеспечении.

Полученные эмпирические данные свидетельствуют о положительной динамике формирования субъектной позиции обучающихся в вопросах безопасности. Студенты не только демонстрируют рост практической вовлеченности в социальные практики, но и осознанно принимают на себя ответственность за создание безопасной образовательной среды.

Это подтверждает эффективность реализации деятельностного подхода, при котором нормы безопасного поведения интериоризируются не через пассивное усвоение информации, а через активное участие в социально значимой деятельности. Такое интегративное содружество становится мощным образовательным ресурсом для повышения эффективности формирования культуры безопасного поведения и способствует целостному пониманию студентами безопасности как феномена.

Список литературы:

[1] Гапонова Г. И. Образовательная среда вуза как условие и ресурс формирования личностно-профессиональной перспективы студентов / Г. И. Гапонова, Л. А. Лазаренко, Н. Л. Оганесова // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 73-1. – С. 109-113.

[2] Есипова А. А. Междисциплинарные связи курса «Основы безопасности жизнедеятельности» и других школьных дисциплин / А. А. Есипова // Молодой ученый. – 2014. – № 18-1. – С. 38-40.

[3] Зель А. В. Описание методологических подходов, используемых при формировании культуры безопасности жизнедеятельности / А. В. Зель // Вестник науки. – 2023. – Т. 5, № 12-1(69). – С. 264-276.

[4] Романова Л. С. Междисциплинарная интеграция курса «Безопасность жизнедеятельности» в подготовке будущих педагогов / Л. С. Романова, А. В. Золтуев // Педагогический журнал. – 2020. – Т. 10, № 4-1. – С. 208-218.

[5] Илаева З. М. Общие положения о культуре безопасности жизнедеятельности: сборник трудов конференции. // Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество – 2022 : материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с муждународным участием (Чебоксары, 23 авг. 2022 г.) / редкол.: Ж. В. Мурзина [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2022. – С. 91-93.

[6] Кетоева Н.Л., Киселева М.А., Драницына В.К. Классификация рисков в образовательной деятельности высших учебных заведений, участвующих в проекте «Приоритет-2030». Вестник Сургутского государственного университета. 2022;(3 (37)). С. 6-15.

[7] Островский Е. В. Риски в образовании / Е. В. Островский // Молодой ученый. – 2022. – № 17(412). – С. 116-118.

[8] Погодаева М. В. Аксеологический подход к воспитанию личности безопасного типа поведения / М. В. Погодаева // Мир науки. – 2018. – Т. 6, № 1. – С. 2.

[9] Шуайбова М. О. Системный подход к формированию безопасного образа жизни студенческой молодежи / М. О. Шуайбова, И. С. Минбулатова // Проблемы современного образования. – 2020. – № 1. – С. 173-180.

References:

[1] Gaponova G. I. Educational environment of the university as a condition and resource for the formation of students' personal and professional prospects / G. I. Gaponova, L. A. Lazarenko, N. L. Oganesova // Problems of modern pedagogical education. - 2021. - No. 73-1. - Pp. 109-113.

[2] Esipova A. A. Interdisciplinary connections between the course «Fundamentals of Life Safety» and other school disciplines / A. A. Esipova // Young scientist. - 2014. - No. 18-1. - Pp. 38-40.

[3] Zel A. V. Description of methodological approaches used in the formation of a life safety culture / A. V. Zel // Herald of science. - 2023. - Vol. 5, No. 12-1 (69). – P. 264-276.

[4] Romanova L. S. Interdisciplinary Integration of the Course «Life Safety» in the Training of Future Teachers / L. S. Romanova, A. V. Zoltuyev // Pedagogical Journal. – 2020. – Vol. 10, No. 4-1. – P. 208-218.

[5] Ilaeva Z. M. General Provisions on Life Safety Culture: Conference Proceedings // Education Development Trends: Teacher, Educational Organization, Society – 2022: Proc. of the All-Russian Scientific and Practical Conf. with International Participation (Cheboksary, August 23, 2022) / editorial board: Zh. V. Murzina [et al.] – Cheboksary: Sreda Publishing House, 2022. – P. 91-93.

[6] Ketoeva N.L., Kiseleva M.A., Dranitsyna V.K. Classification of risks in educational activities of higher education institutions participating in the Priority-2030 project. Bulletin of Surgut State University. 2022; (3 (37)). Pp. 6-15.

[7] Ostrovsky E.V. Risks in education / E.V. Ostrovsky // Young scientist. - 2022. - No. 17 (412). - Pp. 116-118.

[8] Pogodaeva M.V. Axeological approach to raising a person with a safe type of behavior / M.V. Pogodaeva // World of science. – 2018. – Vol. 6, No. 1. – P. 2.

[9] Shuaybova M. O. A systems approach to the formation of a safe lifestyle for student youth / M. O. Shuaybova, I. S. Minbulatova // Problems of modern education. – 2020. – No. 1. – P. 173-180.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.06.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-153-157**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

КОЧЕТОВА Анастасия Сергеевна,
студент, РГСУ,
e-mail Tgxzb@mail.ru

РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА СТУДЕНТОВ КАК УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ЛИДЕРСТВА В ВУЗОВСКОЙ СРЕДЕ

АННОТАЦИЯ. Современный рынок труда диктует жесткий запрос на управленцев, которые способны принимать взвешенные решения в реалиях перманентной турбулентности, где определяющую роль играет эмоциональный интеллект (EQ). Впрочем, в этой плоскости кроется фундаментальное противоречие: реальный сектор экономики ожидает от выпускников развитой эмпатии, навыков гибкого управления командами. А классическая вузовская парадигма по-прежнему сфокусирована, главным образом, на когнитивном метриках (IQ) и передаче академических знаний. По сути, формирование надпрофессиональных компетенций, в том числе, лидерский потенциал, до сих пор носит стихийный характер и часто пускается на самотек. Стремясь преодолеть обозначенный разрыв, в статье ставится цель не только обосновать значимую взаимосвязь между уровнем эмоционального интеллекта и качеством студенческого лидерства, но и разработать прикладные рекомендации по интеграции EQ-практик непосредственно в «ткань» образовательного процесса. Опираясь на актуальные эмпирические данные, автор обосновывает, что эмоциональный профиль молодого человека в период обучения в университете сохраняет высокую пластичность. Главный вывод в работе сводится к тому, что в студенческих объединениях, объективно лишенных материального стимулирования, именно внутриличностный и межличностный компоненты эмоционального интеллекта становятся единственным надежным драйвером для сплочения проектных команд, купирования латентных конфликтов, создания атмосферы психологической безопасности. Научный вклад исследования проявляется в концептуальном переходе от эпизодических психологических тренингов к системной институциональной трансформации высшей школы. Предложенный комплекс мер формирует качественно новую развивающую экосистему. Материалы статьи и сформулированные рекомендации будут предметно полезны проректорам по молодежной политике и воспитательной работе, разработчикам образовательных программ, руководителям проектных офисов вузов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: высшее образование, лидерский потенциал, мягкие навыки, студенческая среда, управление командами, эмоциональный интеллект.

KOCHETOVA Anastasia Sergeevna,
student, RGSU

THE DEVELOPMENT OF STUDENTS' EMOTIONAL INTELLIGENCE AS A CONDITION FOR EFFECTIVE LEADERSHIP IN THE UNIVERSITY ENVIRONMENT

ANNOTATION. The contemporary labor market places a strong demand on managers capable of making balanced decisions in conditions of permanent turbulence, where emotional intelligence (EQ) plays a decisive role. At the same time, a fundamental contradiction emerges in this context: the real sector of the economy expects graduates to demonstrate developed empathy and flexible team management skills, while the traditional university paradigm remains primarily focused on cognitive metrics (IQ) and the transmission of academic knowledge. As a result, the formation of supra-professional competencies, including leadership potential, still occurs largely spontaneously and is often left to chance. In an attempt to bridge this gap, the article aims not only to substantiate the significant relationship between the level of emotional intelligence and the quality of student leadership but also to develop practical recommendations for integrating EQ-oriented practices directly into the fabric of the educational process. Drawing on recent empirical data, the author argues that the emotional profile of young people during their university studies retains a high degree of plasticity. The principal conclusion of the study is that in student associations—objectively deprived of material incentives—the intrapersonal and interpersonal components of emotional intelligence become the primary drivers of team cohesion, the mitigation of latent conflicts, and the creation of an atmosphere of psychological safety. The scholarly contribution of the research lies in the conceptual shift from episodic psychological training sessions to a systemic institutional transformation of higher education. The proposed

set of measures forms a qualitatively new developmental ecosystem. The materials of the article and the recommendations formulated may be particularly useful for vice-rectors responsible for youth policy and student development, designers of educational programs, and heads of university project offices.

KEY WORDS: emotional intelligence; higher education; leadership potential; soft skills; student environment; team management.

Введение

Современный этап развития высшего образования диктует новые требования к подготовке будущих специалистов. На первый план выходят не только жесткие профессиональные навыки, но и надпрофессиональные компетенции. Одним из ключевых элементов, которые определяют способность молодого человека к успешной социализации и эффективному управлению, по праву считается эмоциональный интеллект (EQ). Введение в научный дискурс проблематики эмоционального лидерства обусловлено тем, что на фоне усиливающейся неопределенности и информационного «шума» традиционные авторитарные модели управления демонстрируют свою несостоятельность. По сути, современная вузовская среда представляет собой уникальный полигон для формирования лидерских качеств. Между тем, именно недостаток эмоциональной компетентности нередко становится барьером для реализации управленческого потенциала студентов. Как представляется, способность распознавать собственные эмоции и управлять ими, а также эмпатическое отношение к окружающим служат фундаментальными предпосылками для выстраивания конструктивных коммуникаций в студенческих проектных командах и самоуправленческих структурах.

Значимость обращения к обсуждаемой теме продиктована тем, что, невзирая на признание важности эмоционального интеллекта в корпоративном секторе, в системе российского высшего образования практики его целенаправленного развития пока носят фрагментарный характер. Вероятно, это сопряжено с устоявшейся академической традицией, ставящей во главу угла когнитивное развитие (IQ). Впрочем, академическая успеваемость сама по себе не гарантирует лидерской эффективности в будущем. Вследствие этого отметим, что интеграция программ развития эмоционального интеллекта в образовательный процесс представляется не данью моде, а насущной необходимостью.

Материалы и методы

В научных исследованиях развитие эмоционального интеллекта студентов рассматривается как значимое условие формирования лидерских качеств в образовательной среде вуза. Так, Н.А. Зимина, Е.А. Чибакова, Я.С. Сунцова характеризуют эмоциональную компетентность как фактор эффективного межличностного взаимодействия и управления группой [1; 3]. Психолого-педагогический аспект развития эмоционального интеллекта у обучающихся цифрового поколения раскрыт в работе Е.В. Родионовой, Т.В. Конюховой, Н.А. Лукьяновой, Е.Т. Конюховой [2]. Зарубежные исследования дополняют данный подход эмпирическим анализом: H.H. Aquino, K. Orozco, P.R. Marasigan анализируют влияние эмоционального интеллекта на эффективность студенческого лидерства [4]. N.U. Wibowo, R. Almahendra, D. Mayasari подчеркивают роль наставничества как фактора развития лидерских компетенций [5].

При этом в литературе наблюдаются пробелы, которые сопряжены с недостаточной проработанностью педагогических механизмов целенаправленного развития эмоционального интеллекта в вузе. Имеют место противоречия между авторами, трактующими его как основной фактор лидерства, и исследователями, подчеркивающими влияние образовательной среды, наставничества.

В данной статье использованы методы анализа и обобщения научной литературы, сравнения, обобщения. В совокупности это помогло выявить основные подходы к изучению эмоционального интеллекта как основы лидерского развития обучающихся.

Результаты и обсуждение

В отличие от классических подходов, где лидерство рассматривалось, в основном, сквозь призму врожденных харизматических черт или когнитивного превосходства, современные концепции акцентируют внимание на эмоциональной составляющей управленческого процесса. Эмоциональный интеллект (сумма навыков и способностей человека распознавать эмоции, понимать намерения, мотивацию и желания других людей и свои собственные, а также способность управлять своими эмоциями и эмоциями других людей в целях решения практических задач [3]), согласно традиционным моделям (например, Д. Гоулмана), включает в себя самосознание, саморегуляцию, мотивацию, эмпатию, социальные навыки. В контексте вузовской среды перечисленные компоненты приобретают особую специфику. Студенческие годы – это период интенсивного личностного становления, когда происходит сепарация от родительских фигур, формирование собственной идентичности. При этом эмоциональный фон зачастую характеризуется нестабильностью, что делает развитие навыков саморегуляции очень важным [1; 2].

Уместно предположить, что студент-лидер с высоким уровнем EQ способен как артикулировать цели проектной команды, так и тонко улавливать мотивационные драйверы каждого ее участника. Исследователи отмечают, что эмоциональное лидерство строится на резонансе: ли-

дер создает позитивный эмоциональный климат, который стимулирует креативность, вовлеченность. Напротив, диссонансное руководство, базирующееся на подавлении и жесткой иерархии, ведет к выгоранию, снижению результативности. Это особенно ярко проявляется в волонтерских и творческих студенческих объединениях, где материальное стимулирование отсутствует по определению [1; 3].

Для оценки реального влияния эмоционального интеллекта на лидерский потенциал обратимся к актуальным эмпирическим данным. Как показывают в своем исследовании Е.В. Родионова и соавторы, проведенном на базе российских вузов, исходный уровень развития эмоционального интеллекта у первокурсников зачастую оставляет желать лучшего. В частности, диагностика студентов инженерных специальностей Томского политехнического университета продемонстрировала, что изначально 66,6% обучающихся имели низкий уровень интегративного эмоционального интеллекта, и лишь 2,9% – высокий. Однако после внедрения специализированного образовательного модуля была зафиксирована позитивная динамика [2].

Исследование, проведенное в Индонезии, помогло выявить, что эмоциональный интеллект оказывает значимое влияние на развитие лидерских качеств студентов бакалавриата, объясняя 43% дисперсии в уровне их управленческих навыков. Уровень эмоционального интеллекта студентов измерялся с использованием стандартизированной анкеты Schutte Self-Report Emotional Intelligence Test (SSEIT), а влияние EQ на формирование лидерских навыков оценивалось с помощью корреляционно-регрессионного анализа данных самоотчетных опросников управленческих компетенций. Аналогичные результаты были получены в рамках работы Laguna State Polytechnic University – зафиксирована статистически значимая связь между EQ и такими параметрами лидерской эффективности студенческого актива, как адаптивность, коммуникативные навыки, гибкость (r-Пирсона подтверждает высокую корреляцию). Здесь показатели эмоционального интеллекта и лидерской эффективности студенческого актива определялись посредством психометрических опросников (шкал EQ и лидерских компетенций), после чего их взаимосвязь анализировалась с применением коэффициента корреляции Пирсона [4; 5].

Для наглядности сопоставим влияние различных компонентов EQ на конкретные лидерские компетенции обучающихся (см. таблицу 1).

Таблица 1. Взаимосвязь компонентов эмоционального интеллекта и лидерских компетенций в студенческой среде (составлено автором на основе [1-3])

Компонент	Проявляемая лидерская компетенция	Влияние на эффективность работы студенческой команды
Внутриличностный (самоанализ)	Адаптивность, стрессоустойчивость	Позволяет лидеру сохранять хладнокровие в период сессий и дедлайнов, предотвращая панику в группе
Межличностный (эмпатия)	Навыки коммуникации, мотивации	Содействует разрешению латентных конфликтов; повышает вовлеченность студентов во внеучебную деятельность
Управление эмоциями (саморегуляция)	Гибкость принятия решений	Снижает риск авторитарного давления. Дает возможность делегировать задачи с учетом психотипов участников
Распознавание чужих эмоций	Создание позитивного климата	Формирует атмосферу психологической безопасности, которая необходима для генерации инновационных идей

Опираясь на представленную информацию, логично утверждать, что стихийное развитие эмоционального интеллекта в вузе недостаточно. Ниже предлагается ряд авторских рекомендаций, назначение которых состоит в преодолении разрыва между академической теорией и действительными потребностями экономики в лидерах нового типа. Новизна вносимых предложений проявляется в переходе от точечных тренингов к системной институциональной трансформации образовательной среды.

Во-первых, целесообразно внедрение проектно-эмоциональных симуляторов. Привычный проектный метод обучения следует дополнить обязательной рефлексивной практикой. Проблема, которую решает данный подход, – неумение

студентов конструктивно проживать неудачи. Рекомендуется внедрить в учебный план процедуры, где оценка выставляется не только за конечный продукт, но и за качество командного взаимодействия, уровень эмпатии (осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека без потери ощущения происхождения этого переживания).

Во-вторых, весьма значимо развитие института эмоционального менторства. В отличие от классических кураторов, чья роль нередко сводится к административному контролю, эмоциональные менторы (из числа специально подготовленных старшекурсников или преподавателей) должны помогать обучающимся младших курсов осознавать свои триггеры. Это смягчает проблему высокой тревожности и нивелирует риск отчисления на первых курсах из-за психологической дезадаптации.

В-третьих, интеграция международных кросс-культурных проектов (например, формата X-Culture – образовательный проект, который был основан Dr. Vas Taras в 2010 году с целью подготовки студентов к деятельности в сфере международного бизнеса, менеджмента, экономики, психологии). Погружение студентов в мультикультурные онлайн-команды искусственно создает зону турбулентности, которая требует мобилизации всего арсенала эмоционального интеллекта для преодоления коммуникативных барьеров. Это помогает на практике тренировать лидерскую гибкость и эмпатию к представителям иных культурных кодов.

Заключение

Развитие эмоционального интеллекта студентов не является факультативным дополнением к образовательному процессу. Оно выступает в качестве фундаментального условия формирования эффективного лидерства в современной вузовской среде. Как было показано в ходе анализа, традиционная ориентация исключительно на когнитивное развитие и академическую успеваемость больше не отвечает вызовам времени.

Эмоциональное лидерство в студенческой среде функционирует по иным законам, нежели в жестких корпоративных иерархиях. Оно опирается, главным образом, на эмпатию, резонанс, способность формировать психологически безопасный климат. В практической плоскости полученные результаты обладают значительным потенциалом для модернизации отечественной системы высшего образования. Предложенные авторские рекомендации могут быть напрямую имплементированы в программы воспитательной работы и внеучебной деятельности университетов. В дальнейшем представляется перспективным проведение лонгитюдных исследований, которые позволили бы проследить карьерные траектории выпускников с изначально диагностированным высоким уровнем эмоционального интеллекта. По существу, перенос фокуса внимания университетского менеджмента на развитие EQ у обучающихся – это стратегическая инвестиция в формирование управленческой элиты страны, которая способна принимать взвешенные решения на фоне глобальной нестабильности.

Список литературы:

[1] Зимина Н. А., Чибакова Е. А. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и лидерства у студентов // Социальная психология: вопросы теории и практики : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. памяти М. Ю. Кондратьева. — Москва, 2021. — С. 177–178.

[2] Родионова Е. В., Конюхова Т. В., Лукьянова Н. А., Конюхова Е. Т. Эмоциональный интеллект студентов цифрового поколения: опыт инженерного вуза // Образование и саморазвитие. — 2022. — Т. 17, № 4. — С. 126–138.

[3] Сунцова Я. С. Субъективная оценка благополучия студентами с разным уровнем эмоционального интеллекта // Евразийское научное объединение. — 2021. — № 12–5 (82). — С. 410–413.

[4] Aquino H. H., Orozco K., Marasigan P. R. Emotional intelligence and leadership efficacy of university student leaders // International Review of Social Sciences Research. — 2021. — No. 1 (4). — P. 1–22.

[5] Wibowo N. U., Almahendra R., Mayasari D. The effects of emotional intelligence on the leadership development of undergraduate students: mentorship from MSIB MBKM as a moderating variable // Leadership. — URL: https://journal.ugm.ac.id/leadership/article/view/83256 (дата обращения: 10.03.2026).

References:

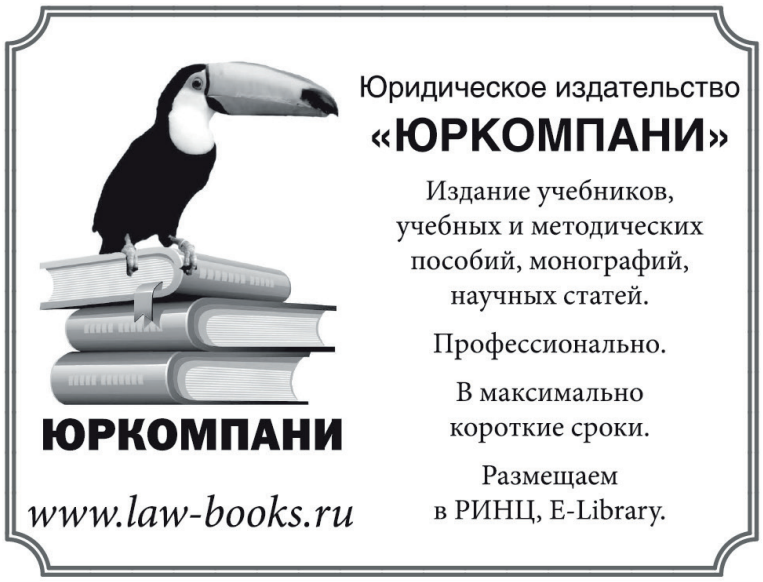
[1] Zimina N. A., Chibakova E. A. The Relationship between Emotional Intelligence and Leadership in Students // Social Psychology: Theoretical and Practical Issues: Proc. of the VI Int. Res. and Pract. Conf. in Memory of M. Yu. Kondratiev. Moscow, 2021, pp. 177–178.

[2] Rodionova E. V., Konyukhova T. V., Lukyanova N. A., Konyukhova E. T. Emotional Intelligence of Digital Generation Students: Experience of an Engineering University // Education and Self-Development. 2022, vol. 17, no. 4, pp. 126–138.

[3] Suntsova Ya. S. Subjective Assessment of Well-Being by Students with Different Levels of Emotional Intelligence // Eurasian Scientific Association. 2021, no. 12–5 (82). — pp. 410–413.

[4] Aquino H. H., Orozco K., Marasigan P. R. Emotional intelligence and leadership efficacy of university student leaders // International Review of Social Sciences Research. — 2021. — No. 1 (4). — P. 1–22.

[5] Wibowo N. U., Almahendra R., Mayasari D. The effects of emotional intelligence on the leadership development of undergraduate students: mentorship from MSIB MBKM as a moderating variable // Leadership. — URL: https://journal.ugm.ac.id/leadership/article/view/83256 (date of access: 03/10/2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 06.06.2026 г. **DOI: 10.24412/2949-0871-2026-3-158-162**
Дата принятия рукописи в печать: 24.06.2026 г.

ШАЙХЕЛИСЛАМОВ Салих Расихович,
аспирант,
ИПО КФУ,
e-mail: akbarsgoaliecoach@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА ПОДРОСТКОВ В РАМКАХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ. В данной статье анализируется проблематика эффективных педагогических условий для воспитания патриотизма, гражданской позиции среди подростков. Условия рассматриваются в рамках осуществления образовательных функций на базе учреждений дополнительного образования. Цель работы состоит в том, чтобы выявить педагогические условия воспитания гражданственности и патриотизма подростков в рамках дополнительного образования. Задачи включают изучение аспектов воспитания гражданственности и патриотизма у молодежи, анализ подходов авторов к проблеме исследования, изучение педагогических условий в рамках дополнительного образования и анализ их возможностей для улучшения ситуации. Теоретический обзор содержит подходы авторов и исследователей к вопросу воспитания гражданственности молодежи. Особое внимание в работе уделено специфике и возможностям дополнительного образования на современном этапе. Методология исследования предполагает использование таких методов, как обзор источников, анализ системы дополнительного образования, синтез полученной информации, а также применен метод дедукции и обобщения результатов. Научная новизна статьи заключается в том, что предложен авторский подход на основе имеющихся подходов к формированию правильной гражданской позиции и патриотических чувств среди подростков, занимающихся спортивной деятельностью в рамках дополнительного образования. Результаты статьи содержат выводы о проблемных моментах, связанных с созданием педагогических условий с точки зрения цифровизации и возможных способах их решения. Подчеркивается тот факт, что в ходе регулярных спортивных занятий в учреждениях дополнительного образования у подростков формируется прочное понимание важности и структуры патриотизма, выражается собственная гражданская позиция.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: подросток, патриотизм, гражданственность, педагогические условия, образование, воспитание, цифровизация, позиция.

SHAIKHELISLAMOV Salikh Rasikhovich,
graduate student,
IPO KFU

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE EDUCATION OF CITIZENSHIP AND PATRIOTISM OF ADOLESCENTS IN THE FRAMEWORK OF ADDITIONAL EDUCATION

ANNOTATION. This article analyzes the problems of effective pedagogical conditions for fostering patriotism and citizenship among adolescents. The conditions are considered within the framework of the animation of educational functions on the basis of institutions of additional education. The purpose of the work is to identify the pedagogical conditions for the education of citizenship and patriotism of adolescents in the framework of additional education. The tasks include the study of aspects of the education of citizenship and patriotism among young people, the analysis of the authors' approaches to the problem of research, the study of pedagogical conditions in the framework of additional education and the analysis of their possibilities for improving the situation. The theoretical review contains the approaches of the authors and researchers to the issue of youth citizenship education. Special attention is paid to the specifics and possibilities of additional education at the present stage. The research

methodology involves the use of such methods as a review of sources, an analysis of the system of additional education, a synthesis of the information received, as well as the method of deduction and generalization of results. The scientific novelty of the article lies in the fact that the author's approach is proposed based on existing approaches to the formation of a proper civic position and patriotic feelings among teenagers engaged in sports activities as part of additional education. The results of the article contain conclusions about the problematic issues related to the creation of pedagogical conditions in terms of digitalization and possible ways to solve them. It is emphasized that during regular sports activities in institutions of additional education, adolescents form a strong memory of the importance and structure of patriotism, and express their own civic position.

KEY WORDS: teenager, patriotism, citizenship, pedagogical conditions, education, upbringing, digitalization, position.

Введение

Актуальность темы состоит в том, что в текущих реалиях система образования переживает серьезные изменения, включая рост интереса к теме воспитания гражданственности и патриотизма у молодого поколения. Данный вопрос обоснован тем, что именно в подростковом возрасте происходит активное формирование ценностно-смысловых ориентиров, и от того, насколько грамотно будут выстроены педагогические условия, во многом зависит будущее гражданское самосознание молодежи. С точки зрения действующего законодательства, касающегося вопросов образования, включая «Концепцию развития дополнительного образования детей до 2030 года» [7], обозначена необходимость реализации воспитательных функций, которые включают социокультурные, духовные, нравственные аспекты и ценности общества. Особую важность имеет процесс формирования у детей и молодежи общероссийской гражданской идентичности, патриотизма и ответственности.

Как известно, система дополнительного образования имеет свою специфику. Исследователь В.П. Голованов отмечает, что в дополнительном образовании воспитание детей должно осуществляться комплексно и иметь целенаправленную позицию, формируя индивидуальные и творческие навыки. То есть, происходит реализация программ по различным видам деятельности, представляющим интерес для детей, используются методы, формирующие умение самостоятельно добывать знания, и, что особенно важно, реализуется принцип взаимного сотрудничества, при котором педагог и ребенок выступают равными субъектами воспитательной деятельности [3, с. 30].

В теоретическом плане стоит обозначить, что большой вклад в разработку научных основ решения изучаемой проблемы внесли исследования А.В. Беляева, Е.В. Бондаревской, А.С. Гаязова, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского, К.Д. Ушинского, Н.Е. Щурковой, и других [5, с. 82].

Сам термин патриотизм и его специфика в рамках образования описывается в ряде исследований. В толковом словаре В.И. Даля понятие патриотизма объясняется посредством того, что человек любит свое отечество и переживает о его благе. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова также дает определение патриотизму, описывая человека им обладающего, как преданного своему отечеству, своему народу.

Говорова К.Р. особое внимание уделяет организации дополнительного образования физкультурно-спортивной направленности для воспитания гражданственности и патриотизма молодежи [4, с. 1].

Итак, все исследователи сходятся во мнении о том, что существующая образовательная среда обладает большими возможностями и потенциалом, чтобы формировать правильную гражданскую позицию среди населения.

Результаты исследования

В рамках системы дополнительного образования воспитание патриотизма и гражданской позиции предполагает, что у молодежи реализуется реальная личностная готовность самостоятельно участвовать в экономической, социальной и политической жизни своей страны [2, с. 110].

На сегодняшний день формирование гражданской позиции у подрастающего поколения является составной частью духовно-нравственного воспитания и приобретает особую значимость в связи со снижением духовных ценностей, наблюдавшейся в предшествующий период. Поэтому возрастает роль и потенциал дополнительного образования, которое помогает раскрывать особенности реализуемых форм работы для воспитания гражданской позиции на основе сохранения и развития культурно-исторического наследия и родных традиций.

Если анализировать динамику потребления услуг дополнительного образования, то можно увидеть, что численность детей, посещающих данные учреждения, постоянно растет (рисунок 1).

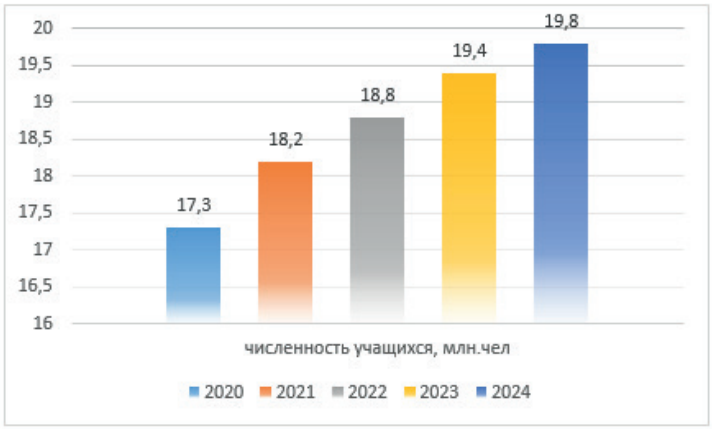


Рисунок 1. Изменение числа учащихся учреждений дополнительного образования, 2020-2024 гг (млн чел) [9, с. 1]

Как видно из рисунка 1, с каждым годом растет количество детей, занимающихся в секциях, кружках, клубах, что говорит о положительной динамике.

Анализируя подходы к воспитанию патриотизма, стоит обозначить, что исследователи Ф.А. Алескеров и С.П. Гумарев провели среди подростков 13–14 лет эксперимент, в результате чего выявили уровень их патриотического самосознания и основные факторы, влияющие на его развитие. Особое внимание они уделили образовательным программам и технологиям формирования патриотических ценностей в урочной и внеурочной деятельности, подчеркивая необходимость комплексного подхода к воспитанию гражданственности и патриотизма с учетом возрастных и психологических особенностей подростков [1, с. 43].

В коллективной монографии, касающейся проблемы и особенностей патриотического воспитания, поднимаются вопросы, связанные с большой ролью образовательных учреждений, которые являются основой системы воспитания патриотизма у молодежи [8, с. 78].

В рамках занятия в спортивной секции по каратэ было отмечено, что спорт является школой воспитания мужества, характера и воли, а спортивная деятельность позволяет подростку стойко переносить трудности. При этом наиболее благоприятные условия для патриотического воспитания существуют именно в дополнительном образовании, так как оно не ограничено жесткими стандартами и ориентировано на личностные интересы, потребности и способности каждого ребенка.

Особого внимания заслуживает рассмотрение педагогических условий, создаваемых в учреждениях дополнительного образования. Оно охватывает детей с раннего возраста и до периода их перехода во взрослую жизнь, свободное от стандартов и разнообразное, отражающее интересы подростков, имеет необходимые ресурсы для организации образовательных пространств формирования личности гражданина- патриота своей Родины [6, с. 8].

С точки зрения возможностей региональной системы дополнительного образования в формировании гражданской идентичности, стоит заметить, что особая роль отмечается еще в Концепции модернизации российского образования. При этом современная система характеризуется актуализацией проблемы создания особых психолого-педагогических условий для формирования гражданской идентичности воспитанников, что связано с необходимостью подготовки целеустремленных, творческих, активных, успешных детей, любящих свою Родину и готовых отстаивать свою гражданскую позицию.

В качестве примера можно привести секцию «плавание», где воспитанники на соревнованиях выходят на построение и вынос флага, они также исполняют гимн перед финалом турнира. Данный ритуал прописан в регламенте каждой контрольной недели на всех соревнованиях.

Кроме этого, деятельность подростков осуществляется на учебных занятиях военно-патриотических объединений, военно-спортивных слетах, экскурсиях, в рамках походов по родному краю, проведения зимних и летних профильных лагерей патриотической направленности, организации поисковых экспедиций.

Обсуждение

На основе проведенного анализа теоретических источников и практического опыта далее будет предложен комплексный подход к воспитанию патриотизма подростков в спортивной секции. Итак, в ходе изучения теоретических и практических примеров воспитания патриотизма и гражданской позиции на базе допобразования можно выделить ряд педагогических На рисунке 2 описан такой подход.

Предлагаемая схема представляет собой пошаговую последовательность, показывающую, как именно в условиях спортивной секции можно целенаправленно влиять на становление патриотических чувств у ребят подросткового возраста. Весь процесс разбит на пять крупных блоков, которые следуют друг за другом. На практике эти блоки могут пересекаться между собой.

Рисунок 2. Авторская модель формирования патритоизма подростков на базе спортивной секции
Источник: составлено автором

Как видно из рисунка 2, первый блок предполагает начальную диагностику детей, которые уже пришли в спортивную школу или секцию. На этом этапе фиксируется их базовый уровень представлений о патриотизме и гражданской ответственности.

Следующий блок включает педагогические условия. Предлагается выделить взаимосвязанные составляющие, как систематичность, то есть тренировки проходят регулярно, несколько раз в неделю. Воспитательные моменты включены в тренировочный процесс, то есть тренер не просто учит удару или броску, а проговаривает, какие качества здесь проявляются (выдержка, честность, уважение к сопернику), приводит примеры спортсменов, которые защищали честь страны. Соревнования учат ребят работать в команде, достойно принимать поражения, не сдаваться. Мероприятия вне спортзала предполагают походы в музеи боевой славы, встречи с ветеранами, участие в военно-патриотических играх.

Третий блок подразумевает механизмы, через которые происходит влияние. На примере спортсменов-героев рассказываются и разбираются конкретные случаи. Рефлексия предполагает, что после тренировки или соревнования ребята обсуждают свои поступки, ошибки, учатся анализировать, что было правильно, а что нет. И далее важным аспектом является реальное участие в социально значимых акциях, например, помочь ветерану, подготовить концерт для пожилых людей, выступить с показательными номерами на городском патриотическом празднике.

Следующий блок предполагает анализ промежуточных результатов и диагностики. Это уже видимые изменения в сознании подростка. Он начинает чётко понимать, что такое настоящий патриотизм, и, что важно, отличать его от агрессивного национализма.

Последним блоком является оценка результатов. То есть, личность гражданина-патриота – это значит, что подросток готов самостоятельно, без напоминаний старших, включаться в жизнь своего города, страны. Он способен отстаивать свои взгляды, но без агрессии. У него сформирована нравственная устойчивость, он испытывает подлинную гордость за своё Отечество.

Итак, данный подход обладает научной новизной, котрая состоит в обосновании модели формирования патриотизма подростков в условиях

спортивной секции дополнительного образования. В отличие от известных подходов, данная модель конкретизирует пошаговую логику перехода от исходного уровня патриотизма к личности гражданина-патриота именно в спортивной деятельности, а не в образовании в целом.

Заключение

Таким образом, можно обозначить, что имеющаяся сейчас система дополнительного образования обладает значительным, но пока еще не полностью реализованным потенциалом в сфере воспитания гражданственности и патриотизма подростков. Среди видимых проблем выделяются трудности, связанные с повсеместной цифровизацией образовательной среды. С этой точки зрения важно разрабатывать такие методологии и подходы к воспитанию гражданской позиции, которые предусматривали бы активное использование цифровых технологий и инструментов.

Список литературы:

[1] Алескеров Ф. А., Гумарев С. П. Анализ формирования ценностей подростков в контексте гражданско-патриотического воспитания // Ученые записки Шадринского государственного педагогического университета. — 2025. — №. 1. — С. 42-51.

[2] Воробьева О. С. Объективизация процесса патриотического воспитания младших подростков во внеучебной деятельности : дис. … канд. пед. наук : 5.8.1. – Череповец, 2023. – 215 с.

[3] Голованов В.П. Реализация воспитательного потенциала современного дополнительного образования детей // Педагогика: история, перспективы. — 2021. — №. Том. 4. № 2. . — С. 28-35.

[4] Говорова К.Р. Воспитание патриотизма у подростков в учреждении дополнительного образования // Материалы XVI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». — М. , 2024. — С. 4.

[5] Каменева Е. Г., Черемисина А. А. Особенности организации патриотического воспитания подростков в учреждении дополнительного образования // Проблемы современного педагогического образования. — 2020. — №. №69-3. — С. 81-84.

[6] Казаева Е. А., Чхетиани Н. С., Пономарева Л. И. Патриотизм как инструмент формирования гражданской идентичности: анализ представлений студентов // Мир науки. Педагогика и психология.. — 2023. — №. Т. 11. — № 2. — С. 12.

[7] Концепция развития дополнительного образования детей до 2030 год. // Правительство России. URL: http://static.government.ru/media/files/3fIgkklAJ2ENBbCFVEkA3cTOsiypicBo.pdf (дата обращения 02.04.2026).

[8] Патриотическое воспитание в современной России: коллективная монография / отв. ред. А.Ю. Нагорнова. – Ульяновск: Зебра, 2024. – 236 с.

[9] Свыше 20 млн детей в возрасте от 5 до 18 лет занимаются в секциях и кружках // объясняем.рф. URL: https://объясняем.рф/articles/news/svyshe-20-mln-detey-v-vozraste-ot-5-do-18-let-zanimayutsya-v-sektsiyakh-i-kruzhkakh/?ysclid=mnk316ezwk119769264 (дата обращения: 03.04.2026).

References:

[1] Aleskerov F. A., Gumarev S. P. Analysis of the Formation of Adolescent Values in the Context of Civic-Patriotic Education // Scientific Notes of Shadrinsk State Pedagogical University. - 2025. - No. 1. - Pp. 42-51.

[2] Vorobyova O. S. Objectivization of the Process of Patriotic Education of Younger Adolescents in Extracurricular Activities: Diss. ... Cand. Ped. Sciences: 5.8.1. - Cherepovets, 2023. - 215 p.

[3] Golovanov V. P. Realization of the Educational Potential of Modern Supplementary Education for Children // Pedagogy: History, Prospects. - 2021. - No. Vol. 4. No. 2. . - Pp. 28-35.

[4] Govorova K. R. Fostering Patriotism in Adolescents in Supplementary Education Institutions // Proceedings of the XVI International Student Scientific Conference «Student Scientific Forum». Moscow, 2024, p. 4.

[5] Kameneva E. G., Cheremisina A. A. Features of Organizing Patriotic Education of Adolescents in Supplementary Education Institutions // Problems of Modern Pedagogical Education. 2020, no. 69-3, pp. 81-84.

[6] Kazaeva E. A., Chkhetiani N. S., Ponomareva L. I. Patriotism as a Tool for Forming Civic Identity: Analysis of Students' Perceptions // The World of Science. Pedagogy and Psychology. 2023, no. vol. 11, no. 2, p. 12.

[7] Concept for the Development of Supplementary Education for Children until 2030. // Government of the Russian Federation. URL: http://static.government.ru/media/files/3fIgkklAJ2ENBbCFVEkA3cTOsiypicBo.pdf (accessed 02.04.2026).

[8] Patriotic Education in Modern Russia: A Collective Monograph / ed. A. Yu. Nagornova. – Ulyanovsk: Zebra, 2024. – 236 p.

[9] Over 20 million children aged 5 to 18 participate in clubs and groups // obyasneem.rf. URL: https://обясняем.рф/articles/news/svyshe-20-mln-detey-v-vozraste-ot-5-do-18-let-zanimayutsya-v-sektsiyakh-i-kruzhkakh/?ysclid=mnk316ezwk119769264 (date of access: 03.04.2026).

Для заметок

ВОПРОСЫ ПРАВА

Всероссийский научный журнал

№ 3

(июль - сентябрь)

2026 г.

научно-издательская группа
ЮРКОМПАНИ

Подписано в печать 02.07.2026.
Формат 60x90/8. Печать цифровая. Печ. л. 18,75. Тираж 250 экз. Заказ № 56.
Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево, Моск. обл., ул. Ленина, д.102.